

Брайан Герберт · Кевин Андерсон

ДЮНА

ДОМ КОРРИНО

Вселенная Дюны

Кевин Андерсон

Дюна: Дом Коррино

«АСТ»

2001

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Андерсон К. Д.

Дюна: Дом Коррино / К. Д. Андерсон — «АСТ»,
2001 — (Вселенная Дюны)

Цикл «Дюна» был и остается уникальным явлением, однако сам автор не успел довести свой замысел до конца. Сын знаменитого фантаста Брайан Герберт откликнулся на пожелания многочисленных поклонников и на основе черновиков и набросков отца выпустил в соавторстве с Кевином Андерсоном целую серию книг, значительно расширив вселенную Дюны. Император Шаддам Коррино одержим желанием получить абсолютную власть во вселенной. Эту власть ему может обеспечить искусственная пряность, разработки которой ведутся в подземных лабораториях планеты Икс. Шаддам рвется к цели, не подозревая, что в случае успеха приведет цивилизацию к гибели. Герцог Лето Атрейдес, невзирая на дефицит военных ресурсов, пытается предотвратить катастрофу.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Андерсон К. Д., 2001
© АСТ, 2001

Кевин Андерсон, Брайан Герберт

Дюна: Дом Коррино

Brian Herbert
Kevin Anderson
DUNE
HOUSE CORRINO

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Trident Media Group, LLC и Andrew Nurnberg.

© Herbert Limited Partnership, 2001
© Перевод. А. Анваер, 2018
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Ось вращения планеты Лрракис расположена под прямым углом к радиусу ее орбиты. Сама планета не идеальный шар, а фигура вращения, утолщенная в области экватора и вогнутая у полюсов. Создается впечатление, что планета является произведением какого-то древнего искусства.

Доклад Третьей Имперской Комиссии по Арракису

Освещенные двумя лунами, плывшими по затянутому пылью небу, фрименские партизаны короткими перебежками, словно призрачные тени, передвигались между скалами пустыни. Люди сливались с зубчатыми утесами, словно были сделаны из того же грубого материала – суровые воины суровой страны.

Смерть Харконненам. Все члены вооруженного отряда дали одну клятву.

В тихий предрассветный час Стилгар, высокий чернобородый предводитель, словно кошка, крался впереди группы своих лучших бойцов. *Мы должны двигаться как тени в ночи. Тени, вооруженные спрятанными ножами.*

Подняв руку, он жестом приказал своему молчаливому отряду остановиться. Стилгар прислушался к пульсу пустыни, почти физически приникнув ушами к темноте ночи. Своими синими, с голубыми склерами, глазами он внимательно осматривал каждый квадратный сантиметр высившейся впереди скалы, нависавшей на фоне неба, как башня гигантского замка. Луны летели по небесам, и на лице скалы, делая его живым, скользили, меняя форму, темные пятна.

Люди начали подниматься вверх по крутому склону скалы, внимательно разглядывая привыкшими к темноте глазами вырубленные в камне крутые ступени. Местность казалась странно знакомой, хотя Стилгар ни разу здесь не был. Путь к этому месту описал его отец, путь, которым шли предки в Хадит-Сьетч – некогда самое крупное из поселений, оставленное фрименами в незапамятные времена.

«Хадит» – слово, взятое из старинной фрименской песни о том, как люди сумели выжить в страшной пустыне. Как у каждого живого фримена, история эта была навсегда запечатлена в душе Стилгара – легенда о предательстве и гражданской войне, которую вели первые поколения переселенцев Дзенсунни здесь, на Дюне. Легенда гласила, что все началось именно здесь, в этом священном сьетче.

Но теперь Харконнены осквернили наше древнее святилище.

Каждый боец отряда Стилгара испытывал отвращение и ненависть к Харконненам за это святотатство. В Сиетче Красной Стены на плоских камнях были видны зарубки, отмечавшие каждого убитого этими фрименами врага, и сегодня вражеская кровь прольется снова.

Небольшая колонна последовала за Стилгаром, шедшим по горной тропе. Скоро рассвет, а им надо убить еще много врагов.

Здесь, вдали от недреманного имперского ока, барон Харконнен воспользовался пустыми пещерами сиетча Хадит, чтобы устроить в них нелегальные хранилища пряности. Украденные грузы бесценной меланжи не попадали в отчеты, представляемые императору. Шаддам даже не подозревал о таком мошенничестве. Но Харконненам не удалось скрыть свои преступления от жителей пустыни.

В убогой деревне Бар Эс Рашид, расположенной у подножия хребта, Харконнены поставили пост прослушивания и охрану. Но такая хилая защита не была препятствием для Фрименов, которые давно пробили в скалах шахты и штреки, ведущие в глубокие гроты. Тайные тропы...

Стилгар отыскал трещину и пошел по едва заметной дорожке, стараясь не пропустить потайной вход в Сиетч-Хадит. Под нависшим куском скалы он обнаружил темное пятно. Опустившись на четвереньки, Стилгар пополз в темноту и скоро нашел отверстие, прохладное и влажное. Запоров нет, вход не запечатан. Лишние затраты.

Никакого освещения, никакой охраны. Стилгар вполз в отверстие, вытянул вперед ноги и поставил ногу на каменную плиту, опустив ниже вторую ногу, он нащупал следующую плиту, а за ней еще одну. Лестница вела вниз. Впереди, там, где туннель, полого спускаясь вниз, сворачивал вправо, виднелся тусклый желтоватый свет. Стилгар попятился назад и поднял руку, подзывая к себе остальных бойцов.

На полу, у подножия грубо вырубленной в скале лестницы, он вдруг увидел старинную миску. Вытащив из ноздрей затычки, Стилгар принялся. В миске лежало сырое мясо. Приманка для мелких хищников? Капкан для зверя? Стилгар застыл на месте и принялся разглядывать стену в поисках сенсоров. Неужели сигнал тревоги уже включился? Он услышал шаги и пьяный голос.

– Еще одна попалась? Пойдет в свой кулоний ад.

Стилгар и два фримена метнулись в боковой проход и обнажили свои крисы – молочно-белые острые кинжалы. От пистолетов в этом замкнутом пространстве будет слишком много шума. Когда пара харконненовских охранников прошла мимо, дыша перегаромпряного пива, Стилгар и его товарищ Тьюрок бросились вперед и напали на них сзади.

Прежде чем беспечные солдаты успели крикнуть, фримены мгновенно перерезали им горло и приложили к ранам губки, чтобы не пропала ни одна драгоценная капля крови. Молниеносными движениями фримены разоружили солдат, все еще содрогавшихся в предсмертной агонии. Стилгар взял себе одну лазерную винтовку, а вторую отдал Тьюроку.

Тусклые армейские светильники, подвешенные в темных углах, бросали на стены пещеры неяркий свет. Отряд партизан продолжил свой путь к сердцу древнего сиетча. Когда Стилгар прошел по мостику, пересекавшему конвейер, по которому в гору и из нее подавали материалы, он ощутил коричный запах пряности, который становился все сильнее по мере продвижения группы в глубь сиетча. Здесь светильники были настроены не на желтый, а на оранжевый цвет.

Воины Стилгара зароптали, увидев человеческие черепа и разлагающиеся останки, валявшиеся у стен коридора, как беспечно выставленные напоказ трофеи. Это были либо фрименские пленники, либо жители деревни, на которых солдаты Харконнена охотились ради забавы. Ярость душила партизан Стилгара. Тьюрок оглянулся в поисках врага, которого можно было бы убить.

Осторожно продвигаясь вперед, Стилгар вскоре услышал голоса и звон металла. Отряд вышел к пещере, окаймленной каменной галереей, с которой был хорошо виден обширный грот. Стилгар на мгновение представил себе громадные толпы фрименов, которые приходили сюда задолго до Харконненов, задолго до императоров, до того, как главным мерилом ценностей во вселенной стала проклятая пряность.

В центре грота высилось восьмиугольное сооружение, темно-синее с серебристым отливом, окруженное строительными лесами. Рядом располагались меньшие подсобные здания. Одно из зданий строилось; вокруг были разложены плазметаллические строительные блоки. Семь рабочих трудились в поте лица, возводя дом.

Отойдя обратно в тень, партизаны прокрались по плоским каменным ступеням на дно грота. Тьюрок и еще один фримен, вооруженные трофейным оружием, заняли господствующие места на галерее, откуда был хороший обзор. Трое партизан взобрались на леса, окружавшие восьмиугольное здание. Добравшись до вершины, фримены, на мгновение исчезнув из виду, появились снова и дали знак Стилгару. Шестеро охранников были уже бесшумно убиты крисами – надежным смертоносным оружием.

Час невидимок прошел. Двое партизан направили пистолеты на изумленных рабочих и приказали им подняться по лестнице. Люди покорно и хмуρο подчинились приказу. Видимо, им было все равно, каким тюремщикам повиноваться.

Фримены осмотрели помещение в поисках боковых коридоров и нашли казарму с двумя дюжинами охранников, спавших в помещении, пол которого был усеян пустыми бутылками из-подпряного пива. В кордегардии стоял крепкий запах меланжи.

Изрыгая проклятия, фримены ворвались в казарму и принялись работать ножами. Сыпались удары и уколы, причинявшие боль, но не смерть. Пьяных солдат Харконненов обезоружили и согнали в середину грота.

Разгоряченный Стилгар презрительно кривился, глядя на поверженных полупьяных солдат. *Всегда надеешься встретить достойного противника. Но сегодня мы его не найдем.* Даже здесь, в тщательно оберегаемом гроте, эти люди воровали пряность, которую должны были охранять. Вероятно, они делали это без ведома барона.

– Я хочу прямо сейчас замучить их до смерти. – Глаза Тьюрока мрачно блеснули в тусклом свете. – Медленно. Ты видел, что они делали со своими пленниками?

Стилгар остановил товарища.

– Побереги свой гнев на потом. Сейчас мы заставим их работать.

Почесывая черную бороду, Стилгар принялся расхаживать перед выстроенными в шеренгу пленными солдатами. Они потели от страха, и вонь потных тел начала перебивать аромат меланжи. Негромко, с угрозой в голосе, Стилгар заговорил, следуя совету Лиета Кинеса:

– Этот запас пряности нелегален и служит явным доказательством нарушения имперского закона. Весь обнаруженный запас будет конфискован и отправлен в Кайтэйн.

Лиет, недавно назначенный имперским планетологом, недавно уехал в имперскую столицу добиваться встречи с падишахом императором Шадцамом IV. Это было длинное путешествие сквозь немыслимые галактические просторы, которые предстояло преодолеть, прежде чем попасть в императорский дворец, и такой простой житель пустыни, как Стилгар, вряд ли мог представить себе такое расстояние.

– Ты хочешь сказать, фрименам? – язвительно произнес капитан, пьяный коротышка с дрожащей челюстью и высоким водяночным лбом.

– Я хочу сказать, императору. Мы располагаем полномочиями от его имени. – Синие, цвета индиго, глаза Стилгара пробуравили нахального капитана. Но краснорожий офицер был настолько пьян, что даже потерял способность испытывать страх. Очевидно, он просто не знал, что делают фримены со своими пленниками. Ничего, скоро он все узнает.

– Быстро начинайте грузить этот силос! – рявкнул Тьюрок, стоя рядом с вызволенными из плена рабочими. Те из них, кто был не слишком изнурен непосильным трудом, изумились, видя, как солдаты Харконненов вприпрыжку бросились выполнять приказ. – Вы перенесете пряность на наши орнитоптеры.

Когда восходящее солнце осветило пустыню, Стилгар начал сгорать от волнения и беспокойства. Пленные солдаты Харконнена работали уже несколько часов кряду. Этот рейд занял слишком много времени, но добыча стоила того.

Пока Тьюрок и его товарищи держали харконненовцев на прицеле, те грузили мешки с меланжей на ленту транспортера, который поднимал драгоценную пряность к выходу, к посадочной площадке орнитоптеров. Фрименские партизаны взяли сегодня ценность, на которую можно было бы купить целую планету.

Интересно, на самом деле, чего хочет барон от такого богатства?

В полдень, в точно рассчитанное время, Стилгар услышал донесшиеся снизу, от деревни Бар Эс Рашид, взрывы. Это второй отряд фрименов напал на пост Харконнена, проведя хорошо скоординированную атаку.

Четыре орнитоптера без опознавательных знаков изящно обогнули вершину горы и, медленно взмахивая механическими крыльями и ведомые фрименскими пилотами, сели точно на посадочную платформу. Освобожденные строители и фрименские партизаны начали загружать суда хорошо упакованной, дважды украденной меланжей.

Операция подошла к концу.

Стилгар выстроил пленных солдат в ряд на краю обрыва, с которого были видны пыльные крыши Бар Эс Рашида. От тяжелой работы и испытанного страха мордастый харконненовский капитан совершенно протрезвел. Волосы его лоснились от пота, глаза бегали. Встав напротив него, Стилгар с нескрываемым презрением посмотрел на врага.

Не говоря ни слова, предводитель фрименов взмахнул крисом и распорол капитану живот точно посередине – от лобка до грудины. Капитан едва не задохнулся от неожиданности, не веря своим глазам, увидевшим, как блеснули в ярком свете знойного фрименского солнца хлынувшая кровь и вывалившиеся наружу кишки.

– Ты транжиришь воду, – буркнул стоявший за спиной Стилгара Тьюрок.

Несколько солдат в панике попытались бежать, но фримены догнали их и одних сбросили со скалы, а других убили ножами. Тех, кто остался стоять на месте, уничтожили быстро и безболезненно. Фримены всегда гораздо дольше занимались трюсами.

Хмурым рабочим было приказано погрузить на орнитоптеры всех убитых. Не оставили и тела замученных харконненовцами людей из подземных коридоров. В Сиегче Красной Стены люди Стилгара проведут церемонию упокоения и извлекут из трупов всю драгоценную воду до последней капли на благо племени. Оскверненный Хадит опустеет, снова превратившись в поселение-призрак.

То будет предостережение барону.

Тяжело нагруженные орнитоптеры один за другим, словно темные птицы, взлетали в ясное небо, а Стилгар и его люди, выполнив свою миссию, зашагали под палящими лучами солнца назад в Сиегч Красной Стены.

Как только барон Харконнен узнает об утрате несметного сокровища и гибели охраны, он отправит карательную экспедицию, которая отыграется на жителях деревни, хотя эти несчастные бедные люди не имеют никакого отношения к атаке. Губы Стилгара сложились в горькую усмешку. Он решил переселить жителей в какой-нибудь безопасный дальний сиегч.

Что же касается освобожденных рабочих, то их превратят во фрименов, а тех, кто откажется, убьют. Учитывая их безрадостную убогую жизнь в Бар Эс Рашиде, Стилгар, не без основания, полагал, что делает им большое одолжение.

Когда Лиет Кинес вернется после встречи с императором, он будет очень рад узнать, что сделали фримены в его отсутствие.

Человечество знает только одну науку: науку недовольства.
Падишах император Шаддам IV.
«Декрет по поводу действий Дома Моритани»

Нижайшие умоляю о прощении, сир.

Уповаю на Вашу щедрость, сир.

По большей части император Шаддам Коррино IV находил свои рутинные обязанности скучными и утомительными. Поначалу сидение на Троне Золотого Льва вызывало в нем душевный трепет, но теперь, окидывая взглядом зал аудиенций, Шаддам думал о том, что власть привлекает и соблазняет льстецов так, как рассыпанные по полу сладкие крошки привлекают и соблазняют тараканов. Голоса просителей звучали в голове, а император, не спеша, размышлял, даровать милость или нет.

Я взываю к Вашей справедливости, сир.

Одну минуту Вашего драгоценного времени, сир.

Будучи кронпринцем, Шаддам долгие годы изо всех сил старался добиться трона. И вот теперь одним щелчком пальца он мог возводить в благородное достоинство богатых простолюдинов, уничтожать миры и ниспровергать Великие Дома.

Но даже он, император всей Известной Вселенной, не имел возможности править исключительно по своему усмотрению. Его решения всецело зависели от заседавших со всех сторон могущественных политических кукловодов. Свои интересы были у Космической Гильдии, так же как у Объединенного Совета Передовой и Честной Торговли, финансово-промышленного конгломерата, больше известного под сокращенным названием ОСПЧТ. Приятно было сознавать, что благороднейшие фамилии грызутся между собой не меньше, чем с ним.

Прошу Вас, вникните в мое дело, сир.

Взываю к Вашей милости, сир.

Орден Бене Гессерит помог Шаддаму консолидировать власть в первые годы правления. Но теперь ведьмы – включая и его собственную жену – шептались за спиной императора, вырывая нити из полотна империи и вплетая в него новые узоры, которые Шаддам не мог разглядеть.

Снизойдите до моей просьбы, сир.

Это такая малость, сир.

Однако как только будет завершен проект «Амаль» – разработка методов получения искусственной пряности, – он, Шаддам, до неузнаваемости изменит лицо империи. «Амаль». Какое магическое звучание у этого короткого слова. Но названия – это одно, а реальность – совсем иное.

Последние сообщения с Икса согревали душу. Наконец эти проклятые тлейлаксы сообщили, что эксперименты увенчались успехом, и теперь Шаддам со дня на день ожидал окончательного доказательства и доставки первых образцов. Пряность... все нити управления гигантской империей были свиты из пряности. *Скоро у меня будет собственный ее источник, и Арракис вместе с его пустынями может провалиться в тартарары.*

Мастер-исследователь Хайдар Фен Аджидика не осмелился бы сделать столь важное заявление, не имея на то оснований. Но бдительность не помешает, и Шаддам послал на Икс своего друга детства, философа-убийцу графа Хазимира Фенринга надзирать за ходом работ.

Моя судьба в Ваших руках, сир.

Да славится благоволение императора!

Сидя на хрустальном троне, Шаддам таинственно улыбался, заставляя просителей дрожать от неуверенности.

Две меднокожие, одетые в чешуйчатые шелковые одежды женщины поднялись по ступеням к спинке трона и зажгли ионные факелы, установленные по обе его стороны. Затрещавшее пламя было не чем иным, как заключенной в магнитную оболочку обузданной молнией: синезеленые шары, пронзенные мелькающими прожилками ослепительно яркого света. В воздухе, словно после грозы, повисли запах озона и шипение всепожирающего пламени.

После помпезных утренних церемоний Шаддам явился в Палату для аудиенций на час позже назначенного времени, непринужденно дав понять всем этим жалким просителям, сколь ничтожны их дела в глазах императора. Напротив, все посетители были обязаны явиться в точно определенное время, иначе их аудиенция автоматически отменялась.

Перед троном появился придворный камергер Били Ридондо и вытянул вперед руку со звуковым жезлом. Камергер коснулся отполированного каменного пола и раздался звон, от которого содрогнулся фундамент императорского дворца. Высоко вскинув брови, лысый Ридондо громко и отчетливо провозгласил бесконечно длинный титул Шаддама и открыл церемонию. Не теряя после этого ни секунды, он поднялся по ступеням и застыл у спинки трона.

Подавшись вперед и сохраняя на узком лице суровое выражение, Шаддам начал свой новый день, восседая на Троне Золотого Льва...

Церемония подтвердила его наихудшие опасения. Сплошной поток мелких, не достойных внимания делишек. Однако Шаддам изо всех сил старался выказывать сочувствие, как подобает великому правителю. Историки уже получили приказ описать во всех подробностях жизнь и царствование императора.

Во время короткого перерыва камергер Ридондо зачитал Шаддаму длинный список имперских дел. Император потягивал из чашки приправленный пряностью кофе, чувствуя, как меланжа электризует его мозг и тело. Наконец-то этот каналья повар научился по-настоящему готовить божественный напиток. Чашка была украшена затейливым узором и была настолько тонка, что казалась сделанной из яичной скорлупы. Каждую чашку, из которой Шаддам пил, немедленно разбивали после использования, чтобы никто не мог коснуться драгоценного фарфорового сосуда после императора.

– Сир? – Ридондо вопросительно взглянул на Шаддама, произнеся с невозмутимым лицом множество труднейших имен, ни разу не заглянув при этом в документы. Камергер не был ментатом, но отличался феноменальной естественной памятью, которая позволяла ему помнить обо всех деталях многочисленных придворных дел. – Вновь прибывший посетитель просит об аудиенции по делу, не терпящему отлагательства.

– Все они говорят одно и то же. Какой Дом он представляет?

– Он не из Ландсраада, сир. И он не чиновник ОСПЧТ или Гильдии.

Шаддам негодуяще фыркнул:

– В таком случае твое решение очевидно, камергер. Я не могу тратить время на всяких простолоудинов.

– Он... он не обычный простолоудин, сир. Его зовут Лиет Кинес, и он прибыл с Арракиса.

Шаддама раздражала смелость любого человека, который полагал, что можно просто так прийти и потребовать встречи с императором миллиона миров.

– Если я пожелаю говорить с кем-нибудь из этого пустынного сброда, то сам вызову его на Кайтэйн.

– Это имперский планетолог, сир. Ваш отец отправил его отца на Арракис для изучения пряности. Мне кажется, что мы получили от него множество донесений.

Император деланно зевнул.

– И все они, насколько я помню, были страшно скучны.

Теперь и он вспомнил эксцентричного Пардота Кинеса, который провел большую часть своей жизни на Арракисе, постоянно уклонялся от исполнения своих обязанностей и стал туземцем, предпочтя пыль и зной блеску и пышности Кайтэйна.

– Я потерял интерес к пустыне, – произнес император. – Особенно теперь, когда вот-вот будет завершен «Амаль».

– Я понимаю вашу сдержанность по отношению к нему, сир, но если вы не примете его, то Кинес может, вернувшись, поднять возмущение среди рабочих пустыни. Кто знает, какое влияние он способен на них оказать. Они могут решиться на всеобщую забастовку и спровоцируют барона Харконнена на насилие. Потом барон потребует присылки сардаукаров и тогда...

Шаддам поднял ухоженную руку.

– Довольно! Я хорошо тебя понял.

Этот камергер имеет обыкновение углубляться в последствия, совершенно не нужные императору.

– Пусть он войдет. Только сначала смойте с него грязь.

Лиет Кинес нашел императорский дворец впечатляющим, но не более того. Имперский планетолог привык к величию совершенно иного сорта. Ничто не может превзойти великолепия пустынь Дюны. Кинесу приходилось один на один противостоять чудовищной силе кориолисовой бури. Он путешествовал верхом на исполинских червях. Видел он и ростки зеленых насаждений, пробивавшихся к свету, несмотря на суровый климат.

Вид человека, сидевшего в кресле, пусть даже и в очень дорогом, не шел ни в какое сравнение с величием природы Дюны.

От лосьонов, которыми опрыскивали Кинеса слуги, на коже остался маслянистый налет, волосы пахли цветочными духами, а все тело провоняло синтетическими дезодорантами. Фрименская мудрость гласит, что песок очищает тело и душу. Когда Кинес вернется с Кайтэйна, то первым делом разделется и голым покатается по песку дюны, а потом постоит на пронизывающем ветру, чтобы снова почувствовать себя поистине чистым.

Так как Лиет настоял на том, чтобы остаться в хитроумном защитном костюме, слуги развернули одежду и прощупали каждый шов в поисках спрятанного оружия или подслушивающего устройства. Все части костюма были вычищены, механические детали смазаны ароматической смазкой, а вся поверхность обработана странными химикатами. Только после этого охрана разрешила Кинесу снова надеть костюм. Планетолога одолевала сомнения, будет ли теперь нормально работать такая важная часть жизнеобеспечения. Наверное, костюм придется просто выбросить. Очень жаль.

Ну что ж, не зря он – сын великого пророка Пардота Кинеса. Фримены выстроятся в длинную, до горизонта, очередь, лишь бы удостоиться чести изготовить для него новый костюм. В конце концов, у них одна цель – процветание Дюны. Но только Кинес мог добиться аудиенции у императора и выдвинуть нужные требования.

Эти имперские слуги так мало понимают в жизни!

Пятнистая коричневая накидка развевалась за спиной Кинеса, когда он твердой походкой зашагал по тронному залу. На Кайтэйне эта накидка выглядела весьма скромно, но Кинес выступал с таким видом, словно это была королевская мантия.

Камергер отрывисто произнес его имя, словно оскорбленный тем, что планетолог не носил пышного аристократического или политического титула. Кинес громко стучал пустынными сапогами по полированным плитам пола, не затрудняя себя условностями придворного этикета. Остановившись перед возвышением, на котором стоял трон, он, не поклонившись, смело заговорил:

– Император Шаддам, я должен говорить с вами о пряности и об Арракисе.

От такой прямоты придворные затаили дыхание. Император застыл на троне от такого неслыханного оскорбления.

– Ты дерзок, планетолог. С твоей стороны это безрассудство. Или ты допускаешь, что мне ничего не известно о столь важных для моей империи делах?

– Я допускаю, сир, что вам поставляют неверные сведения Харконнены. Они делают это преднамеренно, чтобы скрыть свою истинную деятельность.

Шаддам вскинул рыжеватую бровь и подался вперед, внимательно слушая, что скажет планетолог.

Кинес продолжал:

– Харконнены – это бешеные псы, рвущие пустыню. Они бессовестно эксплуатируют местное население. На добыче пряности погибает больше народа, чем даже в работных ямах Поритрина и Гьеди Первой. Я посылал вам множество докладов об этой мерзости, что, впрочем, до меня делал и мой отец. Я представил вам также долгосрочный план посадки на планете зеленых насаждений и кустарников, которые смогут изменить в лучшую сторону состояние многих районов Дюны – то есть Арракиса – и сделать их обитаемыми.

Он помолчал. Затем продолжил:

– Я могу лишь предположить, что вы не читали моих докладов, так как мы не получили на них ответа, и с вашей стороны не последовало никаких конкретных действий.

Шаддам вцепился в ручки Трона Золотого Льва так сильно, что у него побелели пальцы. Горящие по сторонам трона ионные факелы ревели, как пламя в камине. Жалкое подобие огня, бушующего в ненасытной пасти Шай-Хулуда.

– Мне вообще приходится много читать, планетолог, а многочисленные просьбы отнимают у меня массу времени.

Сардаукары охраны, видя изменение настроения императора, приблизились к Кинесу.

– Но многие ли из них имеют такую же важность, как будущее производства меланжи?

Императора, как и всех присутствующих, потряс неожиданный отпор. Сардаукары положили руки на эфесы клинков.

Не обращая внимания на грозившую ему опасность, Кинес продолжал говорить:

– Я просил прислать новое оборудование, ботаников, метеорологов и геологов. Я просил прислать экспертов по культурам, чтобы они помогли понять, почему люди пустыни выживают, в то время как ваши Харконнены теряют так много своих рабочих.

Первым потерял терпение камергер:

– Планетолог, никто не смеет что-либо требовать от императора. Шаддам Четвертый единолично решает, что важно и куда следует щедрой рукой направить необходимые ресурсы.

Кинеса не испугали ни Шаддам, ни его лакей.

– Ничто так не важно для империи, как пряность. Я хочу вспомнить историю и сказать, что император должен быть провидцем, провидцем в духе кронпринца Рафаэля Коррино.

От такой дерзости Шаддам встал. Такое редко случалось с ним во время аудиенций.

– Довольно!

Он испытал неудержимое желание немедленно позвать палача, но разум возобладал. С большим, правда, трудом. Этот человек еще может понадобиться ему. И кроме того, если проект «Амаль» увенчается успехом, то какая это будет радость дать Кинесу возможность наблюдать, как его любимая пустынная планета потеряет всякое значение в глазах императора.

Взяв себя в руки, император тишим тоном произнес:

– Мой министр по делам пряности граф Хазимир Фенринг вернется на Кайтэйн в течение наступающей недели. Если ваши просьбы заслуживают внимания, он займется их рассмотрением.

Сардаукары выступили вперед, взяли Кинеса под руки и стремительно вывели из зала аудиенций. Планетолог не стал сопротивляться. Он получил внятные ответы на все свои вопросы. Он понял, что император Шаддам слеп и эгоцентричен, а Лиет Кинес не мог уважать такого человека, не важно, сколькими мирами тот безраздельно правил.

Отныне Кинес знал, что фрименам придется самим заботиться о Дюне, и будь проклята эта великая империя.

*Те, кто жив лишь наполовину, всегда просят недостающее, но
отрекаются от него, как только получают требуемое. Они боятся
доказательства своей неполноценности.
Приписывается святой Серене Батлер.
«Апокрифы Джихада»*

В банкетном зале Каладанского замка хорошо одетые слуги всем своим видом поддерживали видимость благополучия, хотя от их герцога осталась только бледная тень.

По выложенным каменными плитами коридорам сновали женщины в ярких нарядах, каждая ниша освещалась ароматными мускатными свечами. Но даже лучшие блюда, приготовленные поваром, тончайший фарфор и крахмальные белоснежные скатерти были не в состоянии рассеять мрак скорби, в которую был погружен Дом Атрейдесов. Каждый слуга чувствовал боль Лето, но не мог ничем ему помочь.

Леди Джессика сидела у торца обеденного стола на стуле резного элакского дерева, на своем обычном месте, предназначенном для официальной наложницы главы Дома. Во главе стола, гордо вскинув голову, сидел ее темноволосый, высокий и стройный любовник, отмечавший рассеянной вежливой улыбкой старание одетых в зеленые ливреи лакеев, которые то и дело вносили перемены блюд.

За столом было много пустых мест, пожалуй, даже чересчур много. Чтобы облегчить горе Лето, Джессика тайно приказала вынести из обеденного зала маленький стул, на котором обычно сидел за столом шестилетний Виктор, погибший сын герцога. Несмотря на многолетние тренировки и обучение в школах Бене Гессерит, Джессика оказалась не способной утешить Лето в его горе, и от этого ее сердце болело еще сильнее. Она так много могла бы сказать ему, если бы он только захотел ее выслушать. По обе стороны стола сидели также ментат Туфир Гават и покрытый боевыми шрамами контрабандист Гурни Халлек. Гурни, который обычно за столом развлекал собравшихся песнями и игрой на балисете, был необычайно молчалив и сосредоточен. Мысли его были заняты предстоящей ему и Гавату тайной поездкой на Икс, где они должны были разведать уязвимые места в системе обороны тлейлаксов.

Туфир, обладавший мозгом, способным заменить сотню компьютеров, должен был в зависимости от условий составлять нужные планы, для чего ему требовались считанные мгновения, а Гурни отличался способностью безошибочно находить пути проникновения в незнанные места и уходить от погони в самых неблагоприятных обстоятельствах. Эти двое должны были добиться успеха там, где всякий другой неминуемо потерпел бы поражение.

– Я хочу еще белого каладанского, – произнес оружейный мастер Дункан Айдахо, взявшись за свой бокал. К нему немедленно подбежал лакей с бутылкой дорогого местного вина. Дункан твердой рукой подставил бокал под хлынувшую из бутылки золотистую струю. Подняв руку, он велел лакею подождать и отхлебнул, потом сделал знак долить вино доверху.

Посреди неловкого молчания Лето, не отрываясь, смотрел на резную арку входа в обеденный зал, словно ожидая, что сейчас на пороге появится еще один гость. Глаза герцога поблескивали, как кусочки затуманенного льда.

Взорванный клипер... Объятый пламенем корабль...

Изуродованный и обожженный Ромбур... Погибший Виктор...

Пережить все это, чтобы узнать, что взрыв устроила ревнивая наложница Кайлея, родная мать Виктора, которая позже выбросилась из окна каладанского замка, не выдержав невыносимых стыда и горя...

В дверях кухни с гордым видом появился повар, несший на вытянутых руках огромный поднос.

– Наше лучшее блюдо, милорд герцог. Мы создали его в вашу честь.

На блюде лежала тушка ценной рыбы, завернутая в хрустящие ароматные листья. В складки розоватого мяса были воткнуты «иголки» розмарина. Пурпурно-синие ягоды можжевельника украшали блюдо, словно маленькие драгоценные камни. Лето положили на блюдо самую изысканную часть филе, но он даже не взял в руку вилку, продолжая неотрывно смотреть на дверь. Продолжая ждать.

Наконец за дверью раздались гулкие шаги и жужжание моторов. На лице Лето отразились предчувствие и предвкушение. Он резко встал. В банкетный зал впорхнула легкая, как пушинка, Тессия. Она стремительно оглядела обеденный зал, заметила стул, место, где с каменного пола был убран ковер, и одобрительно кивнула.

– Он поразительно быстро прогрессирует, мой герцог, но мы должны проявить терпение.

– Его терпения хватит на всех нас, – ответил Лето, и в глазах его затеплился огонек надежды.

В банкетный зал, передвигаясь с математически рассчитанной точностью, вошел принц Ромбур Верниус, подчиняясь работе электролитических мышц, шиговых сухожилий и микроволоконных нервов. Покрытое шрамами лицо, созданное отчасти из естественной, отчасти искусственной кожи, выражало максимальную концентрацию внимания и воли. На бледном, как воск, лбу выступили капли пота. Принц был одет в короткую, свободную рубашку, на лацкане которой был виден пурпурно-медный завиток, гордый символ поверженного Дома Верниусов.

Тессия поспешила к возлюбленному, но Ромбур движением металлического, покрытого полимерным материалом, пальца остановил ее, показывая, что он все сделает самостоятельно.

Взрыв на клипере превратил тело принца в кусок обожженной плоти, оторвал ему конечности, лишил половины лица, уничтожил половину органов. Однако Ромбур выжил: от некогда яркого пламени остался едва тлеющий уголек. Да и сейчас это был пассажир механического судна, выполненного в форме человека.

– Я иду так быстро, как могу, Лето.

– Нам некуда спешить. – Сердце Лето было готово выскочить из груди навстречу храброму другу. Когда-то они вместе рыбачили, играли в игры, озорничали и планировали будущие подвиги. – Я буду чувствовать себя негодяем, если ты упадешь и что-нибудь сломаешь, я имею в виду, например, стол.

– Это было бы и в самом деле забавно.

Лето вспомнил, как сильно злокозненные тлейлаксы хотели заполучить в свое распоряжение генетический материал Атрейдесов и Верниусов, как эти мерзавцы шантажировали его, пытаясь сыграть на его величайшем горе. Они сделали Лето дьявольское предложение: в обмен на изуродованное тело все еще живого Ромбура они соглашались вырастить гхола – клон из мертвых клеток – малолетнего сына Лето Виктора.

Ненависть тлейлаков к Дому Атрейдесов была глубока, но еще больше ненавидели они Дом Верниусов, власть которого они свергли на Иксе. Тлейлаксы хотели получить доступ к полному набору ДНК Атрейдесов и Верниусов. С помощью тел Виктора и Ромбура они получали возможность в любом количестве фабриковать гхол, клонов, убийц и двойников.

Но Лето отклонил их предложение. Вместо этого он воспользовался услугами доктора Сук Веллингтона Юэха, ведущего специалиста по замене конечностей и органов.

– Благодарю вас за этот обед, устроенный в мою честь. – Ромбур оглядел расставленные на столе блюда и подносы. – Прошу меня простить, если все это немного остыло.

Лето сомкнул ладони, обозначив этим жестом аплодисменты. Дункан и Джессика последовали его примеру. Наблюдательная Джессика заметила, что в глазах герцога блеснули тщательно скрываемые слезы.

За своим пациентом в банкетный зал вошел желтолицый доктор Юэх. Врач на ходу читал записи и смотрел на дисплей, который регистрировал импульсы, поступавшие из кибернетических систем жизнеобеспечения Ромбура. Стройный худощавый врач удовлетворенно сложил цветком свои пурпурно-красные губы.

– Прекрасно. Блестяще. Ваш организм работает в полном соответствии с конструкцией. Правда, несколько компонентов нуждаются в дополнительной настройке. – Словно хорек, он, как будто приняхиваясь, обошел вокруг принца-киборга, который продолжал медленно, обдуманно шагая, идти к столу.

Тессия выдвинула из-под стола стул для Ромбура. Синтетические ноги твердо упирались в пол, но движения их были лишены грации. Кисти были похожи на рыцарские перчатки, а руки свисали по бокам тела, как весла галеры.

Ромбур с улыбкой посмотрел на большой кусок рыбы, который ему только что положили.

– Она изумительно пахнет. – Он медленно, словно на подшипниках, повернул голову в сторону врача. – Как вы думаете, я могу это есть, доктор Юэх?

Доктор Сук задумчиво тронул свои длинные усы.

– Можете отведать немного. Ваш пищеварительный тракт должен начать работать.

Ромбур повернул голову к Лето:

– Кажется, мне придется некоторое время потреблять энергетически полноценные клетки, а не мучные десерты.

Он опустился на стул, и все гости последовали его примеру.

Лето поднял бокал и задумался, составляя тост. Потом лицо его мучительно исказилось и он просто пригубил вина.

– Мне так жаль, что все это произошло именно с тобой, Ромбур. Эти механические органы... было самое лучшее, что я мог для тебя сделать.

Покрытое шрамами лицо принца зарделось от смешанного чувства благодарности и раздражения.

– Черт возьми, Лето, хватит извиняться. Поиск всех граней вины поглотит годы жизни Дома Атрейдесов, а все мы за это время сойдем с ума.

Он поднял механическую руку и согнул кисть в искусственном суставе, внимательно наблюдая за своими действиями.

– Не так уж плохо. На самом деле, это просто замечательно. Вы знаете, доктор Юэх – настоящий гений. Вы должны помогать ему изо всех сил как можно дольше.

Доктор Сук откинулся на спинку стула, стараясь не залить краской от такого комплимента.

– Вспомните, что я уроженец Икса, и могу оценить достижения технологии, – сказал Ромбур. – Теперь я и сам – живое воплощение передовой технологии. Если есть на свете человек, который лучше скроен для существующих обстоятельств, то я очень бы хотел с ним познакомиться.

Долгие годы принц в изгнании Ромбур ждал своего часа, оказывая посильную помощь иксианскому движению сопротивления, посылая на истерзанную родину взрывчатку и военную амунизию, поставленную герцогом Лето.

За последние месяцы Ромбур окреп не только физически, но и умственно. Хотя от прежнего Ромбура осталась лишь незначительная часть, он в последнее время все чаще говорил

об освобождении Икса, доводя себя подчас до такого состояния, что Тессии приходилось его успокаивать.

Наконец Лето решил рискнуть и послать на Икс разведывательную группу в составе Туфира и Гурни, преследуя при этом свою цель и преисполнившись решимости достичь успеха перед лицом всех трагедий, которые ему пришлось пережить. Речь шла не о том, сможет ли Атрейдес атаковать тлейлаков, а о том, когда и как он это сделает.

Не поднимая взгляд, заговорила Тессия:

– Не надо недооценивать силу Ромбура. Он один из немногих, кто знает, как приспособиться, чтобы выжить.

От Джессики не ускользнуло выражение обожания, мелькнувшее на лице наложницы принца. Тессия и Ромбур много лет прожили на Каладане вместе, и все это время Тессия побуждала принца оказывать поддержку освободительному движению на Иксе, чтобы впоследствии Ромбур мог восстановить свою законную власть. Тессия была рядом в самые тяжелые времена Ромбура, она осталась с ним даже после взрыва. Первое, что сказал ей Ромбур, когда к нему вернулось сознание: «Я удивлен, что ты осталась со мной». «Я останусь с тобой до тех пор, пока буду тебе нужна», – ответила наложница.

Тессия проявила бурную энергию, отстаивая интересы принца. Она осмотрела покои, в которых он должен был жить, готовила приспособления, которые должны были помочь ему в повседневной жизни. Тессия постоянно делала все, чтобы Ромбур окреп и стал сильнее.

– Как только принц Ромбур почувствует себя лучше, – объявила она, – он поведет народ Икса к победе.

Джессика не могла понять, следует ли эта женщина с каштановыми волосами велению своего сердца или выполняет тайные инструкции, данные ей Общиной Сестер.

Сама Джессика все свои детские годы слушала своего учителя и ментора, Преподобную Мать Гайус Элен Мохиа. Джессика следовала самым жестоким инструкциям наставницы, учась тому, что преподавала ей старая женщина.

Сейчас Орден потребовал соединения генетического материала герцога с генетическим материалом Джессики. В недвусмысленных выражениях ей было предписано соблазнить Лето и зачать дочь Атрейдеса. Испытав незнакомое и запретное чувство любви к этому темноволосому и своенравному герцогу, Джессика решилась на мятежный поступок и отложила беременность. Потом, после смерти Виктора, видя разрушительную депрессию и подавленность возлюбленного, она позволила себе зачать сына, нарушив строжайший приказ. Мохиа назовет Джессику предательницей и будет разочарована ее поведением. Но ведь Джессика может потом родить еще и дочь, разве нет?

Сидя в специально сконструированном для него кресле, Ромбур согнул в локте левую руку и осторожно опустил пальцы в боковой карман куртки. Примерившись, он аккуратно зашарил рукой в кармане, стараясь что-то оттуда достать. Наконец принц извлек из кармана сложенный лист бумаги и старательно его развернул.

– Вы только посмотрите на этот великолепный двигательный контроль, – сказал Юэх. – Это лучше, чем я ожидал. Вы много тренировались, Ромбур?

– Я тренируюсь каждую секунду. – Принц поднял вверх листок. – Каждый день я вспоминаю все новые и новые вещи. Это самый лучший эскиз, на который я оказался способен. Здесь я изобразил несколько тайных туннелей, которые могут оказаться полезными для Гурни и Туфира.

– Другие пути оказались слишком опасными, – произнес ментат. В течение нескольких десятилетий многие шпионы пытались прорвать систему безопасности тлейлаков. Несколько разведывательных групп Атрейдесов сумели проникнуть на Икс, но вернуться назад им не удалось. Другие же не смогли даже попасть в подземные города Икса.

Но Ромбур, сын графа Доминика Верниуса, был полон знаний о тайных системах безопасности и секретных входах в пещерные города. За время своего затянувшегося выздоровления он вспомнил многие, казалось, навсегда ушедшие из памяти детали, которые могли помочь проникнуть в цитадель противника.

Обратив внимание на еду, Ромбур взял вилку и подцепил изрядный кусок рыбы. Заметив неодобрительный взгляд доктора Юэха, он положил рыбу в тарелку и отрезал маленькую порцию.

Лето взглянул на свое смутное отражение в отполированном синем обсидиане, которым были выложены стены банкетного зала.

– Волки готовы наброситься на слабеющего члена стаи и сожрать его. Так же и некоторые аристократические семейства только и ждут, когда я покачнусь. Например, семейство Харконненов.

После катастрофы клипера закаленный невзгодами герцог не мог больше молча сносить любую несправедливость. Теперь он желал освобождения Икса не меньше, чем Ромбур.

– Вся империя должна видеть, что Дом Атрейдесов силен, как всегда.

Когда мы пытаемся подавить свои самые сокровенные влечения, все наше существо кричит от унижения и предательства.

Учение Бене Гессерит

Леди Анирул было больно смотреть, как Вещающая Истину Лобия умирала на жесткой циновке в своих покоях, больше похожих на монашескую келью. *Ах, друг мой, ты заслужила гораздо большего.*

За последние годы старая Сестра сильно ослабела, но продолжала упрямо цепляться за жизнь. Вместо того чтобы по праву вернуться в родные стены Школы Матерей на Валлахе IX, Лобия упорно продолжала исполнять свои обязанности у Трона Золотого Льва. Ее замечательный ум – она называла его своим «самым ценным достоянием» – был по-прежнему острым и живым, как в молодости. В качестве имперского Вещающего Истину Лобия верой и правдой служила императору, обнаруживая ложь и обман, которыми был окружен властитель. Правда, Шаддам редко выказывал свое расположение к Лобии.

И вот сейчас уходящая навсегда женщина, лежа на циновке, смотрела снизу вверх в окруженное нимбом неяркого света лицо Анирул, которая с большим трудом сдерживала закипавшие на глазах слезы. Эта старая Сестра была ее единственной верной подругой в огромном холодном дворце, а не просто коллегой по Ордену. Лобия была живым, остроумным человеком, с которым Анирул могла делить все свои мысли и тайны. И вот этот человек умирает.

– Ты поправишься, Мать Лобия, – заговорила Анирул. Пластоновые стены хранили холод, который пронизывал до костей. – Мне кажется, что ты немного окрепла.

Старуха ответила голосом, напоминающим треск сухих листьев:

– Никогда не пытайся лгать Вещающему Истину... Особенно императорскому.

Это было часто повторяемым наставлением. В слезящихся глазах умирающей заплескали огоньки радости, смешанной с самоосуждением. Лобия издала хрип и усилием воли заставила грудь вздыматься в правильном ритме.

– Неужели ты так ничему у меня не научилась?

– Я хорошо усвоила, что ты очень упряма, друг мой. Не упорствуй, позволь мне позвать сюда Медицинскую Сестру. Йоха справится с твоей болезнью.

– Общине Сестер больше не нужна моя жизнь. Это так, как бы ни хотелось тебе противоположного. Надо ли мне отчитать тебя за излишнюю сентиментальность, или останемся при нашем обоюдном смущении?

Лобия закашляла, но призвав на помощь упражнение Поддержки Бинду, справилась с кашлем и одышкой. Сделав два глубоких вдоха и закончив ритуал медитации, Лобия задышала спокойно, как в молодости, не отягощенной мыслями о смерти.

– Мы не предназначены для вечной жизни, хотя голоса Другой Памяти иногда заставляют нас поверить в это.

– Думаю, что ты просто получаешь удовольствие, дразня меня за предубеждения, Мать Лобия.

Они часто вместе плавали по подземным каналам дворца; разыгрывали стратегические игры, часами глядя в глаза друг другу. Выигрыш давался едва заметными нюансами поведения. Анирул не хотела, чтобы все это кануло в Лету.

Хотя Вещающая Истину жила в пышном императорском дворце, ее личные покои были лишены каких бы то ни было украшений. Никаких ковров на деревянном полу. Лобия велела вынести роскошные картины, висевшие на стенах, бархатные импортные коврики, призматические оконные стекла.

– Эти удобства затемняют разум, – говаривала она Анирул. – Всякие безделушки отнимают время и высасывают энергию.

– Но разве не разум человека создал ненужную роскошь? – возражала Анирул.

– Люди высочайшего ума создают замечательные вещи, но тупоголовые создания используют их в своих ничтожных целях. Я предпочитаю не быть тупоголовой.

Как мне будет не хватать этих бесед, когда она уйдет...

С глубокой печалью Анирул подумала, что император вряд ли заметит отсутствие этой старой женщины. На протяжении десятилетий Лобия замечала мельчайшие капельки пота на лбу говорившего, малейшие повороты головы, движения губ, тональности голоса и многое, многое другое.

Не пошевелившись на своем жестком ложе, Лобия внезапно широко открыла глаза.

– Час настал.

Страх обжег сердце Анирул жарким пламенем. *Я не буду бояться. Страх убивает разум. Страх – это маленькая смерть, которая полностью затмевает ум.*

– Я поняла, Мать Лобия, и готова тебе помочь, – прошептала она.

Я встречу свой страх лицом к лицу, он пройдет через меня и мимо меня.

С трудом удерживая слезы, Анирул, как в молитве, склонилась к циновке и прижалась лбом к сухому виску престарелой Вещающей Истину. Перед уходом в вечность Преподобная Мать Лобия должна была совершить очень важный ритуал.

Анирул очень не хотела лишаться бесед и дружбы этой пожилой женщины в пустом и холодном дворце. Но на самом деле она не лишится драгоценного общества Вещающей Истину. Во всяком случае это лишение не будет полным и окончательным.

– Поделись со мной, Лобия. В моей голове есть место и для твоей памяти.

Глубоко в своем сознании Анирул ощутила волнение и многоголосый ропот – это заговорила Другая Память, генетически записанный опыт всех ее предков. Как будущая мать Квисац-Хадераха, Анирул была особенно чувствительна и восприимчива к древним мыслям и жизням, опыт которых терялся в глубине веков и предшествовавших поколений. Скоро к ним присоединится память и жизнь Лобии.

Своим горячим лбом Анирул ощутила пульсацию крови на висках старухи. Биение сердца стало сильным и ритмичным, открылись каналы разума и поток памяти хлынул в голову Анирул, как вода сквозь открытый шлюз плотины. Лобия изливала свою жизнь в Анирул,

переноса память, различные жизненные ситуации, аспекты личности, каждый бит сведений, хранившихся в ее мозгу.

Настанет день, когда Анирул сама передаст свою память более молодой Сестре. Таким образом коллективная память Общины Сестер умножалась и сохранялась и становилась доступной для всей Общины Сестер Бене Гессерит.

Освободившись от груза жизни, Лобия испустила давно сдерживаемый вздох и съежилась в пустой безжизненный каркас, мертвую оболочку некогда живого духа. Теперь вся ее память жила в Анирул, вместе с другими голосами генетической памяти. Когда настанет время, мать Квисац-Хадераха призовет память Лобии и они снова будут проводить время вместе...

Услышав тихий нежный голос, Анирул мгновенно отвернулась в сторону и стерла с лица следы переживаний и эмоций. Она не смела показать их другим Сестрам, они не должны видеть слабость даже в минуту большого горя. В дверях стояла хорошенькая молодая послушница Ордена.

– Приехала важная гостья, миледи. Прошу вас, следуйте за мной.

Анирул сама удивилась спокойствию, с каким она произнесла необходимые слова.

– Сестра Лобия умерла. Мы должны известить Верховную Мать, что императору нужна новая Вещающая Истину.

Бросив короткий тоскливый взгляд на старую женщину, пустые и холодные останки которой остались лежать на циновке, Анирул тихими шелестящими шагами поспешила прочь вслед за послушницей.

Послушница изумленно подняла брови, приняв неприятную новость. Девушка привела Анирул в элегантно обставленную комнату для переговоров, где уже ждала Преподобная Мать Мохиам. Эта женщина с впалыми щеками и седыми волосами была одета в черную абу, традиционную накидку Ордена Сестер.

Прежде чем Мохиам заговорила, Анирул сухо и без эмоций доложила ей о смерти Лобии. Прибывшая Преподобная Мать не выказала никакого удивления.

– Я тоже принесла вам давно ожидаемую весть, леди Анирул. Она особенно согреет ваше сердце в день утраты.

Мохиам говорила на древнем языке, который был непонятен любому, кто попытался бы подслушать разговор Сестер.

– Джессика наконец забеременела от герцога Лето Атрейдеса.

– Как ей и было велено. – Мрачность улетучилась с лица Анирул; вместо нее в глазах мелькнула радость от перспективы появления новой жизни.

После нескольких тысяч лет непрерывных трудов самый важный план Бене Гессерит начнет наконец приносить свои долгожданные плоды. Дочери, которую сейчас носит во чреве Джессика, суждено стать матерью давно ожидаемого Квисац-Хадераха, мессии, который будет править миром под контролем Общины Сестер.

– В конце концов, сегодня, наверное, не такой уж мрачный день.

Если каждое человеческое существо обладало бы предзнанием, то оно стало бы бессмысленным, ибо куда в таком случае можно было бы его приложить?

Норма Ценва, «Расчет философии»; древние журналы Гильдии; из частной коллекции Россака

Человеческие поселения на планете Джанкшн появились задолго до того, как легендарный патриот и торговый магнат Аурелиус Венпорт основал Космическую Гильдию. Спустя сто-

летия после Джихада Слуг, когда только что созданная Гильдия искала планету, где можно было разместить массивные лайнеры, планета Джанкшн с ее необъятными равнинами и редким населением идеально отвечала этим требованиям. Теперь вся планета была покрыта посадочными полями Гильдии, ремонтными заводами, гигантскими ангарами и тщательно охраняемыми школами таинственных навигаторов.

Почти не принадлежавший больше человеческому роду штурман Д'мурр плавал внутри запечатанного бака, наполненного пряным газом, и окидывал Джанкшн своим мысленным взором. Едкий коричневый аромат чистой меланжи пропитал его кожу, легкие, разум. Ничто на свете не могло быть приятнее этого сладкого запаха.

Подоплан подхватил бронированную камеру Д'мурра и тихо понес ее за горизонт, к новому лайнеру, на который был назначен Д'мурр. Он жил теперь только для того, чтобы в мгновение ока разворачивать пространство и с немыслимой скоростью преодолевать его, связывая между собой самые удаленные точки вселенной. И это была лишь малая часть того, что он понимал теперь, когда в нем практически ничего не осталось от прежнего человеческого облика.

Округлый подоплан пересек по воздуху обширное поле, на котором стояли приземлившиеся лайнеры – километры и километры исполинских, чудовищных судов, от которых зависела торговая мощь империи. Гордость – примитивное чувство обычных людей, но Д'мурр все еще испытывал удовольствие, вспоминая, какое место занимает он во вселенной.

Он посмотрел на главное поле и ремонтные ангары, где обслуживались и усовершенствовались гигантские космические суда, где к ним подгоняли новые, необходимые для работы модули. Корпус одного из лайнеров был поврежден после столкновения с астероидом; старый навигатор, управлявший лайнером, был серьезно ранен. Д'мурр, вспомнив об этом, ощутил мимолетную грусть, еще одна тень того иксианского мальчика, которым он некогда был. Настает день, когда его разум будет столь широким, что, даже сфокусировав память, он не сможет вспомнить свое прежнее «я».

Впереди показались аккуратные белые стелы Поля Навигаторов, где стояли памятники погибшим на своем посту навигаторам. Две стелы были совсем новыми. Их поставили в честь двух пилотов, погибших во время проведения над ними добровольного эксперимента. Физиологию этих пилотов целенаправленно изменили, чтобы сделать их способными к экстренной связи с планетами во время полета. Проект называли «Гильдлинк». Идея была основана на опыте общения Д'мурра с его братом-близнецом К'тэром.

Проект, однако, не увенчался успехом. После нескольких удачных сеансов связи спаренные сознанием навигаторы не выдержали нагрузки. Их мозг отказал, и они погрузились в торпидную кому. Гильдия прекратила дальнейшие исследования, несмотря на возможные гигантские доходы. Навигаторы были слишком ценными и талантливыми кадрами, и было слишком дорогим удовольствием рисковать ими таким экстравагантным способом.

Взревев моторами и подняв сильный ветер, подоплан приземлился на периметр мемориального поля у подножия Оракула Бесконечности. Большая сфера из прозрачного плаза была наполнена золотистыми вихрями и полосами, символизировавшими подвижную и переменчивую звездную туманность. Движения полос усилились, когда служащий, одетый в мундир Гильдии, отсоединил камеру Д'мурра от грузового подоплана.

В Гильдии существовал давний обычай: перед новым назначением каждый навигатор приходил к Оракулу, чтобы «пообщаться» с ним, очистить и укрепить свои способности к предзнанию. Этот опыт, подобный во многом самому доблестному путешествию сквозь свернутое пространство, связывал пилота с таинством образования Гильдии.

Закрыв свои маленькие глазки, Д'мурр чувствовал, как волны, исходящие от Оракула, накатываясь одна за другой, расширяют горизонты его разума, открывая все новые возможности, пока все они не стали для навигатора очевидной истиной. Д'мурру показалось, что на него

кто-то смотрит, наблюдая за ним и оберегая его. Видимо, это был сверхъестественный чувствующий коллективный разум Гильдии, и новое ощущение вселило покой в душу навигатора.

Ведомый древним сильным Оракулом, разум Д'мурра прозрел прошлое и будущее времени и пространства. Все это было прекрасным и совершенным от момента акта творения. Пряный меланжевый газ начал растекаться во все стороны, охватывая измененные лица тысяч навигаторов, представших перед мысленным взором Д'мурра. Мысли и образы заплясали перед глазами, прихотливо смешивая изображения людей и навигаторов, навигаторов и людей... Д'мурр увидел женщину, тело которой постепенно уменьшалось и съеживалось до тех пор, пока не остался один огромный обнаженный мозг...

В самом Оракуле вдруг исчезли все фигуры, оставив Д'мурра наедине с щемящей пустотой. Закрыв глаза, он по-прежнему видел пульсирующую туманность в плазовом чреве сферы. Когда механическая рука подоплана подхватила камеру и полетела к ожидавшему лайнеру, дух Д'мурра все еще пребывал в смятенном состоянии.

Он многое повидал за время своих путешествий в пространстве, но это было не все, далеко не все. В космосе действовали мощные непредсказуемые силы, которых не мог прозреть даже Оракул Бесконечности. Обычные люди, даже такие могущественные, как Шаддам IV, не способны понять, какого джина могут они выпустить из бутылки.

Вселенная очень опасное место.

Меланжа – многорукое чудовище; она дает одной рукой, а отбирает всеми остальными.

Секретный меморандум ОСПЧТ.

Лично для императора

Белая транспортная капсула быстро катилась по рельсовым путям, связывавшим лабораторные корпуса подземного города. Стуча по старым рельсам, вагончик спотыкался на стыках, стоя некоторое время, прежде чем двинуться дальше.

Стоя на прозрачном плазовом полу капсулы, мастер-исследователь Хайдар Фен Аджидика прекрасно видел под ногами многочисленные переходы, конвейеры и технические устройства, слаженно работавшие над выполнением жизненно важной задачи. *Все находится под моим надзором.* Император тешил себя иллюзиями, воображая, что это он направляет ход работы, шедшей сейчас на Ксуттухе, бывшем Иксе, хотя единственным действительно главным человеком здесь был именно он – мастер Аджидика. Со временем это поймут все, даже близорукие политики его родного тлейлаксианского племени. Но к этому моменту время будет упущено, и никто не сможет отнять у Аджидики лавры победителя.

Тем временем капсула подъехала к тщательно охраняемому исследовательскому корпусу. До того, как народ Тлейлаксу покорил эту планету, передовые иксианские предприятия производили массу величайших технических ценностей во славу Дома Верниусов, но теперь на их месте возникли лаборатории, которые решают куда более грандиозные задачи во славу Бога и главенства избранной тлейлаксианской расы.

Однако сегодня Аджидике предстояло испытание особого рода – новая встреча с графом Фенрингом, имперским министром по делам пряности. Правда, на этот раз мастер мог пораздовать министра обнадеживающим докладом и оттянуть присылку на Ксуттух императорских сардаукаров.

За последние несколько месяцев Аджидика сумел провести полномасштабные исследования искусственной пряности, в ходе которых было выполнено тщательное сравнение мельчайших аспектов эффективности меланжи и амалия. Одна из самых трудноразрешимых тайн,

ритуальное использование меланжи Сестрами Бене Гессерит, была раскрыта совершенно случайно, когда в руки Аджидики неожиданно попала одна из шпионок этих ведьм. Теперь эта пленница, скрывавшаяся под именем Мираль Алехем, служила куда более благородным целям.

Капсула со скрежетом остановилась перед главным исследовательским корпусом, и Аджидика ступил на безупречно вычищенную платформу. Фенринг уже здесь, а этот человек не любит, когда его заставляют ждать.

Мастер поспешил к лифту, и кабина спустила его на нижний уровень, где находилась основная лаборатория. В этот момент произошла заминка. Дверь лифта не желала открываться. В раздражении Аджидика нажал кнопку экстренного вызова и закричал в микрофон селекторной связи:

– Вызовите меня отсюда и поторопитесь, я очень занятой человек!

Лифт остался здесь еще с прежних времен и был сконструирован иксианцами, и сейчас эта проклятая простая техника очень не вовремя отказала. В чем дело? Слишком многое стало разваливаться в этой волшебной, на первый взгляд, лаборатории. Может, это саботаж безликих и анонимных мятежников? Хотя скорее всего лифт просто неисправен из-за плохого технического обслуживания.

Аджидика слышал, как снаружи переговариваются люди, пытавшиеся с помощью грубых инструментов взломать заклиненную дверь. Мастер ненавидел замкнутые пространства и с трудом переносил необходимость жить и работать под землей. Ему постоянно казалось, что он задыхается в густом, насыщенном искусственными ароматическими веществами воздухе. Аджидика прошептал катехизис Великой Веры и стал униженно просить Бога об освобождении из этой западни. Достав из кармана флакон, он высыпал на ладонь две дурно пахнущие пилюли и торопливо их проглотил.

Что они так долго возятся?

Стараясь взять себя в руки, Аджидика принялся в тысячный раз проигрывать в уме план, который он уже начал приводить в действие. С самого начала работ он вступил в контакт с маленькой группой тлейлаксианцев, которые будут служить ему после того, как он сбежит с Ксуттуха с драгоценными аксолотлевыми чанами. В самом дальнем уголке империи, окруженный смертоносными лицедеями, он, Хайдар Фен Аджидика, станет основателем нового тлейлаксианского режима – оплота по-настоящему истинной веры.

Были уже сделаны все приготовления, большегрузный фрегат был готов принять на борт его самого, свиту лицеделов и драгоценный секрет производства амалая. После бегства взорвется бомба, которая уничтожит секретные лаборатории и половину подземного города. Пыль от взрыва не успеет осесть, когда Аджидика будет уже далеко, вне пределов досягаемости для любой погони.

Оказавшись на безопасной планете, мастер предпримет все необходимое, чтобы собрать военные силы и оградить себя от неминуемых императорских репрессий. Он, и только он один, будет контролировать производство и продажу недорогой синтетической меланжи. Он станет единоличным хозяином пряности во всей вселенной. Кто знает, может быть, именно ему, Аджидике, предстоит со временем занять Трон Золотого Льва. Если, конечно, он сумеет выбраться из этого злосчастного лифта.

Наконец, с немыслимым грохотом, под торжествующие крики рабочих, дверь была вскрыта. В кабину заглянули два помощника.

– С вами все нормально, мастер?

За спинами помощников, сохраняя на лице ироническую усмешку, стоял граф Фенринг. Граф не отличался высоким ростом, но над тщедушным мастером он возвышался, как башня замка над ветхой хибарой.

– Небольшие проблемы, хмм-а?

Оправившись от пережитого потрясения, Аджидика грубо растолкал своих ассистентов.

– Идемте со мной, граф Фенринг.

Мастер-исследователь повел министра по делам пряности в знакомый демонстрационный зал, громадное помещение с белыми гладкими стенами, полами и потолком. Помещение было забито научным оборудованием и манипуляторами. Посередине зала стоял красный стол, накрытый прозрачным колпаком.

– Хм-м, вы, как я вижу, снова, как в прошлый раз, хотите показать мне одного из пустынных червей? Опять маленького и, надеюсь, не такого больного?

Не говоря в ответ ни слова, Аджидика извлек из ящика флакон с оранжевой жидкостью и поднес его к носу Фенринга.

– Это последний образец амалья. Пахнет в точности как меланжа, вы согласны?

Сморщив нос, граф втянул ноздрями запах. Не ожидая ответа, Аджидика нажал кнопку у основания колпака. Замутненный плаз стал полностью прозрачным, и стал виден взрыхленный песок, наполовину засыпавший метрового червя.

– Давно ли он доставлен с Арракиса?

– Контрабандисты привезли его одиннадцать дней назад. Черви всегда погибают вне своих родных мест, но этот должен прожить еще месяц, или, быть может, два.

Аджидика налил оранжевую жидкость на манипулятор, выступавший из вершины колпака. Манипулятор опустился внутрь, коснулся песка и начал продвигаться к червю.

Тварь размером со среднюю змею скользнула к амалю, открылась круглая пасть, обнажив хрустальные зубы, расположенные у самой глотки. Внезапно животное рванулось вперед и пожрало амаль вместе с чашей манипулятора.

Встретив испытующий взгляд Фенринга, Аджидика заговорил:

– Проглотил, как настоящую меланжу.

– Но черви все же продолжают погибать?

Министр был явно настроен весьма скептически.

– Они погибают вне зависимости от того, кормим ли мы их амалем или настоящей пряностью. Они просто не выживают вне пустыни.

– Ясно. Я хотел бы отвезти пробу императору. Вы приготовили образец?

В ответ Аджидика позволил себе снисходительный тон.

– Амаль – биологически активное вещество, и может быть опасным, если с ним неаккуратно обращаться. Конечный продукт безопасен только в смеси со стабилизирующим агентом.

– Так добавьте его, хм-м. Я подожду.

Мастер-исследователь отрицательно покачал головой.

– В настоящее время мы испытываем ряд таких агентов. Меланжа очень сложное соединение, но успех предрешен. Вы приедете, когда я приглашу вас.

– Вы не можете пригласить меня. Я подчиняюсь только императору.

Аджидика опустил тяжелые веки и надменно произнес:

– Тогда передайте ему мои слова. Ни один человек не может отличить амаль от естественной меланжи.

Видя растерянность Фенринга, Аджидика мысленно усмехнулся. «Стабилизирующий агент» – вымысел. Ни император, ни невежественные правители Тлейлаксу никогда не получают ни грамма настоящего амалья. Нет, мастер-исследователь скроется в неизвестном направлении и захватит с собой все, не оставив никаких ключей к производству настоящего, мощного суррогата, который он назвал аджидамалем. Если синтетическая пряность вводит в заблуждение песчаного червя, то какое еще требуется доказательство?

После недолгой паузы Фенринг заговорил:

– Всегда помните, что это я первый убедил Эльруда в целесообразности вашей исследовательской работы. Вы согласны? Поэтому я ощущаю большой груз ответственности именно на своих плечах.

Он начал шагами мерить демонстрационный зал.

– Полагаю, что вы тестировали свой препарат на Космической Гильдии? Мы должны знать, могут ли навигаторы использовать синтетическую меланжу для прокладывания маршрутов в свернутом пространстве.

Адждика затруднился с ответом. Такого вопроса он не ожидал.

– Для меня очевидно, что таких испытаний вы не проводили. М-да, кажется, я задел самый чувствительный нерв.

– Я могу гарантировать, что навигаторы, так же как и все остальные, не заметят никакой разницы. – Адждика снова нажал на кнопку и колпак покрылся туманным узором.

Фенринг, почувствовав слабинку, продолжал нажимать.

– Тем не менее решающим тестом должно стать наполнение амалем танка навигатора, не так ли, хм-м? Только тогда мы можем быть уверены в эффективности искусственной меланжи.

– Но мы не можем сделать этого, сэр, – попытался вывернуться Адждика. – Мы не можем предложить Гильдии открытое сотрудничество, поскольку проект «Амаль» является государственной тайной.

Глаза Фенринга заблестели. В его мозгу родилась простая и гениальная схема.

– Но мне кажется, что какому-нибудь из ваших лицеделов не составит труда преодолеть даже систему безопасности Космической Гильдии. Да, не составит, хм-м. Я буду сопровождать вашего лицедела, чтобы проследить, что все будет сделано как надо.

Адждика взвесил все «за» и «против» предложения министра. Этот имперский функционер зрит в корень. Более того, используя лицедела, можно снабдить его и дополнительным заданием, и тогда, быть может, Хайдару Адждике удастся избавиться от этого надоедливого, всюду сующего свой нос человека.

В глубокой тайне Адждика уже подготовил сотни выведенных в чанах лицеделов во все концы вселенной, инфильтрировав ими все доступные ее уголки. Для транспортировки использовались научные фрегаты, маршруты которых не были занесены ни в какие регистрационные журналы. Люди, способные изменять внешность, были созданы много столетий назад, но их свойства не были до сих пор должным образом исследованы. Ничего, теперь это положение изменится.

– Слушаюсь, граф Фенринг. Я подготовлю лицедела для вашего сопровождения.

Если его будут постоянно так отвлекать, подумал Адждика, то он никогда не сможет закончить работу.

На этот раз из священного города родных планет тлейлаксов – Бандалонга – прибыла целая группа любопытных политиков. Возглавлял делегацию этих невежд мастер Зааф, надменный человек с крысиными глазками и хищно вздернутой верхней губой крошечного рта. Адждика и сам не смог до сих пор разобраться, кого он ненавидит больше – Фенринга или тупых, ни на что не годных, представителей тлейлаксийского правительства.

Учитывая высокое развитие науки в Бене Тлейлаксе, оставалось только удивляться тому, насколько плохо справлялись со своими обязанностями мастер Зааф и другие политические лидеры. Они забыли величие своего призвания и положения во вселенной и позволяли вытирать об себя ноги всяким повиндах из так называемых Великих Домов.

– Что вы сказали имперскому министру по делам пряности? – требовательно спросил Зааф, решительным шагом войдя в большой кабинет Адждики. – Я должен получить от вас исчерпывающий доклад.

Адждика побарабанил пальцами по плазовой столешнице, украшенной замысловатым полупрозрачным узором. Он уже устал давать пояснения и оправдываться перед приезжими невеждами. Они постоянно задают глупые и нелепые вопросы. *Но скоро настанет день, когда мне не придется больше иметь дело с идиотами.*

Выслушав доклад Аджидики, Зааф напыщенным тоном провозгласил:

– А теперь мы хотим своими глазами увидеть результаты работы и оценить их. Мы имеем на это полное право.

Хотя Зааф был прямым начальником Аджидики, он нисколько его не боялся, прекрасно зная, что никто больше не сможет довести до конца проект «Амаль».

– Мы одновременно проводим тысячи экспериментов. Вы хотите увидеть все? Как долго вы намерены прожить, мастер Зааф?

– Покажите нам самое существенное. Вы не согласны со мной, джентльмены? – Зааф окинул взглядом своих спутников. Издавая нечленораздельные звуки, те дружно закивали головами.

– Тогда взгляните на это.

Самоуверенно улыбнувшись, Аджидика достал из кармана флакон с жидким аджидама-лем, вылил его содержимое себе в рот и проглотил. Он ощутил вкус жидкости языком, вдохнул его пары в легкие, почувствовал пряный запах.

Впервые в жизни он употребил такую большую дозу. Спустя несколько секунд по телу и мозгу разлилось удивительное ощущение теплоты, такое же, как после употребления настоящей пряности. Он рассмеялся, увидев озадаченные физиономии визитеров.

– Я принимаю это уже несколько недель, – солгал Аджидика, – и не замечаю никаких побочных эффектов.

Мастер был убежден, что Бог не допустит, чтобы с ним случилось что-нибудь плохое.

– Таким образом, лично у меня нет никаких сомнений в успехе нашего проекта.

Тлейлаксиянские политики оживленно загладели, поздравляя друг друга так горячо, словно и они приложили руку к созданию искусственной пряности. Зааф обнажил мелкие зубы в заговорщической улыбке.

– Превосходно, мастер-исследователь. Мы позаботимся о том, чтобы вы были достойно вознаграждены. Но сначала нам надо обсудить один очень важный предмет.

Растворившись в тепле аджидамаля, Аджидика снисходительно слушал Заафа. Бене Тлейлакс все еще исходил злобой по поводу отказа герцога Лето принять расчетливое предложение сделать гхола из тела его погибшего сына Виктора. Сжигаемые жаждой мести за уничтожение тлейлаксиянских кораблей, которое они, несмотря ни на что, считали делом рук Атрей-десов, и обозленные растущим сопротивлением местного населения, которое считало принца Ромбура Верниуса своим знаменем, Зааф и его спутники желали завладеть генетическими линиями Верниусов и Атрейдесов, чтобы использовать этот материал в интересах Бене Тлейлакса.

Используя ДНК, они могли бы, например, создать наследственную болезнь, способную уничтожить Дом Атрейдесов и Дом Верниусов. Если жажда мести окажется слишком сильна, то можно было бы изготовить копии Лето и Ромбура и постоянно подвергать их жесточайшим пыткам до смерти, снова и снова, на протяжении многих лет. Интересно, долго ли терпел бы герцог такое унижение? Даже обрывков генетического материала хватило бы на множество интереснейших экспериментов.

Но отказ герцога перечеркнул эти прекрасные планы.

Для в высшей степени сосредоточенного ума Аджидики слова Заафа звучали, как отдаленные, ничего не значащие звуки. Но он внимательно слушал, давая Заафу излить на присутствующих планы свержения и уничтожения Дома Атрейдесов и Дома Верниусов. Зааф упомянул и военный памятник в Биккале, где почти тысячелетие назад войска Верниусов и Атрейдесов плечом к плечу стояли в так называемой Сенасарской Обороне. Несколько их героических предков похоронены на том поле славных боев в специально воздвигнутой гробнице.

Аджидика умирал от скуки, но Зааф продолжал говорить:

– Мы договорились с правительством Биккала о разрешении эксгумировать трупы и взять из них необходимые пробы клеточного материала. Это, конечно, не идеальный способ, но он даст нам необходимые генетические фрагменты.

– И главное, Лето Атрейдес не сможет этому воспрепятствовать, – в унисон предводителю поддакнул один из его спутников. – Мы наконец получим желаемое: возможность отомстить.

Однако тлейлаксы всегда отличались тем, что были не в состоянии предвидеть все возможности. Аджидика попытался не выказать на лице признаки охватившего его отвращения.

– Герцог придет в ярость, узнав о ваших намерениях. Вы не боитесь мести Атрейдеса?

– Лето пребывает в скорби и совершенно забросил свои обязанности члена Ландсраада. – На лице Заафа заиграла самодовольная улыбка. – С его стороны нам нечего опасаться. Наша операция по извлечению материала уже началась, хотя мы столкнулись с некоторыми трудностями. Магистрат Биккала заломил за свое согласие немислимую цену. Я... мы думаем, что могли бы расплатиться с ним амалем, уверив его, что это настоящая меланжа. Уверены ли вы, что с помощью вашего заместителя удастся обвести вокруг пальца магистрат?

Аджидика рассмеялся, сразу поняв, какие новые перспективы перед ним открываются.

– Абсолютно.

Мастер решил всучить своим землякам ранние образцы, которыми можно было ввести в заблуждение любого простофилю, чтобы не тратить попусту драгоценный аджидамаль. Биккальцы употребляют меланжу только с едой и питьем, так что они вряд ли заметят разницу. Их так просто обмануть...

– Я могу приготовить столько амалья, сколько вы потребуете.

Для любого правления характерны взлеты и падения. В царствовании каждого императора бывают приливы и отливы.

Принц Рафаэль Коррино.

Рассуждения об управлении Галактической Империей.

Двенадцатое издание

Шаддам IV сидел в тени украшенного кистями балдахина наблюдательного пункта и, вдыхая напоенный ароматами духов воздух, наслаждался отточенными до полного совершенства маневрами своих войск. Эти марширующие и выполняющие воинские артикулы сардаукары были самым замечательным из всех чудес Кайтэйна, во всяком случае, по мнению императора. И действительно, разве существует более вдохновляющая вещь на свете, чем безупречно экипированные солдаты, идеально выполняющие любой приказ императора?

Как хотелось Шаддаму, чтобы все его подданные повиновались ему с таким же бесприкословным рвением.

Худощавый мужчина с орлиным носом, Шаддам и сам носил серую форму сардаукаров, украшенную серебром и золотом, будучи, помимо других своих обязанностей, их верховным главнокомандующим. На рыжеватых волосах императора красовался бурсегский шлем, увенчанный золотым императорским гербом.

Кроме того, он мог наслаждаться этим изумительным зрелищем в одиночестве, так как его супруга Анирул давно устала от парадов и отказалась посещать это зрелище. Теперь она посвящала свои дни делам Бене Гессерит или возилась с дочерьми, делая из них таких же ведьм, какой была она сама. Может быть, сейчас она занимается организацией похорон этой старой карги Лобии. Надо надеяться, что Бене Гессерит скоро пришлет ему новую Вещающую Истину. На что еще годятся эти проклятые Сестры?

Внизу, на обширной открытой площади в безупречном строю четко в ногу маршировали батальоны сардаукаров. Удары сапог о брусчатку гремели, как залпы старинных ружей. Верховный башар Зум Гарон, верный старый ветеран времен войны на Салусе Секундус, вел своих подчиненных, как опытный кукловод ведет своих марионеток. Боевые части демонстрировали живописные маневры. Изумительное зрелище!

Как это не похоже на то, что творится в семье самого императора.

Обычно император наблюдал за парадами своего воинства с большим удовольствием, но сегодня оно было испорчено противной болью в желудке. Шаддам ничего не ел с самого утра после того, как ему пришлось проглотить неприятную новость, которая теперь огнем жгла его внутренности. Никакой даже самый лучший доктор Сук не смог бы утишить эту боль.

От своих никогда не дремавших шпионов Шаддам только сегодня утром узнал, что какая-то, до сих пор не установленная женщина, бывшая когда-то любимой наложницей его отца, императора Эльруда IX, много лет назад родила от него сына. Более сорока лет назад старый Эльруд сделал все возможное, чтобы спрятать и надежно защитить своего незаконного сына, который давно стал взрослым мужчиной. Он был моложе Шаддама приблизительно на десять лет или немного больше. Знает ли бастард о своем происхождении? Не следит ли он, злорадно потирая руки, за тем, как Анирул и Шаддам рожают одного ребенка за другим в тщетных попытках произвести на свет сына? Одни дочери, дочери и еще раз дочери. Их уже пять, если считать недавно родившуюся малышку Руги. Может быть, в эти минуты бастард уже начинает приводить в действие план узурпации власти, готовый захватить Трон Золотого Льва.

Между тем на вымощенной брусчаткой площади разыгралось настоящее сражение. Сардаукары разделились на две части и атаковали друг друга, стреляя холостыми зарядами из лазерных ружей. Целью потешного боя было взятие фонтана, украшенного скульптурами ревущих львов. Мощные боевые машины взмыли в воздух, поднявшись в синее небо, по которому плыли красивые, словно нарисованные кистью художника, белые облака.

Не выражая особого восторга, Шаддам вяло поаплодировал маневрам сардаукаров, мысленно проклиная своего покойного отца. *Сколько еще детей наплодил этот старый стервятник?* Это была очень тревожная мысль.

Но по крайней мере он знает имя хотя бы одного из них. Тирос Реффа. Этого человека усыновил Дом Талигари, и Реффа провел детство и юность на планете Зановар, курортной планете Дома. Избалованному отпрыску Эльруда было нечем заниматься, кроме вынашивания честолюбивых планов захвата императорской власти.

Да, незаконный сын Эльруда может доставить массу хлопот и неприятностей. Но как добраться до него, чтобы убить? Шаддам тяжело вздохнул. Таковы бремя и вызовы власти. *Вероятно, мне стоит обсудить это дело с Хазимиром.*

Вместо этого Шаддам напряг свои мыслительные способности в попытке доказать самому себе, что Хазимир Фенринг ошибается относительно него и что он, Шаддам, способен править государством без постоянного вмешательства и советов новоявленного графа. *Я сам приму нужное решение!*

Шаддам назначил Фенринга на Арракис министром по делам пряности и, кроме того, возложил на него обязанности по надзору за выполнением проекта «Амаль». Кстати, почему Фенринг так долго не возвращается с Икса с докладом?

Стоял приятный теплый день, ласковый ветерок был силен ровно настолько, чтобы развеивать парадные знамена. Имперская Служба Климатического Контроля приняла все меры, чтобы обеспечить нужную погоду для императорского парадного смотра.

Переместившись на поле искусственной зеленой травы посередине площади, солдаты, разделившись на две команды, вступили в рукопашную схватку. На солнце засверкали серебристые клинки. Фальшивые лучи лазеров из жерл учебных пушек описывали в воздухе сияю-

щие пурпурные и оранжевые дуги. На трибунах, расставленных по периметру плаца, теснились представители мелкой аристократии и чины двора, которые сдержанно аплодировали военным.

Седой ветеран Зум Тарон, одетый в безупречную форму, критически оглядывал свои войска, требуя проявлять усердие и мастерство перед лицом своего императора. Шаддам всячески поощрял демонстрации военной мощи, особенно теперь, когда несколько Домов Ландсраада вздумали проявить непокорность и стали неуправляемыми. Возможно, придется немного поиграть мускулами, и, быть может, очень скоро...

Перед глазами Шаддама внезапно появился жирный коричневый паук, болтавшийся на блестящей нитке своей паутины, подвешенной к золотисто-алому балдахину.

– Ты понимаешь, кто я, мелкая тварь? Я правлю даже самыми маленькими живыми существами в этой вселенной, – в раздражении прошептал Шаддам.

Подсознание императора продолжало воспринимать все усиливавшиеся звуки маршей и выстрелов, доносившиеся с парадного плаца. Сардаукары, как в калейдоскопе, двигались по живописному полю. Пышность и блеск. Над головой кружили эскадрильи орнитоптеров, выполнявших немыслимые по сложности фигуры высшего пилотажа. Присутствующие самозабвенно аплодировали каждому пику и штопору, но сам Шаддам едва ли замечал происходившее на плацу, настолько беспокоила его проблема бастарда, его сводного брата.

Император вытянул губы трубочкой и дунул. Нахальный паук завертелся в вихре воздуха и начал быстро взбираться вверх по паутине в свое гнездо на полотне балдахина.

Ты нигде не спрячешься от меня, подумал Шаддам. Никто не может ускользнуть от моего гнева.

Но император понимал, что тешит себя иллюзиями. Космическая Гильдия, Община Сестер Бене Гессерит, Ландсраад, ОСПЧТ – у всех этих могущественных организаций были свои интересы и способы манипуляции, они вязали императора по рукам и ногам, ослепляли его лживой информацией и мешали управлять Известной Вселенной так, как подобает великому Императору.

Да будет проклята их власть надо мной! Как могли его предки Коррино довести дело до столь плачевного состояния? И ведь такое положение вещей существует уже не одно столетие.

Император протянул вперед руку и раздавил паука, чтобы тот снова не спустился и не укусил его.

Индивид становится значимым только в своем отношении к обществу как к целому.

Планетолог Пардот Кинес.

«Букварь Арракиса»,

написанный для сына Лиета

Скользкий Левиафан несясь по дюнам с шелестящим звуком, который напомнил Лиету Кинесу звук, издаваемый тонкой струей водопада. Кинес видел такой искусственный водопад в Кайтэйне – воплощение бессмысленного декаданса.

Освещаемые яркими лучами желтого знойного солнца, он и группа его верных товарищей ехали верхом на огромном, как башня, песчаном черве. Опытные фрименские наездники вызвали червя, обуздали его, раздвинули сегменты специальными инструментами. Кинес стоял на покатои голове червя, держась за веревки, чтобы сохранить равновесие.

По бескрайним пескам червь несясь к Сиетчу Красной Стены, где Лиета ждала любимая жена Фарула и где Фрименский Совет с таким же нетерпением ждет новостей с Кайтэйна. К

несчастьем, Лиет везет фрименам неутешительные новости. Император Шаддам IV разочаровал его как человек, превзойдя самые худшие ожидания Лиета.

В космопорте Карфага Лиета встретил Стилгар. Друзья выехали в открытую пустыню, подальше от Защитного Вала и недреманного ока Харконненов. В пустыне Стилгара и Лиета ждала небольшая группа фрименов. Стилгар установил вибратор, вызвал червя, которого фримены взнуздали, пользуясь древней, хорошо им знакомой техникой.

Лиет привычными движениями закрепил на спине червя веревку и взобрался ему на спину, зацепившись для большей надежности крюком за сегмент кожи зверя. Вспомнился день, когда он впервые оседлал песчаного червя, доказывая, что стал взрослым мужчиной, полноправным членом племени. Судьей был тогда старый наиб Хейнар. Лиету было в тот миг очень страшно, но он с честью выдержал суровое испытание.

Теперь же, хотя путешествие на червях не стало безопаснее и легче, Лиет смотрел на исполинское животное лишь как на средство передвижения, как на способ быстро добраться до дома.

Натягивая направляющие канаты и предупредив товарищей, Стилгар со стоической невозмутимостью взял на себя управление червем. Раскинув попоны и установив дополнительные крюки, чтобы лучше править червем, фримены двинулись в путь. Стилгар искоса взглянул на Лиета, который, нахмурившись, стоял, погруженный в невеселые думы. Стилгар понимал, что его друг привез из Кайтэйна не слишком хорошие вести. Но в отличие от болтливых придворных фримены не испытывают неловкости от молчания. Лиет заговорит, когда будет готов, и Стилгар, не нарушая молчания, стоял рядом с другом. Они были вместе, хотя каждый из них думал о своем. Через несколько часов пути на горизонте показались красновато-черные отроги гор.

Почувствовав, что настало подходящее время, и настроившись на озабоченное состояние Лиета, которое было хорошо видно по его лицу, несмотря на маску защитного костюма, Стилгар сказал то, что должен был услышать Лиет Кинес:

– Ты – сын уммы Кинеса. Теперь, когда твой великий отец мертв, ты стал надеждой фрименов. Я отдаю тебе мою жизнь и верность, как я отдал их твоему отцу.

Стилгар обращался с Лиетом без налета отеческой снисходительности, но как с равным истинным другом и товарищем.

Они оба знали давнюю историю; в сиече она много раз передавалась из уст в уста. До того, как Пардот Кинес стал жить с фрименами, он сразился с шестью харконненовскими солдатами, которые взяли в кольцо и загнали в угол Стилгара, Тьюрока и Омму – бесшабашную троицу молодых фрименов. Стилгар был серьезно ранен в том бою и наверняка бы погиб, если бы Кинес не помог убить людей барона. Потом, когда Пардот стал природным пророком Дюны, все трое поклялись помочь ему осуществить мечту. Даже после того, как Омму вместе с Пардотом погибли во время обвала в Гипсовом Бассейне, Стилгар не забыл о своем долге и отдал воду сыну планетолога Лиету.

Стилгар протянул руку и крепко сжал ладонь молодого человека. Лиет был таким же, как его отец, и даже больше того, он был воспитан как настоящий фримен.

Лиет улыбнулся другу, в глазах его мелькнуло выражение признательности.

– Меня тревожат не сомнения в твоей верности, Стил, но практические сложности нашего дела. Мы не получим ни помощи, ни сочувствия от Дома Коррино.

Стилгар от души расхохотался.

– Я бы предпочел обойтись как без сочувствия, так и без помощи императора. Мы не нуждаемся в помощи для того, чтобы убивать Харконненов.

Стилгар тут же рассказал другу о налете на оскверненный Сиеч-Хадит. Лиет был доволен.

Прибыв в тепло замкнутой, изолированной от внешнего мира крепости, Лиет, как был, покрытый пылью и усталый, тотчас же направился в свою пещеру. Там его ждет жена Фарула, и первым делом Лиет хотел увидеть именно ее. После пребывания на императорской планете Лиету требовалось некоторое время, чтобы побыть в тишине и покое и прийти в себя, а для этого нельзя было придумать лучшего помощника, чем Фарула. Люди пустыни сторали от нетерпения услышать вести, которые привез Лиет от императора, и на вечер было назначено заседание совета, но по традиции ни один вернувшийся из дальних странствий путешественник не выступал перед земляками, не отдохнув. Исключения делались только в неотложных случаях.

Фарула встретила мужа приветливой улыбкой, блеснув голубыми на синем фоне глазами. Она прильнула к Лиету и поцеловала его, и ее поцелуй стал еще более страстным после того, как опустилась занавеска, загораживавшая вход в их покои. Она приготовила супругу кофе и маленькие медовые булочки с меланжей. Кофе был хорош, но самым главным чудом было снова видеть Фарулу.

Еще раз обняв Лиета, жена привела детей – Лиет-чиха, сына погибшего лучшего друга Лиета Варрика, и их общую дочку Чани. Лиет обнял детей, а потом они принялись играть, и их веселое щебетание раздавалось до тех пор, пока няня не увела их в детскую. Лиет и Фарула остались наедине друг с другом.

Фарула счастливо улыбалась, ее золотистая кожа матово поблескивала в полутьме пещеры. Она расстегнула ставший ненужным защитный костюм, который с таким тщанием разобрали, а потом снова собрали ретивые стражи императора. Склонившись к ногам мужа, Фарула умастила его натруженные ступни тонким слоем мази.

Лиет удовлетворенно вздохнул. У него было много важных дел, многое надо было обсудить с фрименами, но он на время отогнал эти тяжкие мысли. Даже человек, которому выпало стоять у подножия Трона Золотого Льва, может считать более важными совсем другие предметы. И вот теперь, глядя в загадочные глаза жены, Лиет почувствовал себя дома, впервые с того момента, когда он сошел с трапа челнока Гильдии в космопорте Карфага.

– Расскажи мне о чудесах Кайтэйна, любимый, – сказала Фарула и ее взгляд заранее преисполнился благоговением. – Должно быть, ты видел там чудесные вещи.

– Я видел там много разных вещей, это так, – ответил Лиет. – Но поверь в то, что я сейчас тебе скажу. – Он погладил жену по щеке. – Во всей вселенной я не встретил никого прекраснее тебя.

Судьба Известной Вселенной зависит от принятия эффективных решений, которые возможны лишь при наличии полной информации.

Доцент Глакс Отн.

«Начала власти для детей и взрослых»

Одна из самых скромных комнат Каладанского замка, внутренние покои Лето, была тем местом, где правителя не подавляла придворная пышность во время тяжких размышлений о важных делах Дома Атрейдесов.

На каменных – без единого окна – стенах не висели ковры и гобелены; светильники не поражали воображение красивыми абажурами. Камин распространял сладковатый запах смолы, вытесняя из комнаты сырость просоленного морского воздуха.

Лето уже несколько часов сидел за старым тиковым столом, на котором, как бомба с часовым механизмом, лежал цилиндр со зловещим посланием. Лето прочел донесение, присланное его разведчиками и доставленное сегодня утром.

Неужели тлейлаксы действительно думают, что им удастся сохранить в тайне их преступления? Или они просто надеются, что смогут осквернить Сенасарский военный мемориал и убраться оттуда раньше, чем Летоотреагирует на это святотатство? Верховный Магистрат Биккала не может не понимать, что такие действия суть не что иное, как прямое оскорбление Дома Атрейдесов. Или, может быть, тлейлаксы заплатили такую большую взятку магистрату, что тот просто не смог устоять перед такими громадными деньгами?

Вся империя думает, что недавние трагедии сломили Лето и вышибли из него дух. Он взглянул на перстень, украшенный знаком герцогского достоинства. Лето никогда не думал, что бремя власти ляжет на его плечи в неполные пятнадцать лет. Теперь же, спустя двадцать один год, он чувствовал себя так, словно носил это массивное кольцо уже несколько столетий.

На столешнице стояло единственное украшение – залитая кристаллическим плазом бабочка. Ее крылья были выгнуты под каким-то неестественным углом. Несколько лет назад, работая здесь с каким-то документом, Лето так увлекся, что совершенно случайно раздавил несчастное насекомое. Потом он велел залить бабочку плазом и поставил на стол, чтобы она постоянно напоминала ему о последствиях его действий как герцога и как человека.

Осквернение тлейлаксами тел воинов, павших в бою, которое должно совершиться с попустительства Верховного Магистрата, нельзя ни допустить, ни забыть.

В полуоткрытую деревянную дверь постучал Дункан Айдахо при всех своих воинских регалиях.

– Ты звал меня, Лето?

После своего возвращения из школы Гиназа высокий, подтянутый оружейный мастер своим поведением и горделивой осанкой сознательно подчеркивал, хотя и не очень вызывающе, свое превосходство над другими людьми. Он заслужил это право быть уверенным в себе после восьми лет жестокого обучения искусству оружейного мастера.

– Дункан, мне сейчас, как никогда, нужен твой совет. – Лето встал. – Мне предстоит принять суровые решения именно теперь, когда отсутствуют Туфир и Гурни.

Молодой человек просиял, радуясь возможности показать свое воинское мастерство.

– Мы будем готовить план вторжения на Икс?

– Это другое дело, которым нам придется заняться, но в будущем.

Лето взял со стола почтовый цилиндр и вздохнул.

– Став герцогом, я все время сталкиваюсь с необходимостью решать какие-то «другие дела».

В открытую дверь молча вошла Джессика. Хотя разговор можно было подслушать, оставшись незамеченной, она решила не скрываться и смело встала рядом с оружейным мастером.

– Могу ли и я узнать о ваших заботах, мой герцог?

По всем правилам, Лето не должен был разрешать своей наложнице присутствовать при обсуждении стратегических планов, но Джессика имела совершенно экстраординарную подготовку, и Лето ценил ее ум и способность видеть перспективы. К тому же она дала ему всю силу своей любви в самые тяжелые часы его жизни, и герцог не мог себе позволить выгнать женщину из комнаты.

Лето вкратце рассказал, что землекопные команды тлейлакссов расположились лагерем на Биккале. Каменные зиккураты, заросшие травой и деревьями, отмечали место, где войска Атрейдесов, сражаясь бок о бок с солдатами Верниусов, спасли планету от межзвездных пиратов. Под старыми зиккуратами покоились тела тысяч убитых солдат и останки патриархов обоих Домов.

Лето заговорил, и в голосе его появились зловещие нотки:

– Команды тлейлакссов извлекают из земли тела наших предков, утверждая, что делают это «в целях проведения историко-генетических исследований».

Дункан ударил кулаком по стене.

– Клянусь кровью Йоол-Норета, мы должны этому помешать.
Джессика закусила губу.

– Совершенно ясно, чего они хотят на самом деле, мой герцог. Я не понимаю всех тонкостей процесса, но вполне возможно, что даже из мертвых клеток мумифицированных за сотни лет тел тлейлаксы способны изготовить гхола. Таким образом, они смогут восстановить прерванную генетическую линию родов Атрейдесов и Верниусов.

Лето задумчиво посмотрел на залитую плазом бабочку.

– Именно поэтому они хотели заполучить тела Виктора и Ромбура.

– Именно так.

– Если придерживаться принятого подхода, то я должен поехать в Кайтэйн и подать формальный протест в Ландсраад. Скорее всего сформируют комиссию для расследования и когда-нибудь в той или иной форме предпримут санкции против Тлейлаксы и Биккала.

– Но к тому времени будет уже поздно что-либо предпринимать. – Дункан даже не пытался скрыть тревогу.

В камине с громким треском выстрелило полено. Все трое от неожиданности вздрогнули.

– Вот почему я решил принять более решительные и действенные меры.

Джессика попыталась воззвать к разуму:

– Но возможно ли послать наши войска, чтобы извлечь из земли и увезти оставшиеся тела до того, как тлейлаксы успеют провести их эксгумацию?

– Этого мало, – возразил Лето. – Если мы упустим хотя бы одно тело, все наши усилия пойдут прахом. Нет, мы должны пресечь даже самую попытку, искоренить проблему и преподать всем ясный и понятный урок. Те, кто думает, что Дом Атрейдесов ослаб и пал духом, скоро убедятся в противоположном.

Лето просмотрел документы, в которых содержались сведения о численности войск, вооружениях, военно-транспортных средствах и даже о фамильном атомном оружии.

– Туфира нет, поэтому у тебя, Дункан, появился шанс показать, на что ты способен. Мы должны преподать урок, который тлейлаксы должны понять вполне однозначно. Никаких предупреждений. Никакой пощады. Никакой двусмысленности.

– Я буду счастлив выполнить эту миссию, мой герцог.

В нашей вселенной не существует таких понятий, как безопасное место или безопасная дорога. Опасности подстерегают нас на любом пути.

Афоризм Дзенсунни

Челнок с плановым грузом отделился от перешедшего на околопланетную орбиту лайнера Гильдии и устремился к ночной стороне Икса. Спрятанная в диких зарослях необитаемых лесов станция слежения сардаукарской гвардии немедленно засекла пламя двигателей, как только челнок попал в зону контроля. Корабль направился к посадочной площадке, находившейся в каньоне – охраняемом форпосте подземного столичного города.

Правда, военные наблюдатели не заметили второе, меньшее по размерам космическое судно, выскользнувшее из чрева лайнера под прикрытием челнока. Боевой корабль Атрейдесов. С помощью щедрой взятки Лето удалось договориться с Гильдией об установке на лайнере специального маяка, который выдавал маскировочный сигнал, скрывавший темный малоаметный силуэт до тех пор, пока Туфир Гават и Гурни Халлек доберутся до поверхности планеты.

За панелью управления крошечного бескрылого корабля сидел Гурни. Уйдя в сторону от огненного шлейфа челнока тлейлаксов, черное судно Атрейдесов, изменив траекторию, понеслось над суровым, изборозженным острыми скалами, северным ландшафтом. Панель инструментов не освещалась, и Гурни слушал голосовые сообщения приборов через специальные наушники. Приборы могли помочь избежать приземления на охраняемые площадки.

Своему бесподобному умению управлять воздушно-космическими кораблями Гурни научился у Доминика Верниуса, когда стал членом группы контрабандистов, и ему пришлось не раз облетать на малой высоте горы камней и держаться на предельно опасном расстоянии от ледников и кратеров. Когда Гурни доставлял контрабандные грузы, он знал, как ускользать от бдительных патрулей Коррино, а теперь все отличие состояло лишь в том, что надо было ускользнуть от станций наблюдения тлейлаксов.

Как только корабль прошел плотные слои атмосферы, Туфир перевел свою психику в режим ментата и начал взвешивать все возможные решения. В памяти Гавата были прочно записаны все аварийные выходы и тайные подземные ходы сообщения, которые удалось вспомнить Ромбуру. Но чисто человеческая тревога мешала Туфиру сосредоточиться полностью.

Лето никогда не ругал его за то, что могло быть названо брешами в системе безопасности – за смерть герцога Пауля во время боя быков и за катастрофу клипера, но Туфир сам удваивал свои усилия после каждой неудачи и всегда придумывал что-то новое.

Сейчас перед ним и Гурни стояла задача проникнуть в тщательно охраняемые города Икса, разведать все слабые места тлейлаксианской обороны и на основе полученных данных подготовить план открытого военного вторжения. После всех происшедших в Доме Атрейдесов трагедий герцог Лето уже не боялся испачкать руки в крови. Когда он решит, что настало время, то последует удар, очень жестокий удар.

К'тэр Пилру, с которым долгое время поддерживали контакт, отказался прекращать сопротивление, даже оставшись в полном одиночестве и несмотря на жестокие репрессии тлейлаксов. Используя украденные материалы, он ухитрился изготавливать мощные бомбы и другое оружие, а некоторое время, до тех пор пока не были утрачены все каналы связи, получал тайную помощь от принца Ромбура.

Туфир надеялся, что им удастся разыскать К'тэра уже сегодня, благо до конца ночи еще оставалось достаточно времени. Пользуясь разными средствами, Гурни и Туфир принялись посылать с борта корабля сообщения, составленные с помощью старого военного кода Верниусов, который был способен расшифровать только К'тэр. Воин-ментат предлагал встретиться в подземных катакомбах, где оставалось множество секретных помещений, о которых враги не имели ни малейшего понятия. Но разведчики не получили ответа, подтвердившего прием... Они летели вслепую, полагаясь только на удачу и свою решимость.

Туфир невидящим взглядом уставился в крошечный иллюминатор корабля, стараясь достичь абсолютной концентрации мысли, чтобы найти способ войти в контакт с иксианским сопротивлением. Хотя это было совсем не по-ментатски, но Туфир пришел к выводу, что для успеха им с Гурни просто должна улыбнуться фортуна.

Съежившись в углу заплесневелой кладовки в верхнем уровне здания, некогда называвшегося Гран-Пале, К'тэр Пилру тоже предавался сомнениям. Он получил сообщение, расшифровал и... не поверил ни единому слову. Его личная малая партизанская война продолжалась годы и годы, он вел ее не за победу и не за славу, но лишь из-за отрешенного упорства. Смысл жизни К'тэра заключался теперь в борьбе с тлейлаксами, и он не понимал уже, кем бы он был или стал, не будь этой нескончаемой борьбы.

Он сумел пережить все годы оккупации только потому, что не доверял никому в этом, когда-то прекрасном, подземном городе. Он менял удостоверения личности, места жительства,

наносил удары и скрывался, оставляя захватчиков и их цепных собак – сардаукаров – пребывать в злобной растерянности.

Для того чтобы отвлечься, К'тэр часто рисовал в памяти картины великого прошлого. Он представлял себе город таким, каким он был раньше: сверкающие переходы и красивые улицы между домами из гигантских сталактитов. Он представлял себе иксианцев такими, какими они были в прошлой жизни, бодрыми и целеустремленными, до того, как на них обрушилась страшная реальность тлейлаксиянского нашествия.

Но постепенно все эти картины начали стираться в его памяти. *Прошлая жизнь была так давно.*

Совсем недавно он обнаружил, что по новому каналу связи с ним ищут контакта представители принца Ромбура Верниуса. Вся жизнь К'тэра превратилась в один сплошной риск, и надо было не упустить возможный шанс, поставив на кон собственную голову. Он знал, что принц не оставит свой народ, пока в его груди бьется сердце.

Ожидая в холодной темноте кладовой, К'тэр начал бояться, что потерял всякое представление о реальности... Это чувство стало часто посещать его после того, как он узнал о страшной судьбе Мираль Алехем, своей возлюбленной и верного товарища, которая, случись все иначе, могла бы стать его женой. Но отвратительные захватчики схватили его подругу и воспользовались ее телом для своих таинственных и ужасных опытов. Он заставлял себя не вспоминать Мираль, какой он видел ее в последний раз – мерзкое зрелище лишенного мозга женского тела, превращенного в отвратительную биологическую фабрику.

Каждым своим вздохом К'тэр проклинал тлейлаков за их жестокость. Плотно зажав глаза, он сдерживал рвущееся из груди рыдание и представлял себе лишь большие глаза Мираль, привлекательное продолговатое лицо, ее коротко остриженные волосы.

В такие минуты его охватывала почти самоубийственная ярость и чувство вины за то, что он остался жив. Он был готов стать фанатиком, но если принц Ромбур действительно прислал ему на помощь своих людей, то, может быть, этому кошмару скоро настанет конец.

Внезапно раздался скрежет механизмов лифта, и К'тэр плотнее вжался в темный угол. Потом послышалось постукивание по двери, кто-то сноровисто обнаружил замок и вставил в скважину отмычку. Дверь лифта открылась, и на его пороге появились две человеческие фигуры. Люди еще не видели К'тэра. Он мог убежать или попытаться убить незваных гостей. Однако люди были выше, чем тлейлаки, и вели себя не так, как сардаукары.

Старший – сухощавый и жилистый, как проволока из шиги, с худым лицом и пурпурно-красными губами ментата. Второй – мощного сложения блондин с уродливым выступающим шрамом на лице – шел следом, неся в руке сумку с инструментами. Ментат вышел из лифта и произнес голосом, полным спокойной уверенности:

– Мы прибыли с Каладана.

К'тэр ничем не выдал своего присутствия. Сердце его бешено колотилось. Возможно, это ловушка, но хода назад уже нет. Надо открыться. К'тэр нащупал в кармане короткий, остро заточенный кинжал.

– Я здесь.

К'тэр вышел из тени, и двое мужчин посмотрели на него, привыкая к слабому освещению.

– Мы – друзья вашего принца. Вы больше не одиноки, – сказал человек со шрамом.

Осторожно ступая, словно по битому стеклу, все трое сошлись в центре маленького помещения. Обменявшись имперскими рукопожатиями, они неловко представились друг другу. Вновь прибывшие рассказали К'тэру, что произошло с Ромбуrom.

К'тэру казалось, что он грезит, не в силах отличить, где кончаются его фантазии и начинается действительность.

– Была еще девушка. Кажется, ее звали Кайлея. Да, именно так. Кайлея Верниус.

Туфир и Гурни переглянулись, но решили, что темная кладовая – не место для подобных откровений.

– У нас мало времени, – сказал Гурни. – Нам надо осмотреться и понять, что мы можем сделать.

К'тэр всмотрелся в лица посланцев Атрейдеса, пытаясь решить, с чего начать. Его переполнила такая ярость, что он не удержался и принялся рассказывать гостям о том, что ему пришлось увидеть и пережить на оккупированном Иксе.

– Оставайтесь, и я покажу вам, что сделали тлейлаксы с Иксом.

Три человека незаметно смешались с толпой подневольных рабочих и двинулись мимо предприятий, пришедших за время оккупации в полную ветхость. Для того чтобы проходить через контрольно-пропускные пункты зон безопасности, они использовали многочисленные, похищенные К'тэром, удостоверения личности. Одиноким повстанец научился быть незаметным, а угнетенные иксианцы не представляли опасности, так как редко поднимали глаза, предпочитая смотреть себе под ноги.

– Мы уже довольно давно знаем, что в этом деле замешан император, – сказал Туфир. – Но я не могу понять необходимости держать здесь два легиона сардаукаров.

– Я тоже все вижу, но до сих пор не знаю ответа на этот вопрос.

К'тэр указал на какое-то чудовищное нагромождение, установленное посередине погрузочной площадки, на машину со встроенными в нее частями человеческого тела – разбитой головой и покрытым синяками изуродованным торсом.

– Если принц Ромбур – киборг, то я молю Бога, чтобы он не был похож на те чудовища, которых здесь делают тлейлаксы.

Гурни был в ужасе и не скрывал этого.

– Что это за демон?

– Это биоиксианцы, жертвы пыток и казней, реанимированные тлейлаксами. Они не живые, но способны двигаться. Тлейлаксы называют их «экземплярами» и используют для увеселения потерявшей разум черни.

Туфир, сохраняя полную бесстрастность, мысленно сортировал увиденное, а Гурни кипел гневом, с трудом сдерживая отвращение.

К'тэр выдавил мрачную улыбку.

– Я видел одну такую машину – останки человека, к спине которого был прикреплен распылитель краски. Биомеханика оказалась неисправной, и труп упал на землю, и распылитель облил двух тлейлаксианских мастеров краской с ног до головы. Они пришли в ярость, крича на труп так, словно он сделал это нарочно.

– Может быть, так оно и было, – проговорил Гурни.

В последующие дни все трое продолжали ходить по подземному городу, вникая в детали и наблюдая, постепенно проникаясь все большей ненавистью к тому, что они видели. Гурни был готов начать сражаться немедленно, но Туфир призвал его к осмотрительности. Они должны вернуться и доложить обстановку Дому Атрейдесов. Только после этого – с разрешения герцога – можно будет составить план эффективного, хорошо скоординированного нападения.

– Мы хотим взять тебя с собой, К'тэр, – сказал Гурни. На его лице было написано явное сочувствие. – Мы сможем вывезти тебя отсюда, ты уже достаточно настрадался.

Предложение встревожило К'тэра:

– Я не уеду. Я... Я не знаю, что буду делать, если перестану бороться. Мое место здесь. Я должен всеми силами продолжать жалить оккупантов. – Мои выжившие соотечественники должны знать, что я не сдался и никогда не сдамся.

– Принц Ромбур знал, что твой ответ будет именно таким, – сказал Туфир. – Мы привезли с собой амуницию: взрывчатку, оружие и даже сухой паек, и это только начало.

От таких перспектив у К'тэра закружилась голова.

– Я знал, что мой принц не оставит нас. Я так долго ждал его возвращения, питаюсь одной надеждой, что смогу в будущем драться рядом с ним.

– Мы доложим обо всем увиденном герцогу Лето Атрейдесу и вашему принцу. Тебе придется проявить терпение.

Туфир хотел добавить еще что-то, пообещать более осязаемую поддержку, но на это у него не было полномочий.

К'тэр кивнул, готовый с новыми силами продолжать борьбу. Наконец-то после стольких лет страданий ему на помощь пришла мощная сила.

Сострадание и мщение – две стороны одной монеты. Необходимость диктует, какой стороной выпадает эта монета.
Герцог Пауль Атрейдес

Когда над горизонтом взошло желто-оранжевое первое солнце Биккала, от буйной листвы непроходимых джунглей начал подниматься к небу густой горячий пар. Ярко-белое второе солнце уже давно совершало свой путь по синему небу. Дневные цветы раскрывали свои чашечки, испуская ароматы, привлекающие птиц и насекомых. Поросшие жесткой шерстью приматы ловко передвигались по густым кронам деревьев. Стелющиеся по земле лианы сворачивались в ловушки для ничего не подозревающих грызунов.

На обширном Сенасарском плато высились гигантские мраморные зиккураты, в углах которых были установлены вогнутые зеркала, светившие во все стороны, как прожектора, отраженными солнечными лучами.

На этом плато доблестные воины Атрейдесов и Верниусов сражались когда-то с полчищами осадивших их пиратов, и каждый погибший солдат убил десятерых врагов, прежде чем пасть под натиском превосходящих сил неприятеля. Они принесли себя в жертву, погибнув до последнего человека буквально за час до того, как прибыло долгожданное подкрепление, уничтожившее остатки пиратской орды.

В течение столетий народ Биккала свято чтит памятник павшим героям, но после того, как Дом Верниусов был опозорен, а его глава стал отступником, Верховный Магистрат перестал ухаживать за мемориалом, и джунгли поглотили его. Величественные статуи превратились в гнезда птиц и мелких животных. Громадные каменные блоки начали трескаться от перепадов температуры. Никому на Биккале не было до этого никакого дела.

Несколько недель назад по периметру мемориала, как прямоугольные грибы, выросли палатки. Команды рабочих принялись выкорчевывать густой подлесок, вывозя перегнившую листву, подкапываясь под камни и вскрывая братские могилы. Тысячи павших солдат были похоронены в них, а некоторые нашли вечное упокоение в криптах зиккуратов.

Власти Биккала предоставили экспедиции технику для разборки зиккуратов блок за блоком. Малорослые тлейлаксиянские ученые развернули на месте раскопок полевые лаборатории, желая как можно скорее взять образцы клеток и попытаться найти в них жизнеспособный генетический материал. В джунглях пахло сыростью и цветами. Темно-зеленые деревья испускали раздражающие запахи эфирных масел, трава была выше человеческого роста. Дымы лагеря и выхлопы работающих машин сизыми струями поднимались к небу. Один из низкорослых землекопов вытер со лба пот и отмахнулся от тучи наседавших на него кровососу-

щих насекомых. Взглянув на небо, рабочий увидел раскаленный взгляд похожего на языкастое пламя второго солнца, выплывавшего из-за крон исполинских деревьев.

В этот момент все небо осветилось пурпурными лучами лазерных пушек.

Ведомые Дунканом Айдахо боевые корабли Атрейдесов спустились с орбиты и приблизились к уединенно стоящему мемориалу. Дункан передал на землю обращение герцога Лето и одновременно открыл огонь. Записанную речь должны были услышать в Верховном Магистрате в Биккале, столице планеты. Отдельная копия была передана курьеру Совета Ландсраада в Кайтэйне. Все было сделано в полном соответствии с правилами войны, утвержденными Великой Конвенцией.

Лето говорил железным голосом:

– Сенасарский военный мемориал был воздвигнут в честь подвига моих предков, совершенного ими для спасения Биккала. Теперь Бене Тлейлакс и Биккал оскверняют это священное место. У Дома Атрейдесов не остается иного выхода, кроме адекватного ответа на такое злодеяние. Мы не допустим, чтобы трусы и негодяи касались тел наших павших героев. Учитывая все это, мы решили стереть мемориал с лица земли.

Находившийся во главе фаланги боевых кораблей Дункан Айдахо приказал открыть огонь. Лучи лазеров смели с поверхности частично демонтированные зиккураты, вскрыв замурованные склепы. Ученые Тлейлаксу с криками выбежали из своих палаток и лабораторий.

– Поступая так, мы неукоснительно соблюдаем все формальности, – продолжал греметь над землей голос Лето. – К несчастью, не обойдется без человеческих жертв, но мы утешаем себя тем, что погибнут только те, кто вовлечен в преступное деяние. В таких делах не бывает невинных.

Корабли Атрейдесов снизились и сбросили на мемориал термические бомбы, а потом направили на вспыхнувший пожар пурпурные лучи лазеров. В течение двадцати стандартных минут – быстрее, чем Верховный Магистрат успел созвать экстренное заседание военного совета – эскадра уничтожила мемориал, тлейлаксианских гробокопателей и их биккальских пособников. Все тела погибших героев испарились в адском пламени и перестали существовать.

На поверхности плато остался неровный слой расплавленного стекла, отмеченный в разных местах кучками дымящегося материала. По периметру зоны атаки все ярче и ярче разгоралось пламя, начавшее пожирать джунгли...

– Дом Атрейдесов не прощает оскорблений, – сказал Дункан в микрофон своей селекторной связи, обращаясь к преступникам, но слушать его было уже некому.

Отдав приказ своим кораблям возвращаться на орбиту, Дункан бросил прощальный взгляд на причиненные его войсками разрушения. Теперь никто в империи не посмеет усомниться в решимости герцога Лето.

Никаких предупреждений. Никакой пощады. Никакой двусмысленности.

***Больше всего следует опасаться врага, который носит личину друга.
Оружейный мастер Ребек Гиназский***

Расположенный в подземелье Кайтэйна императорский некрополь своими размерами едва ли не превосходил сам дворец властителей всей Известной Вселенной. Поколения умерших Коррино населяли этот город мертвых; те, кто пал от предательской руки или погиб от несчастного случая, и те немногие, кому посчастливилось умереть своей смертью.

Как только граф Хазимир Фенринг вернулся с Икса, Шаддам, не медля ни секунды, повел своего друга и главного советчика в сырые, скудно освещенные катакомбы.

– Так-то ты празднуешь триумфальное возвращение своего министра по делам пряности? Тащишь меня в заплесневелые древние крипты, хм-м?

Шаддам отпустил обычную охрану, и сейчас двоих мужчин сопровождали только тусклые, фиксированные к стенам винтовой, ведущей вниз лестницы, светильники.

– Мы часто играли здесь, когда были детьми, Хазимир. Когда я спускаюсь в некрополь, меня охватывают ностальгические чувства.

Фенринг согласно кивнул своей непропорционально большой головой. Широко открытые глаза метались из стороны в сторону, делая их обладателя похожим на настороженную птицу, которая в каждом темном углу ищет убийц или спрятанные ловушки.

– Наверное, именно здесь у меня выработалась привычка рыскать в темноте?

В голосе Шаддама появились жесткие, подобающие императору, нотки.

– Кроме того, это единственное место, где мы можем побеседовать, не боясь быть услышанными. Нам с тобой надо обсудить одно очень важное дело.

Фенринг понимающе хмыкнул и приготовился слушать.

В незапамятные времена, сразу после перенесения столицы империи с погибшей Салусы Секундус, в этом некрополе, под громадной каменной плитой, первым был похоронен Хассик Коррино III. В течение последующих тысячелетий здесь хоронили многочисленных императоров из Дома Коррино, их наложниц и даже незаконнорожденных детей. Некоторых мертвецов кремировали и засыпали прах в урны. Кости других закапывали в землю, воздвигая над могилами фарфоровые памятники. Несколько правителей были захоронены в прозрачных саркофагах, окруженных нуль-энтропийным полем, предохранявшим тела от распада и тлена; они останутся в веках даже тогда, когда в памяти потомков изгладится всякое воспоминание об их достославных деяниях.

Фенринг и Шаддам прошли мимо старой мумии злобного Мандиаса Грозного, вход в саркофаг которого охраняла его же статуя в натуральную величину. Как гласила надпись на гробнице, «это был император, заставлявший трепетать целые миры».

– Меня это не впечатляет. – Шаддам посмотрел на высохшие мощи. – Сейчас его вряд ли кто-нибудь помнит.

– Это потому, что ты никогда не отличался прилежностью, изучая имперскую историю. – Фенринг тонко улыбнулся. – Разве это место не напоминает тебе, что все люди, и ты в том числе, смертны, хм-м?

В свете тусклых ламп было видно, какую недовольную гримасу скорчил император, услышав эти слова. При приближении людей в разные стороны по темным щелям разбежались многочисленные твари: пауки, грызуны, скарабей-мутанты, ухитрившиеся выжить, поедая остатки сохранившейся мертвой плоти.

– Я не ошибся, узнав о существовании незаконного сына Эльруда, хм-м? Как могло случиться, что этот факт так долго оставался скрытым от нас?

Шаддам вскипел.

– Откуда ты все знаешь?

– У меня есть уши.

– Да, и слишком большие.

– Но они служат только вам, сир, разве не так, хм-м?

Фенринг продолжал говорить, не дав императору уклониться в сторону:

– Представляется, что этот Тирос Реффа не имеет ни малейшего желания претендовать на твой трон, но настает время большой смуты, и его могут использовать как знамя мятежные семейства.

– Но я – истинный император!

– Сир, когда Ландсраад клянется в верности Дому Коррино, он не имеет в виду верность лично вам. Вы ухитрились вызвать недовольство и раздражение большинства могущественных аристократов.

– Хазимир, я не обязан волноваться по поводу ущемленного эгоизма моих подданных.

Шаддам еще раз взглянул на могилу Мандиаса и сквозь зубы помянул недобрым словом своего престарелого отца Эльруда, который прижил сына от наложницы. Не должны ли императоры предохраняться во время совокупления?

Шли столетия, мертвых становилось все больше, и некрополь приходилось постепенно углублять, заполняя телами все новые и новые крипты. На самом нижнем, новом уровне Шаддам прочел имена знакомых ему предков.

Впереди высился свод склепа, где покоился прах деда Шаддама, Фондила III, прозванного Охотником. По сторонам глубоко утопленной металлической двери стояли два чучела свирепых зверей, убитых на охоте этим императором: шипастая экадрофа с высоких плато Эказа и кистеухий саблезубый медведь с III Дельта Кайзинга. Прозвище свое Фондиль, однако, получил не за свои лесные подвиги. Прославился он прежде всего своей охотой на людей, способностью вынюхивать и уничтожать врагов. Читать о его крупных играх было настоящим удовольствием.

Шаддам и Фенринг прошли мимо множества гробниц и склепов детей и братьев и наконец остановились перед идеализированным скульптурным изображением первого наследника Эльруда кронпринца Фафнира. Много лет назад смерть Фафнира (случайность, подстроенная юным Фенрингом) открыла Шаддаму путь к трону. Благодушный и самодовольный Фафнир так и не понял, насколько опасным может быть маленький друг его родного брата.

Только подозрительный Эльруд мог верно угадать, кто стоит за убийством его старшего сына. Хотя мальчики так и не сознались в содеянном, Эльруд, понимающе покашливая, часто говорил Шаддаму: «Самое главное, это доказывает, что ты умеешь принимать трудные решения. Но не спеши вваливать на свои плечи ответственность императорской власти. Мне осталось править еще много лет, а ты должен смотреть на меня, как на пример для подражания. Смотри и учись».

И вот теперь Шаддаму приходится переживать из-за этого бастарда Реффы.

Наконец он привел Фенринга к гробнице, где был захоронен прах самого Эльруда, к сравнительно маленькой нише, украшенной сверкающим алмазным плазом, покрытым искусной сканью и драгоценными камнями – достаточный показатель скорби Шаддама по поводу утраты «возлюбленного отца».

Сопровождающие светильники остановились, направляя янтарный свет на место упокоения праха отца Шаддама. Император бестактно облокотился о постамент памятника. Старика кремировали, чтобы врачи Сук не смогли докопаться до истинной причины смерти.

– Двадцать лет, Хазимир. Как же долго мы ждали, когда тлейлаксы создадут синтетическую пряность.

Взор Шаддама оживился, глаза загорелись.

– Что ты узнал? Скажи мне, что мастер-исследователь готов приступить к полномасштабному производству. Я уже устал ждать.

Фенринг несколько раз шлепнул себя по нижней губе.

– Аджидика прилагает все усилия, чтобы убедить нас в успехе дела, сир, но я не убежден, что вещество прошло все необходимые испытания. Спецификацию продукту должны присвоить мы, и только мы. Амаль заставит всколыхнуться всю галактику. Мы не смеем допускать тактических ошибок.

– Но какими могут быть эти ошибки? У мастера было двадцать лет на проведение тестов. Он утверждает, что амаль готов.

Фенринг окинул Шаддама удивленным взглядом, который он не смог скрыть, несмотря на тусклый свет.

– И ты поверил словам тлейлакса?

Фенринг чувал запах смерти и формалина, пыли и нервного пота Шадцама.

– Я предлагаю проявить осмотрительность и осторожность, разве я не прав, хм-м? Сейчас я занят проведением заключительных анализов, которые предоставят нам все необходимые доказательства.

– Да, да, ты прав, но не надо перегружать меня подробностями. Я читал доклады Аджидики и с трудом понял только половину того, что он пишет.

– Тебе остается потерпеть еще месяц, Шаддам, от силы два.

Охваченный нетерпением и мрачными размышлениями, узколицый Шаддам принялся мерить широкими шагами крипту. Фенринг попытался определить глубину переживаний друга. Светильники, настроенные двигаться за Шаддамом, не могли успеть за императором, ходившим взад и вперед по тесному ограниченному пространству.

– Хазимир, я смертельно устал от всяческих предосторожностей. Всю жизнь мне приходится ждать: ждать смерти брата, ждать смерти отца, ждать появления на свет сына! И теперь, когда я сижу на троне, мне приходится ждать появления амалья, чтобы получить наконец власть, которой достойны императоры из Дома Коррино.

Он уставился на свой сжатый кулак так, словно мог воочию видеть, как утекает сквозь пальцы вожаделенная власть.

– Я занимаю пост одного из директоров ОСПЧТ, но это не дает мне реальной возможности руководить организацией. Эти мерзавцы делают что хотят, потому что могут отвергнуть мои предложения при простом голосовании. Космическая Гильдия даже по закону не обязана подчиняться моим декретам, и если я поведу себя некорректно по отношению к ней, то Гильдия может наложить на меня санкции, лишить транспортных привилегий и парализовать всю империю.

– Понимаю, сир. Но гораздо хуже, как мне думается, то, что растет число аристократов, которые отказываются повиноваться вашим распоряжениям. Посмотрите на Грумман и Эказ. Их распря продолжается, несмотря на ваши миротворческие усилия. Виконт Моритани практически плюнул вам в лицо.

Шаддам попытался наступить на блестящего черного жука, который в последний момент все же успел скользнуть в щель между камнями.

– Вероятно, настало время напомнить всем, кто здесь распоряжается. Как только амаль окажется в моих руках, вся вселенная заплещет под мою дудку. Меланжа с Арракиса окажется настолько дорогой, что будет практически недоступной.

Фенринг, не стесняясь, выразил свое сомнение.

– Хм-м, многие Великие Дома накопили собственные запасы пряности, хотя это и противоречит древнему и мало кому известному закону. За последние столетия никто даже не подумал применить на практике тот забытый эдикт.

Шаддам вспыхнул.

– Разве это имеет какое-нибудь значение?

Фенринг шмыгнул носом.

– Это имеет значение, сир, потому что когда придет время и вы объявите свою монополию на синтетическую пряность, такие нелегальные запасы позволят аристократическим семьям некоторое время отказываться от приобретения искусственной меланжи.

– Понятно.

Шаддам моргнул. Об этой возможности он не подумал.

– Но тогда, – заговорил он, – мы можем конфисковать эти запасы, чтобы Великие Дома не могли подстелить соломку, когда я перекрою поток меланжи.

– Все правильно, сир, но если вы в одиночку начнете отнимать запасы меланжи, то аристократы объединятся и пойдут на вас войной. Вместо этого я предлагаю вам закрепить некоторые союзы, чтобы вы могли заставить соблюдать законы империи с позиции силы. Помните, мед может быть как ловушкой, так и сладкой наградой, м-м-м, не так ли?

Шаддам не скрывал нетерпения:

– Что ты хочешь этим сказать?

– Пусть Гильдия и ОСПЧТ выявят нарушителей и предоставят вам свидетельства их вины. Ваши собственные сардаукары могут конфисковать запасы, после чего часть их вы отдадите ОСПЧТ и Гильдии. Обещание таких сокровищ воспламенит их рвение, и они обнаружат самые хитроумные тайники пряности.

Фенринг видел, что в голове Шаддама завертелись тяжелые и неповоротливые жернова мыслей.

– В этом случае, сир, вы будете действовать на основании высоких моральных побуждений, заручившись, кроме того, поддержкой ОСПЧТ и Гильдии. Более того, вы достаточно безболезненно освободите членов Ландсраада от тяжелого бремени незаконных запасов пряности.

Шаддам довольно улыбнулся.

– Я начну действовать, не откладывая. Я сейчас же издам декрет...

Фенринг перебил императора. Подвижные светильники остановились вслед за Шаддамом.

– Надо, правда, еще найти способ, как поступить с меланжей на самом Арракисе. Возможно, нам придется послать на эту планету сильный экспедиционный корпус, чтобы блокировать любую попытку доступа к естественным запасам меланжи.

– Гильдия никогда не повезет на Арракис войска, Хазимир. Она не станет перерезать сама себе глотку. Но как еще можно прекратить операции по добыче пряности на Арракисе?

Казалось, что статуя Эльруда насмешливо наблюдает за происходящей сценой.

– Видимо, нам придется пойти на хитрость, сир. Мне кажется, что не трудно будет найти предлог, чтобы лишить Дом Харконненов права управления Арракисом. Мы можем объявить, что отныне имперский лен Арракис будет передаваться в управление конкретному Великому Дому на срок не больше десяти лет.

– Ты можешь представить себе реакцию Гильдии на такие действия, Хазимир, особенно после того, как они разведают для нас незаконные запасы пряности? – спросил Шаддам, дрожа от волнения. – Меня всегда раздражало могущество Гильдии, но меланжа – это их ахиллесова...

В этот момент в голову Шаддаму пришла интересная мысль, и губы расплылись в широкой улыбке. Выражение восторга на лице императора очень не понравилось Фенрингу.

– Знаешь, Хазимир, мы можем убить двух зайцев, или, если хочешь, одержать две победы, одним ударом.

Граф был явно озадачен.

– Какие две победы, сир?

– Тирос Реффа. Мы знаем, что этого ублюдка воспитали и пригрили в Доме Талигари. Полагаю, что у него есть поместье на Зановаре, что я могу легко проверить. – Император заулыбался еще шире. – И если мы найдем на Зановаре подходящий склад пряности, то разве эта планета не самое прекрасное место для начала нашего крестового похода?

– Хмм-а, – хмыкнул граф, тоже улыбнувшись. – Превосходная идея, сир. Зановар, на самом деле, идеальная мишень для нанесения первого сильного удара, очень милая проба пера. И если во время атаки бастард будет случайно убит... то это только к лучшему.

Двое мужчин покинули самые глубокие крипты и начали подниматься в надземную часть дворца. Фенринг оглянулся, посмотрев в конец каменного туннеля.

Видимо, в некрополе Коррино скоро появится новая крипта.

Истинный подарок – не просто некий предмет; это демонстрация понимания и заботы, отражение отношений того, кто дает, и того, кто принимает.

Доцент Глакс Отн.

Хрестоматия для Дома Талигари

Идя по обсаженной зеленеющим папоротником дорожке своего зановарского поместья, Тирос Реффа внимательно изучал непонятный текст, красивой вязью нанесенный на ламинированную карточку, искусно врезанную в билет, который он держал в руке, пытаясь расшифровать неизвестную пиктограмму. Новая задача приятно возбуждала ум. Солнечные лучи, проникая сквозь густые кроны, отбрасывали на карточку прихотливую пятнистую тень. Озадаченный Тирос вопросительно взглянул на своего учителя и друга доцента Глакса Отна.

– Если ты не сможешь прочесть текст, Тирос, то не сможешь оценить и сам подарок.

В действительности в живых осталось не так много истинных членов семьи Талигари, и доцент был лишь одним из представителей длинной династии лордов-учителей, который вместе с именем унаследовал лен от прежнего владельца-аристократа и продолжал, не нарушая традиций, управлять этим леном. Глакс и Реффа были в один день возведены в ранг владельцев, которых, несмотря на большую разницу в возрасте, связывала многолетняя дружба.

Колибри и пестрые бабочки порхали между колыхающимися листьями папоротника, охотясь друг за другом и совершая живописные воздушные маневры. Высоко в кроне покрытого чешуйчатой корой дерева невидимая с земли птица издавала скрипучие каркающие звуки.

– Да спасет меня судьба от нетерпеливого учителя.

Сорокапятилетний Реффа был мужчиной мощного телосложения с точно рассчитанными, сильными и уверенными движениями. В глазах светился непреклонный ум.

– Здесь написано что-то о дворе Талигари... о представлении... знаменитом и мистическом...

Тирос сделал глубокий вдох.

– Это билет на оперу на подмостках! Да, теперь я понял шифр.

Доцент дал Тиросу только один билет, зная, что на представление тот пойдет один, очарованный новыми впечатлениями и охваченный жадой учиться и впитывать новые опыты. Сам старик уже давно не посещал светские мероприятия и представления. Зная, что ему осталось жить не так уж много лет, старый доцент предпочитал беречь время и тратил его на медитацию и преподавание.

Реффа тем временем прочитал написанный вязью текст и полностью расшифровал его.

– Это пропуск во дворец света Центра Талигари, в сказочную Артизию. Меня приглашают посмотреть представление просветленного танца как способа выражения подсознательных высказываний. В представлении будет дано описание эмоциональных обертонных людей, вовлеченных в борьбу периода Междущарствия.

Довольный своими способностями Реффа, читая, вел пальцем по ровной линии причудливых рунических знаков.

Сухопарый учитель удовлетворенно кивнул.

– Говорят, что только один из пятисот зрителей способен понять нюансы этого величественного танца, и то только при величайшей концентрации внимания и при соответствующей подготовке. Но это зрелище и само по себе стоит, чтобы его посмотреть.

От избытка чувств Реффа обнял старого учителя.

– Чудесный подарок, сэр.

Они свернули с вымощенной дороги на усыпанную гравием узкую дорожку. Гравий захрустел под их обутыми в сандалии ногами. Реффа любил каждый уголок своего скромного имения.

Несколько десятилетий назад император Эльруд поручил доценту воспитать своего незаконнорожденного ребенка в комфорте и тайне, не внушая ему никаких надежд, связанных с высоким происхождением, но содержа в обстановке, достойной отпрыска Коррино. Доцент научил мальчика ценить истинные качества вещей, а не их внешний лоск и ненужную экстравагантность.

Глакс Отн взгляделся в точеные черты своего молодого друга.

– Хочу сообщить тебе одну неприятную новость, Тирос. Возможно, с твоей стороны будет мудро покинуть имение и на месяц-два переехать в Талигари.

Реффа встревоженно посмотрел на доцента.

– Это еще одна головоломка?

– Да, но эта головоломка не предмет развлечения. За последние две недели уже несколько человек весьма энергично наводили справки о тебе и твоей собственности. Ты и сам это заметил, правильно?

Реффа все еще сомневался, хотя и его медленно охватывала озабоченность.

– Это были совершенно невинные вещи, сэр. Один посетитель интересовался риэлторскими услугами на Зановаре и даже намекал, что хотел бы купить мое имение. Второй представился садовником и хотел осмотреть мою оранжерею. Третий...

– Все они были шпионами императора, – сказал Отн, бесцеремонно перебив друга. Реффа замолчал, и учитель продолжил: – Я насторожился и решил проверить, кто они такие. Удостоверения личности, которые они тебе предъявили, – фальшивые. Все трое пожаловали сюда из Кайтэйна. Мне пришлось приложить некоторые усилия, чтобы узнать, что все они находятся на секретной службе императора Шаддама.

Реффа поджал губы, сдерживаясь, чтобы не выпалить вертевшиеся на языке вопросы. Доцент хочет, чтобы он сам подумал о возможных следствиях.

– Итак, все они лгали. Император пытается выяснить подробности обо мне и моем доме. Но зачем и почему именно сейчас?

– Очевидно, потому, что император только недавно узнал о твоём существовании.

Доцент принял суровый вид, голос его стал звучным и педантичным. Учитель вспомнил, каким мощным эхом отдавался его голос под сводами аудиторий, когда он читал студентам свои знаменитые лекции.

– Ты мог бы иметь гораздо больше, чем ты имеешь, Тирос Реффа, и ты заслуживаешь этого именно потому, что ничего не желаешь. В этом и заключается императорский парадокс. Думаю, что тебе угрожает реальная опасность.

Доцент прекрасно понимал, почему молодому человеку следует вести тихую жизнь и не привлекать к себе внимания. Этот незаконный сын Эльруда IX никогда не представлял собой угрозы Кайтэйну, никогда не выказывал амбиций – и даже интереса – к имперской политике и Трону Золотого Льва.

Напротив, Реффа предпочитал веселить публику, выступая под псевдонимом в спектаклях, которые ставили прославленные режиссеры. В юности он учился актерскому мастерству у учителей Мимбако из Дома Жонглеров, величайших актеров империи, умевших вселять сильнейшие чувства в души зрителей. Реффа с удовольствием вспоминал юные годы, проведенные с Жонглерами, и доцент гордился своим воспитанником.

Тирос напрягся. Этот разговор выходил за рамки дозволенного в их отношениях, хотя это и была сугубо частная беседа.

– Не говори открыто о таких вещах. Да, я покину Зановар и улечу на Талигари.

Реффа смягчил голос и добавил:

– Но ты все равно немного испортил мне радость от твоего подарка. Пошли, я покажу, что я приготовил для тебя в этот памятный день.

Лицо его, однако, оставалось озабоченным и строгим.

Реффа сжал пальцами полученный в подарок билет, повернулся к старику и улыбнулся вымученной улыбкой.

– Вы учили меня, сэр, что акт дарения становится в десять раз более эффективным, если он взаимен.

Доцент мастерски разыграл удивление.

– Сейчас у нас есть другие, более серьезные проблемы, и мне не нужны подарки.

Реффа взял своего воспитателя под костлявый локоть и повел во внутренний двор по дорожке, обсаженной перистым кустарником.

– Мне тоже. Но ни один из нас не получит никакого удовольствия от общения, если мы не будем заставлять себя доставлять друг другу маленькие радости. Не отрицай этого, ты же знаешь, что я прав. Смотри, это Чаренс.

На противоположной стороне вымощенной площадки, у двери выкрашенного ярко-алой краской павильона, стоял мужчина с суровым лицом – эконом Чаренс. Эконом производил впечатление, впрочем, обманчивое, мрачного злого человека, но в действительности он прекрасно справлялся со своими обязанностями и отличался непревзойденным чувством юмора, за что его особенно ценил Реффа.

Удивленный Глакс Отн последовал за своим молодым учеником к павильону. Войдя внутрь, Тирос положил на стол маленькую коробочку. Чаренс поднял ее и преподнес доценту.

Отн принял подарок.

– Чего я могу желать, кроме нескольких лет жизни и новых знаний и твоей безопасности. Вот, пожалуй, и все.

Старый учитель разорвал фольгу, в которую был тщательно упакован подарок. На его лице был написан восторг, смешанный с недоумением, которые быстро сменились выражением растерянности. В коробочке был билет, одноразовый блестящий жетон-пропуск.

– Парк развлечений с катаниями, представлениями и луна-парком, – громко прочитал Отн.

Видя такую реакцию, суровый Чаренс широко улыбнулся.

– Это лучший парк на Зановаре, – сказал Реффа. – Его очень любят дети.

Лицо молодого человека сияло от удовольствия. Он сам недавно посетил парк, чтобы только удостовериться, что вечно серьезный доцент никогда по своей воле не пойдет туда.

– Но у меня нет ни детей, ни семьи, – запротестовал Отн. – Это развлечение не для меня, разве не так?

– Просто получи удовольствие. Помолодей сердцем. Ты всегда настаивал на том, что истинный человек всегда нуждается в новом опыте для поддержания своего существования.

Доцент вспыхнул до корней волос.

– Да, я говорю это моим студентам, но... Ты хочешь обвинить меня в лицемерии?

Он несколько раз моргнул своими карими глазами. Реффа вложил жетон в ладонь учителя.

– Насладись в награду за все, что ты для меня сделал.

С этими словами он положил руку на плечо доцента.

– А когда я целый и невредимый вернусь через один или два месяца, мы с тобой обменяемся впечатлениями – ты от катания в парке, а я – от лицезрения танцевальной оперы на подмостках.

Старый учитель задумчиво кивнул.

– Как мне хочется, чтобы все произошло именно так, мой друг.

*Одиноким путник в пустыне – мертвец.
Только червь живет здесь один.
Фрименская пословица*

Получив достаточную подготовку, любой ментат может стать квалифицированным киллером, эффективным и изобретательным убийцей. Однако Питер де Фриз подозревал, что его собственная, опасная натура развилась в связи с извращением, которое укрепило его силу и сделало его таким, каким он стал. Склонность к жестокости, садистское удовольствие, которое он получал от вида страданий других людей, были следствием работы генетической программы, введенной в него тлейлаксами.

Значит, Дом Харконненов – самое подходящее для него место.

Сейчас де Фриз стоял в большой комнате резиденции Харконненов в Карфаге перед зеркалом, оправленным в раму из прихотливо свернутых, маслянисто блестящих титановых нитей. Куском ткани, смоченным в ароматном мыле, он протер лицо, стараясь не коснуться губ, потом подошел ближе к зеркалу, чтобы внимательно изучить несмываемые пятна сока сафо на губах. Припудрив острый подбородок, он опять не стал трогать губы, оставив на лице их кроваво-красное пятно. Чернильно-синие глаза и вьющиеся волосы придавали ему дикий и непредсказуемый вид.

Я слишком ценен, чтобы использовать меня как обычного клерка! Но барон не всегда это понимает. Жирный дурак часто неправильно пользовался талантами де Фриза, попусту растрачивая его время и энергию. *Я не бухгалтер.* Де Фриз скользнул в свой персональный кабинет, заставленный антикварной мебелью, полками с катушками шиги и шкафами с фильмами. Кассеты с фильмами лежали и на столе, закрывая зернистую, кроваво-красную полировку.

Любой ментат слишком квалифицирован для того, чтобы заниматься чтением бухгалтерских книг; де Фризу и раньше приходилось работать с документами такого рода, и он всегда ненавидел это занятие. Задания были рудиментарно и оскорбительно просты. Но секреты надо хранить, а у барона было слишком мало людей, которым он по-настоящему доверял.

Рассвирепев от наглого нападения фрименов на хранилище меланжи в Хадите и в нескольких других местах, барон приказал де Фризу проверить все финансовые документы Дома Харконненов, чтобы убедиться, что финансовая отчетность в полном порядке, что в ней нельзя найти ключа к поиску нелегальных запасов пряности. Все такие места должны быть стерты, чтобы они не привлекли внимания вездесущих аудиторов из ОСПЧТ. Если запасы обнаружатся, то Дом Харконненов может потерять ценный лен Арракиса, как и многое другое. Опасность возросла после того, как император объявил о начале борьбы с незаконным хранением запасов пряности. *О чем только думает этот Шаддам?*

Де Фриз вздохнул и покорно принялся выполнять поставленную задачу.

В довершение всех бед тупоголовый племянник барона Глоссу Раббан уже занимался бухгалтерскими документами (не получив на это разрешения) и удалил из них улики с изыщством гробокопателя, орудовавшего могильным заступом. Маленький брат Бестии, Фейд-Раута, и то лучше справился бы с такой задачей. Теперь же баланс был безнадежно испорчен, и де Фризу предстояла нешуточная работа.

Был уже поздний вечер, а Питер все еще, сгорбившись, сидел за письменным столом. Впитывая данные, он буквально затопил свое подсознание бесконечными цифрами. Магнитным корректором он делал исправления, вносил нужные цифры, убирая первый, самый внешний уровень ошибок и сглаживая наиболее очевидные несуразности.

Однако где-то на периферии сознания брезжила неотвязная мысль, предвестник близкого транса: он помнил наведенное препаратами видение, испытанное им девять лет назад, когда Питер увидел неясные признаки бед, ожидавших Дом Харконненов. Неясные образы представителей Дома, покидающих Арракис, знамена с синими грифами спущены, и вместо них на флагштоках поднимаются черно-зеленые знамена Атрейдесов. Каким образом, как конкретно потеряют Харконнены свою монополию на пряность и какое отношение к этому будут иметь проклятые Атрейдесы?

Де Фризу была нужна новая информация, таков его долг, в исполнении которого он поклялся Дому Харконненов. Долг более важный, чем жалкая канцелярская возня. Питер отодвинул в сторону записи и направился к своей личной аптечке.

Открыв дверцу, он ловкими пальцами выбрал сок сафо, тикопейный сироп и две капсулы меланжевого концентрата. Он не стал отмерять нужное количество и проглотил столько, сколько поместилось во рту. Приятная, жгучая сладость коричной пряности растеклась по языку. Гиперпредзнание на грани передозировки, открытые двери в вечность...

На этот раз он увидел *больше*. Это была та самая информация, в которой он нуждался: *конвой сардаукаров ведет барона Харконнена, постаревшего и еще больше разжиревшего, к ожидающему челноку*. Значит, это будет сам барон, а не следующие поколения Дома Харконненов! Следовательно, катастрофа разразится довольно скоро.

Де Фриз изо всех сил пытался рассмотреть дополнительные детали, но пятна света, яркие блики мешали видению. Он увеличил дозу ровно настолько, чтобы вернуть приятные ощущения, но видение не возвращалось, хотя действие препаратов затопило его сознание, как приливная морская волна...

Де Фриз очнулся в объятиях могучих рук рослого, широкоплечего, могучего телосложения человека, от которого едко разлило потом. Глаза стали видеть раньше, чем де Фриз окончательно проснулся. Раббан! Великан тащил его по каменному коридору в подzemелье, в личную резиденцию барона Харконнена.

– Я делаю тебе одолжение, – сказал Раббан, почувствовав, что ментат зашевелился у него в руках. – Ты сейчас должен работать с документами. Дядя будет не очень доволен, когда узнает, чем ты опять занимаешься.

Ментат, который не мог пока ясно мыслить, попытался заговорить.

– Зато я узнал нечто гораздо более важное...

Питер не успел закончить фразу, Раббан качнул его в одну сторону, потом в другую и с плеском швырнул в воду – в воду! – и это здесь, на Арракисе.

Борясь с туманом, окутавшим мозг, де Фриз по-собачьи поплыл к краю бассейна, где его ждал Раббан.

– Хорошо, что ты умеешь плавать. Надеюсь, ты не нагадил в наш бассейн.

В ярости де Фриз выполз на край искусственного водоема и лег на камни, стараясь отдышаться. Под ментатом образовалась лужа, которая была бы целым состоянием для любого фрименского слуги барона.

Раббан самодовольно ухмыльнулся.

– Барон всегда сможет заменить тебя. Тлейлаксы будут только счастливы прислать нам другого ментата, выращенного в том же чане.

Отплеываясь, Питер постарался взять себя в руки.

– Я работал, идиот, пытаюсь усилить видение, которое касается будущего Дома Харконненов.

Промокший, но полный собственного достоинства, извращенный ментат, отвернувшись, прошел мимо Раббана и направился по прохладным переходам к лестнице, ведущей в личные апартаменты барона Владимира Харконнена. Он постучал в дверь. С его одежды на пол продолжала капать вода. Тяжело дыша, за ментатом спешил Раббан.

Когда барон подошел к двери, передвигаясь с помощью наспех пристегнутых подвесок, он выглядел раздраженным. Он нахмурил отечное лицо, и лохматые рыжеватые брови сошлись на переносице. Растрепанная картина, которую являл собой Питер, не улучшила настроение барона.

– Что означает этот ночной визит? – Харконнен недовольно фыркнул. – Ты даром трапишь мою воду.

С дальнего края укрепленной кровати барона, где виднелась окровавленная, измятая человеческая фигура, доносились слабые стоны. Де Фриз заметил подергивающуюся бледную руку. Раббан подошел ближе к кровати.

– Ваш ментат снова наелся лекарств, дядя, – сказал он.

Узким, как у ящерицы, языком, ментат облизнул сухие губы.

– Я сделал это только по долгу службы, мой барон. И у меня есть для вас новости. Важные, тревожные новости.

Он торопливо описал свое последнее видение.

Барон надул жирные щеки.

– К дьяволу все эти неприятности. Мои запасы пряности все время подвергаются нападениям этих inferнальных фрименов, а теперь еще и император решил побряцать мечом и угрожает ужасными карами любому, кто осмелится держать у себя наличную пряность. Мало этого, мой собственный ментат смотрит какие-то страшные видения о моем падении! Я устал от всего этого.

– Значит, вы тоже не верите его галлюцинациям, дядя? – Раббан неуверенно переводил взгляд с барона на ментата и обратно.

– Ладно, хватит. Мы должны подготовиться к будущим потерям и восполнить потери, которые уже понесли. – Барон оглянулся через плечо, желая только одного: вернуться к своим любовным играм, пока мальчишка на кровати не отдал концы. – Раббан, меня не интересует, как ты это сделаешь, но добудь мне еще пряности!

Тьюрок, одетый в защитный костюм, стоял в кабине управления комбайном для добычи пряности. Огромная машина стонала и скрипела, выгребая материал из богатого пустынного месторождения, который автоматически загружался в бортовые вагонетки. Экраны, сита, вентиляторы и электростатические поля отделяли меланжу от песка и очищали готовый продукт перед погрузкой.

Отработанная пыль и пустой песок выбрасывался через трубы в корме комбайна и длинные шлейфы песка сопровождали движение чудовищно исполинской машины по меланжевой жиле. Хлопья чистой меланжи складывались в бронированные контейнеры; отделяемые контейнеры сбрасывались с машины при первых же признаках приближения червя.

Как и Тьюрок, многие фримены время от времени нанимались на работу в команды, обслуживавшие комбайны. Фрименов ценили за знание условий пустыни и расплачивались наличной меланжей. Кроме того, Тьюрок пользовался такой работой, чтобы собирать информацию о городских рабочих и организации команд по добыче пряности. Информация – это власть. Так учит Лиет Кинес.

Рядом с Тьюроком, внимательно глядя на экран панели управления, куда проецировались изображения с двенадцати внешних телекамер, стоял капитан комбайна. Нервный субъект с клочковатой бородой, он очень боялся, что разведчики могут не обнаружить приближение червя, и тогда старая машина погибнет.

– Смотри в оба своих фрименских глаза! Ты – наша безопасность, и за это я плачу тебе деньги!

Через покрытое пылью стекло Тьюрок осматривал враждебный ландшафт, обрамленный дрожащими в мареве дюнами. Пустыня была неподвижна и безмолвна, но эта тишина не могла

обмануть Тьюрока; он знал, что пустыня кишит живыми существами, которые попрятались от дневного зноя. Сейчас, напрягая зрение, он высматривал признаки колебаний на поверхности бескрайнего моря песка. По периметру кабины стояли еще три человека и тоже смотрели в испаранные, потрескавшиеся окна. Но у этих людей не было наметанного фрименского глаза и надлежащей тренировки.

Внезапно Тьюрок заметил длинное небольшое возвышение, возникшее вдали. Возвышение, приближаясь, начало расти.

– Червь!

Схватив индикатор направления Осберна, Тьюрок, прикинув к окну, определил точные координаты и выкрикнул их вслух.

– Разведчики должны были дать нам сигнал еще пять минут назад.

– Я так и знал, я так и знал, – простонал капитан. – Будь они прокляты, они ничего нам не сказали.

По системе связи он затребовал грузовой транспорт, потом скомандовал своим людям, чтобы они покинули машину. Рабочие высыпали из комбайна и кинулись к вездеходам.

Тьюрок смотрел, как приближается, постепенно набирая скорость, исполинский песчаный холм. Шай-Хулуд всегда приходит на место добычи пряности. Всегда.

Тьюрок услышал раздавшийся сверху мощный рокот. С прибывшего орнитоптера спустился грузовик. От взмахов механических крыльев поднялся ветер, взметнувший вокруг комбайна тучу пыли. Машину закачало, когда рабочие принялись связывать ее кабелями, соединительными фермами и специальными крючьями с орнитоптером.

Издавая чудовищный шелест, червь, пронзая своим громадным телом дюны, скользил в песке, быстро приближаясь к комбайну.

Комбайн снова содрогнулся, и капитан яростно выругался в микрофон селектора.

– Вы слишком долго тянете. Забирайте нас отсюда, будьте вы прокляты!

– У нас проблемы с такелажем, сэр, – раздался спокойный голос из динамика. – Мы отсоединили вас от вагона и зацепили его грузовым тросом. Вы предоставлены самим себе.

Капитан понял, что его бросили на произвол судьбы, и испустил крик отчаяния.

Сквозь стекло окна Тьюрок видел, как из песка высунулась голова червя, древнего создания с хрустальными зубами и пламенем, бушующим в глотке. Голова несколько раз повернулась в разные стороны, а потом червь, выбрав направление, устремился вперед со скоростью торпеды, выпущенной в цель.

Другие члены экипажа метались вокруг, цепляясь за бесполезное спасательное оборудование. Тьюрок нырнул в заржавевшую катапульту, и она выплюнула его в песок, подальше от червя. Острый, пряный запах свежей меланжи обжег ноздри. Только теперь Тьюрок заметил, что во время катапультирования у него порвался защитный костюм.

Вскочив на ноги, Тьюрок побежал по пыльному склону, увидев, что грузовик подняли на орнитоптер вместе с вагоном, зацепленным аварийным тросом. Рабочих не стали спасать, спасли только пряность.

Напрягая сильные ноги и удерживая равновесие в рыхлом песке, Тьюрок побежал. Ставкой в этом беге была его жизнь. Другие, избалованные водой, рабочие, при всем желании не смогли бы последовать его примеру.

Стараясь убежать подальше, он взобрался на высокую дюну, споткнулся о мелкую канавку, поднялся и снова побежал. Вибрация исполинского комбайна маскировала слабый ритм шагов Тьюрока. Он упал и кубарем скатился с крутого склона в распадок между двумя дюнами, потом снова начал карабкаться вверх, чтобы не попасть в песчаный омут, который возникнет, когда червь начнет пожирать свою жертву.

Тьюрок услышал сзади рев, почувствовал, что земля начала скользить у него под ногами. Однако он не сдался и прибавил скорость. Тьюрок не оглянулся, когда громадная пасть Шай-

Хулуда проглотила беспомощных рабочих вместе с комбайном. Достаточно было услышать дикие вопли и скрежет металла.

В сотне метров впереди он заметил скалу. Если бы успеть до нее добежать...

Барон Харконнен лежал на массажном столе, дряблая кожа свисала по его сторонам. Слуги обрызгали водой его спину и ноги, и барон стал похож на блестящего от пота борца сумо. Двое красивых юношей, оба сухоощавые и мускулистые – лучшее, что он смог отыскать в Карфаге, – втирали мази в плечи Владимира Харконнена.

В комнату без стука вбежал ординарец.

– Прошу прощения, милорд барон, но сегодня мы потеряли комбайн со всем экипажем. Транспорт прибыл точно к разгрузке и взял на борт полный вагон пряности, но людей спасти не смогли.

Барон привстал, выразив притворное разочарование.

– Никто не выжил? – Небрежным взмахом руки он отпустил ординарца. – Никому об этом не рассказывать!

Надо поручить де Фризу списать в убыток потерю машин, персонала, а заодно и пряности. Естественно, экипаж грузовика, как и ординарца, придется ликвидировать, как ненужных свидетелей. Убрать надо бы и этих двух молодых людей, но они и так вряд ли переживут те упражнения, которые барон с ними сегодня проделает.

Владимир Харконнен мысленно улыбнулся. Людей можно легко заменить.

Мир не равносителен стабильности; стабильность статична и находится на волосок от хаоса.

Фэйкан Батлер.

«Находки Совета времен Постджихада»

– Вы вряд ли обрадуетесь этой новости, мой император.

Канцлер Ридондо застыл в глубоком поклоне, пока Шаддам спускался с трона в малой палате для аудиенций.

Кто-нибудь может порадовать меня хорошей новостью? Внутренне император кипел, думая обо всех раздражающих сообщениях, которые не давали ему ни минуты покоя.

Тощий канцлер отошел в сторону, давая Шаддаму пройти, потом поспешил следом за ним по краю красного ковра.

– На Биккале произошел очень прискорбный инцидент, сир.

Хотя была только первая половина дня, Шаддам отменил все свои остальные встречи и проинформировал собравшихся лордов и послов, что все аудиенции будут перенесены на другое время. Уточнением времени – очень нелегкой задачей – предстояло заняться канцлеру Ридондо.

– Биккал? Какое мне дело до этого захолустья?

Стараясь успеть за широко шагавшим императором, канцлер отер пот с высокого лба.

– В этом деле замешаны Атрейдесы. Герцог Лето преподнес нам сюрприз.

У входа в аудиенц-зал толпились нарядно одетые, перешептывающиеся между собой мужчины и женщины. Экзотический паркет из фасеточного дерева, инкрустированный морскими раковинами кабуцу, и золотистый свет хрустальных балутских ламп придавали палате причудливо-роскошный вид, игривость которого император зачастую предпочитал холодной официальности большого императорского аудиенц-зала.

Шаддам был одет в длинную, золотую с алым, мантию, украшенную изумрудами, камнями су и черными сапфирами. Под роскошным одеянием был только купальный костюм. Шаддам уже предвкушал, как он сейчас окунется в теплую воду подземных каналов и бассейнов дворца, играя в салочки со своими наложницами.

Проходя мимо толпы придворных, Шаддам тяжело вздохнул.

– Что там еще натворил мой кузен? Что мог Дом Атрейдесов иметь против затерянного во вселенной мира джунглей?

Выпрямив спину, Шаддам остановился, застыв в подобающей императору позе, пока Ридондо шепотом рассказывал ему о дерзком налете на Биккал. Любопытные придворные придвинулись ближе.

– Мне кажется, что герцог поступил правильно, – сказал породистый седовласый лорд – Бэйн О’Гэри Хагальский. – Я нахожу позорными действия Верховного Магистрата, позволившего тлейлаксам осквернить память павших героев.

Шаддам был уже готов испепелить уничтожающим взглядом хагальского лорда, но вовремя услышал одобрительный ропот других аристократов. Он недооценил отрицательного отношения и всеобщей антипатии к тлейлаксам, по причине которой все эти люди почти явно одобряют Лето за его дерзость. *Почему они не одобряют меня, когда мне приходится прибегать к жестким, но необходимым действиям?*

Заговорил другой аристократ:

– Герцог Лето имеет право ответить на такое оскорбление. Это дело чести.

Шаддам не помнил ни имени этого человека, ни его происхождения.

– И это дело имперского закона. – В разговор вмешалась супруга императора Анирул, незаметно вставшая между мужем и канцлером Ридондо. После недавней кончины Лобии Анирул все время была возле супруга, словно действительно хотела участвовать теперь во всех государственных делах. – Человек имеет право защищать свою семью. Но разве в семью не входят также и предки?

Некоторые из аристократов согласно закивали головами, а один из них даже рассмеялся, словно Анирул произнесла остроумную шутку. Шаддам почувствовал, куда дует ветер.

– Согласен, – сказал он, придав своему голосу нотки отеческой снисходительности и думая о том, как использовать происшедший инцидент в своих целях. – Недостойное соглашение Биккала с Бене Тлейлаксом было, конечно же, незаконным. Хотелось бы, чтобы мой дорогой кузен Лето дал делу законный ход, но я могу понять его дерзкий поступок. Он еще так молод.

Мысли Шаддама были, однако, иными. Он быстро понял, как укрепятся позиции Лето в глазах глав Великих Домов после этой военной акции. Теперь все видят, что Лето может сделать то, о чем другой на его месте побоится даже подумать. Такая популярность может стать опасной для Трона Золотого Льва.

Император поднял униженный перстнями палец.

– Мы проведем расследование этого дела и после окончания расследования выскажем свое мнение в официальном порядке.

Выходка Лето открывала и для Шаддама возможность осуществить его далеко идущие планы. Эти собравшиеся здесь лорды уважают быструю, непреклонную демонстрацию справедливости. Да, действительно, это очень интересный прецедент, очень интересный и интригующий...

Анирул смотрела на мужа, чувствуя неустойчивые колебания его мыслей. Она вопросительно взглянула на Шаддама, но он не обратил на это внимания. Его улыбка немало встревожила Анирул. Его жена и ее гримзы из Бене Гессерит и так слишком много от него утаивают, и он имеет полное право отвечать им тем же.

Сейчас он вызовет верховного башара и начнет приводить в действие свой собственный план. Старый ветеран Зум Тарон прекрасно знает, как делаются такие дела, и сумеет показать всему миру силу и доблесть сардаукаров в более серьезном деле, чем парады и потешные бои.

В конце концов, планета Зановар, на которой живет бастард Тирос Реффа, мало чем отличается от Биккала...

В тиши своих личных покоев леди Анирул водила по воздуху сенсорной ручкой, чертя невидимые иероглифы. Тропическое растение с черными цветками, растущее в кадке, источало запах озона.

На столе Анирул лежал сенсорно-концептуальный дневник, на невидимых страницах которого она записывала свои самые сокровенные мысли, заметки, которые никогда и ни при каких обстоятельствах не обнаружит ее супруг. Анирул писала на недоступном расшифровке тайном языке Бене Гессерит, давно забытом наречии, на котором была написана священная книга Азхара.

Она писала о своей печали по ушедшей Лобии, неподкупной Вещательнице Истины, о своей привязанности к старой женщине. О, как бы удивилась Верховная Мать Харишка, как высоко вскинула бы она брови, узнав о таком неприкрытом проявлении эмоций. Но Анирул действительно тосковала по своей подруге. У нее не осталось во дворце близких друзей, одни льстецы, которые вились вокруг супруги императора с единственной целью, укрепить при дворе собственные позиции.

Лобия, однако, была совсем другой. Теперь Анирул хранила память старой женщины и ее опыт глубоко в душе среди какофонии голосов представителей сотен поколений, в лесу, который был слишком непроходим, чтобы его познать.

Мне очень не хватает тебя, мой старый друг. Смущенная Анирул прекратила ненужные излияния. Она прикоснулась к кнопке сенсорной ручки и безучастно проследила глазами, как и ручка, и дневник растворились и исчезли, как туманный налет на светло-голубом перстне из камня су.

Анирул прошла по комнате и сделала несколько дыхательных упражнений. Звуки дворца стихли, и теперь она слышала только внутренний голос, который шептал:

Мать Лобия, ты слышишь меня? Ты здесь?

Другая память иногда раздражала и расстраивала, казалось, что предки шпионят за ней, находясь под сводом ее собственного черепа. Анирул не любила это своеобразное нарушение частной жизни, но чаще всего она находила присутствие Другой Памяти успокаивающим. Конгломерат жизней составлял внутреннюю библиотеку, и в некоторых случаях, когда в нее открывался доступ, из нее можно было черпать мудрость и вдохновение. Лобия была где-то там, затерянная среди множества бесплотных духов, и ждала своей очереди заговорить.

Преисполнившись решимости, Анирул закрыла глаза и поклялась себе, что найдет Вещающую Истину. Анирул с головой бросилась в шум и ропот Другой Памяти, желая преодолеть все, но отыскать Лобию. Она начала спускаться все ниже и ниже... все глубже и глубже.

Это была плотина из папиросной бумаги, которая только ждала момента, когда ее разорвут. Анирул никогда не пыталась так глубоко проникнуть в Другую Память, зная, что рискует навсегда потеряться на нижних уровнях этого бездонного царства мертвых. Но Анирул было назначено стать матерью Квисац-Хадераха, и ей было поручено исполнить этот святой долг только потому, что она имела более полный доступ к генетическому прошлому, чем другие Сестры. Тем не менее такой поход по чужой памяти нельзя совершать без поддержки и помощи со стороны других Сестер Ордена.

Она почувствовала волнение и смятение, появление завихрений в ровном потоке Другой Памяти. Лобия мысленно позвала подругу Анирул. Шум усилился. Было такое впечатление,

что Анирул подошла к двери в комнату, полную кричащих на разные голоса людей. На воротах висели развевающиеся занавеси, заслонки, которые не давали ей проникнуть в эту комнату.

Лобия, где ты?

Но вместо ответа одиночного голоса смятенная Анирул услышала вой и крики, голоса предупреждали о надвигающемся несчастье. Это ужаснуло Анирул, и у нее не осталось другого выхода, кроме как бежать из глубин чужой памяти.

Она очнулась в кабинете и сквозь туман, который заволакивал ее взор, увидела знакомую обстановку. Ей казалось, что часть ее существа осталась там, глубоко внутри коллективного интеллекта Бене Гессерит. Она не шевельнула ни единым мускулом для того, чтобы бежать из Другой Памяти, оставив позади ее страшные предупреждения.

Постепенно Анирул начала чувствовать покалывание в коже. Когда наконец она обрела способность двигаться, прояснился и ее взор.

Внутренний голос говорил о том, что вскоре должно произойти что-то страшное и неминуемое. Все это имеет отношение к давно ожидаемому Квисац-Хадераху, до появления которого осталось всего одно поколение. Семя уже посеяно и плод растет в чреве ни о чем не подозревающей Джессики. Но Другая Память предупредила о несчастье...

Анирул предпочла бы, чтобы рухнула империя, чем хотя бы один волос упал с головы этого будущего ребенка.

Некоторое время спустя в том же кабинете мать Квисац-Хадераха пила чай с пряностью и шепотом переговаривалась с Преподобной Матерью Мохиам на древнем тайном языке.

Мохиам прищурила свои птичьи глаза.

– Ты уверена, что тебе действительно явилось видение, о котором ты рассказываешь? Насколько я понимаю, герцог Лето не собирается отпускать Джессику. Ты думаешь, что мне стоит поехать на Каладан, чтобы защитить ее? Его безрассудное нападение на Биккал может сделать Лето уязвимым для мести врагов, а мишенью скорее всего станет Джессика. Ты видела это?

– Я не видела ничего определенного. В Другой Памяти редко увидишь отчетливую картину, даже если дело касается Квисац-Хадераха.

Анирул сделала длинный глоток сладкого напитка и поставила чашку на стол.

– Но ты не должна уезжать, Мохиам. Твое место здесь, во дворце.

Голос Анирул стал жестким.

– Я получила весть с Валлаха Девять. Верховная Мать Харишка выбрала тебя Вещающей Истину при императорском дворе.

Мохиам ничем не выразила ни удивления, ни радости по поводу нового назначения. Вместо этого она заговорила о самом важном для Общины Сестер деле:

– Тогда как нам сохранить в безопасности Джессику и ее дитя?

– Я решила, что нам надо привезти женщину сюда, на Кайтэйн, и поселить здесь до разрешения ее беременности. Так мы решим обе проблемы.

Мохиам просияла:

– Великолепное предложение. При таком решении мы сможем следить за ее состоянием во время беременности.

На лице Мохиам появилась ироническая усмешка.

– Думаю, наше решение не очень понравится герцогу Лето. – Желания мужчин не входят в наши расчеты, – с этими словами Анирул откинулась на спинку кресла, услышав, как скрипнула бархатная подушка. Супруга императора вдруг ощутила непомерную усталость. – Джессика родит дочь здесь, в императорском дворце.

Предполагается, что стабилизация настоящего есть форма достижения равновесия, но это действие неизбежно бывает опасным. Закон и порядок умерщвляют. Попытка же контролировать будущее приводит лишь к его деформации.

Каррбен Фетр.

«Безумие имперской политики»

После дня, проведенного в парке развлечений Зановара, доцент Глакс Отн испытывал странное ощущение. Он никогда не чувствовал себя таким старым... или молодым. Одетый в расхожий светло-зеленый твидовый комбинезон, он начал постепенно расслабляться, забыв о таинственной опасности, угрожавшей его подопечному Тиросу Реффе.

Он смеялся вместе с визжавшими от восторга детьми и ел сладкие конфеты. Он играл в игры, в которых надо было проявить ловкость и сноровку, хотя и понимал, что хозяева всегда посчитают очки в свою пользу. Это не волновало его, да и что будет плохого, если он привезет домой приз, хотя бы просто на память. Пестрая толпа кружилась вокруг, как массовый хоровод, и Отн улыбался.

Реффа верно понял, что нужно старому учителю. Отн надеялся, что молодой человек, который уже прилетел на главную планету Талигари, получит от оперы на подмостках такое же удовольствие, какое получил старик от парка развлечений.

День был долгий и утомительный, но он влил в Отна новые душевные силы, подбодрил его. Предоставленный самому себе, Отн никогда не позволил бы себе так провести выходной день. Его давний студент преподавал старику ценный урок.

Откинув со лба пропитанную потом седую прядь, Отн взглянул вверх как раз в тот момент, когда солнце перечеркнула темная тень. Вокруг продолжали звучать музыка и веселый смех. Кто-то закричал. Он обернулся и увидел летающий диск, лихо обходящий препятствия. Пассажиры аттракциона крепко держались за поручни и верещали от притворного ужаса.

Небо заслонила еще одна, большая и зловещая, черная тень. Сначала доцент не мог представить себе, что эта тень большого воздушного судна – не часть неистового праздника.

Люди в парке выстроились в длинные очереди, ожидая катаний, блужданий по лабиринтам, голографических танцев. Другие пробовали попытать счастья у продуктовых ларьков, где можно было получить какой-нибудь деликатес за смешную историю или забавную песенку. Теперь уже многие посетители смотрели в небо. Посасывая леденец, доцент с любопытством, но без страха, наблюдал за маневрами орнитоптеров. До тех пор, пока головная машина не открыла огонь.

В этой машине находился командовавший операцией генерал Шаддама, верховный башар Тарон, который лично руководил нанесением уничтожающего удара. Это был его долг – выстрелить первым, выпустить первую кровь и убить первых невинных.

Бронированные орнитоптеры нависли над большим муляжом песчаного червя, стоявшим в центре парка, громадным сооружением, вокруг которого были построены фальшивые дюны. Взрывы разорвали в клочья воздух, огонь оставил на земле черные отметины. Искрящееся пламя взметнулось там, где рухнули прозрачные легкие сооружения. Люди начали с криками разбегаться, ища спасения.

Зычный голос доцента, закаленный чтением лекций в аудиториях, переполненных неугомонными студентами, загремел над парком, перекрывая грохот взрывов и крики обезумевших людей:

– Убежище! Ищите убежище!

Но спрятаться было негде.

Неужели они творят это только для того, чтобы найти Тиросу Реффу?

Сардаукары батальона смерти, ведомые верховным башаром, были одеты в черно-серую форму. Целясь прищуренными стального цвета глазами, желтолицый Гарон первым делом ударил по детям, превращая их фигурки в изуродованные до неузнаваемости расплавленные силуэты. И это было только начало.

После того как первые выстрелы разметали толпу и посеяли панику, батальон открыл огонь по муляжу песчаного червя. После этого солдаты воспользовались лазерными резаками, чтобы расчленил гигантскую игрушку на дымящиеся металлические куски, открыв под своими остатками толстые стены и своды хранилища меланжи. В соответствии с приказом императора, передовые части должны были найти и изъять незаконные запасы пряности.

После этого можно было продолжить разрушение главных городов Зановара.

Гарон посадил свой орнитоптер прямо на кучу свежих трупов, и его солдаты высыпали из машины, стреляя во все, что двигалось. Безоружные посетители парка в страхе и растерянности бросились врассыпную.

В парке продолжали приземляться боевые машины, из которых выпрыгивали солдаты, устремлявшиеся к руинам гигантской статуи песчаного червя. Муляж был простым аттракционом, который возвышался над парком на добрую сотню метров, но под муляжом располагались длинные туннели, заполненные меланжеей.

Посреди ужасающей бойни только один человек, старый учитель, осмелился приблизиться к солдатам, шагая сквозь дым мимо мертвых тел. Лицо его было бледным, но суровым, как у классного руководителя, который хочет успокоить расшалившихся учеников. Зум Гарон узнал доцента Глакса Отна. Тот проходил у него на курсах первичную военную подготовку.

На плече Отна виднелось большое кровавое пятно, седые волосы на левой стороне головы слизнул огонь. Но старик, казалось, не испытывал боли – только ужасный гнев. *Такое кровопролитие лишь ради того, чтобы убить Тиросу!* Доцент, который произнес много взволнованных речей за свою долгую жизнь, возвысил голос.

– Это бессовестно!

Верховный башар, одетый в безупречно чистую и выглаженную форму, в ответ криво усмехнулся. За его спиной к небу поднимались клубы дыма. Горящие тела извивались в ужасных корчах, а за плечами Отна с треском и протяжным грохотом продолжали рушиться конструкции увеселительного парка.

– Учитель, вы лучше других должны знать разницу между теорией и практикой.

По знаку Гарона один из его сардаукаров поразил доцента, прежде чем тот успел сделать следующий шаг. Башар перевел бесстрастный взгляд на разрушенного червя, чтобы наблюдать за операцией изъятия пряности. Окутанный клубами едкого дыма, он достал из кармана личный журнал и продиктовал донесение императору о ходе бойни.

Пропитанные дымом и вонью разрушения, группы сардаукаров загружали боевые машины контрабандной пряностью. Похожие на раздутых шмелей, орнитоптеры поднимались в небо и направлялись к ожидавшим их транспортным воздушным судам. Император передаст конфискованную пряность ОСПЧТ и Космической Гильдии в качестве вознаграждения. Исполненный уверенности в своей правоте Шаддам объявит этот вандализм первым залпом «Великой меланжевой войны».

Верховный башар уже чувствовал, что наступают волнующие времена.

Ограниченный временем Гарон приказал своим солдатам грузиться в военно-транспортные корабли. После изъятия меланжи, остальное разрушение можно доверить с воздуха. Гарон будет наблюдать за ним со своего командного пункта, не пачкая рук в крови. Батальон поднялся в воздух, не обращая внимания на стоны раненых и крики детей.

Тяжелые корабли перешли на низкую околопланетную орбиту. Отсюда они закончат свою работу и окончательно сровняют город с землей, а потом нацелят оружие на лежавшее неподалеку имение.

В папоротниковом саду Реффы теплый ветерок лениво шевелил зеленеющие листья со звуком, похожим на шелест перьев. Чаренс, эконо имения, выключил каскад фонтанов и начал подниматься вверх по склону холма. Он уже поручил садовникам и гидротехникам закончить текущий ремонт системы фонтанов, пока хозяин находится в Талигари.

Очень щепетильный во всем, что касалось его обязанностей, Чаренс был особенно горд тем, что Тирос Реффа никогда не замечал, какую большую работу выполняет его эконо. Это самый большой комплимент, который жаждет получить любой администратор. Садовники и слуги работали так четко, что у хозяина никогда не было поводов для жалоб.

Доцент назначил Чаренса на службу Тиросу Реффе с того момента, когда таинственный мальчик прибыл на Зановар, и было это больше сорока лет назад. Верный слуга никогда не задавал лишних вопросов о родителях мальчика или об источниках его неимоверно больших доходов. Чаренс был сосредоточен на выполнении своих обязанностей, и у него не было времени на любопытство.

Когда последние капли воды вытекли из труб каскада фонтанов, он остановился у башенки, в которой находился колокол, отбивавший часы. Рабочие в комбинезонах несли ведра и шланги к насосной подстанции, умело замаскированной в грибном саду. Чаренс слышал, как они насвистывают и переговариваются между собой, в чистом воздухе голоса разносятся на большие расстояния.

Чаренс не заметил, что в небе появились боевые машины. Эконом должен следить за тем, что происходит в реальном мире, а не глазеть в небеса. Лучи лазерных пушек рассекали воздух, словно молнии рассерженного языческого бога. Звуковые волны ионизированного воздуха повалили на землю деревья. Парки и озера в отдалении мгновенно испарились, оставив после себя зеркальную стекловидную мертвую поверхность.

Глаза ослепила вспышка невиданной силы, и Чаренс взглянул на небо, и увидел мириады лучей, разрушающих имение Реффы. Эконом застыл на месте, не в силах даже бежать. Он встретил беду, как надвигающийся на него локомотив, изрыгающий горячий смертоносный пар.

Пламя захлестнуло имение, как гигантское цунами. Раскаленная белая вспышка поглотила квадраты полей и лесистые участки так стремительно, что даже дым не успел подняться от пожарища.

Когда ударная волна прошла, от великолепных садов и строений не осталось ничего. Даже обломков.

* * *

В сверкающем красотой городе Артизии, расположенном на ночной стороне главной планеты Дома Талигари, Тирос Реффа посетил представление прославленной оперы на подмостках. На спектакль Реффа ходил один, желая понять нюансы и сложности красочного и зрелищного представления.

Все вместе очень понравилось Тиросу, и он с нетерпением предвкушал момент, когда он вернется на Зановар и разделит свои впечатления с доцентом...

После двух поколений хаоса, когда человечество наконец преодолело коварное господство машин, возникла новая концепция: «Человека заменить нельзя».

Заповедь Джихада

Принц Ромбур наблюдал за происходившим в большом балльном зале с высокого балкона. Приготовления к празднеству шли полным ходом, не останавливаясь ни на минуту: слуги, декораторы, буфетчики сновали по Каладанскому замку. У Ромбура было такое ощущение, что он следит за приготовлениями армии к войне.

Хотя у принца осталось весьма немного собственных органов, он сейчас чувствовал волнение, от которого начал бурлить даже искусственный желудок. Принц старался остаться незамеченным, потому что если бы его увидели, то десятки людей немедленно осадили бы его со своими мелкими нескончаемыми вопросами, на которые тем не менее пришлось бы отвечать, а принцу было сейчас не до вопросов.

На Ромбуре был надет белый старомодный костюм, скроенный так, чтобы скрыть синтетическую кожу и сервомеханизмы, управлявшие движениями искусственных конечностей. Несмотря на многочисленные шрамы, Ромбур выглядел очень привлекательно.

Как и подобает мужчине в день его бракосочетания.

Мельтешившие по блистающему полу слуги чаще всего шли в одном направлении, к распорядительнице празднества, безупречно одетой женщине, приглашенной с какой-то отдаленной планеты. Узкое смуглое лицо придавало ей интригующий вид, словно в общество современных людей пришел представитель примитивного каладанского племени. Время от времени общий гомон покрывался ее сильным мелодичным голосом, когда она отдавала распоряжения на формальном галахском наречии.

Слуги вприпрыжку бросались выполнять ее команды, расставляя корзины с цветами, развешивая коралловые гирлянды, оформляя алтарь для совершения религиозного обряда, стирая невидимую пыль и расправляя едва заметные складки на драпировке. Наверху, в умело замаскированной будке из прозрачного плаза колдовали со своей аппаратурой специалисты по голопроекциям.

Громадные люстры из балутского хрусталя свисали с потолка, подвешенные на прихотливо переплетенных хрустальных же нитях, и отбрасывали золотистый свет на места приглашенных гостей. Рядом с местом Ромбура стояла колонна, обвитая вьющимся цветущим растением, источавшим сладкий головокружительный аромат, – редкой гибисковой фиалкой. Аромат цветов был, пожалуй, слишком силен, но на поясе принца была смонтирована сенсорная кнопка, с помощью которой он мог уменьшать чувствительность своих обонятельных рецепторов.

По настоятельной просьбе принца балльный зал Каладанского замка был превращен почти в точную копию балльного зала Гран-Пале. Это напомнило Ромбуру о тех временах, когда Дом Верниусов стоял во главе могущественной индустриальной цивилизации, отличавшейся передовыми технологиями. Настанет срок, и эти славные времена вернуться...

Стоя на балконе, принц прислушался к тихой работе насоса своих механических легких, к стуку автоматического сердца. Присмотрелся он и к искусственной коже на левой кисти, разглядел сложный дерматоглифический узор, взглянул на открытый безымянный палец, на который Тессия скоро наденет обручальное кольцо.

Многие солдаты женятся на своих любимых, уходя на войну. Ромбур тоже собирался в поход, отвоевывать Икс и восстанавливать на нем законную власть своего рода. Самым первым действием и должна была стать женитьба на Тессии.

Он согнул свои толстые искусственные пальцы, и они беспрекословно подчинились приказу мозга, хотя и несколько скованно. Совсем недавно Ромбур отметил стремительное улучшение своих тонких движений, и вдруг сегодня – регресс. Может быть, он излишне волнуется из-за грядущей церемонии? Принц надеялся, что не уронит себя в глазах гостей во время свадебного ритуала.

На возвышении позади алтаря оркестр последний раз репетировал марш из «Иксианского свадебного концерта», мелодию, под которую традиционно произносили свои брачные клятвы иксианские аристократы. И эта традиция будет продолжена, не важно, какие тучи еще сгустятся над головой Дома Верниусов. Бравурная торжественная музыка с выделяющимися трубами говорила о высоком духе и развитой индустрии. Ностальгия вселяла силу в сердце Ромбура.

Сестра принца Кайлея просто бредила этой церемонией, представляя, как будет выходить замуж. Если бы только она могла быть здесь, если бы она сделала иной выбор... Неужели она действительно была воплощением зла? Ромбур каждый день пытался найти ответ на этот вопрос, борясь с последствиями ее бессмысленного предательства. Несмотря на причиненную ему боль, Ромбур был готов простить сестру, но вопросы, мучительные вопросы, продолжали терзать его душу.

Сверху хлынул свет, зажужжали проекторы, и перед Ромбуром появилось почти живое голографическое изображение. У принца перехватило дыхание. Это было старое, анимированное изображение его сестры, когда она была еще подростком. Кайлея была умопомрачительно красива со своими волосами цвета темной меди. Изображение двигалось, и девушка казалась живой и настоящей. На губах Кайлеи играла щедрая улыбка.

Стоя внизу, в бальном зале, координатор свадьбы посмотрела вверх на изображение Кайлеи, повернула голову к микрофону, укрепленному на шее, и сказала несколько слов. Кайлея уперла руки в бока и заговорила:

– Что ты здесь делаешь? Ты не сможешь скрыться с собственной свадьбы. Иди в салон, и пусть тебя приведут в порядок. Посмотри, на что похожи твои волосы. Красивая голограмма направилась в зал, где для нее было приготовлено место, которое символически займет живое изображение давно погибшей сестры принца.

Ромбур коснулся искусственных волос, которые покрывали металлический череп, защищавший головной мозг. Расстроенный Ромбур помахал женщине-координатору механической рукой и поспешил в соседнюю комнату, где им занялись парикмахеры.

Вскоре зазвучали иксианские фанфары, и в дверном проеме появилась женщина-координатор.

– Прошу пожаловать в зал, принц Ромбур.

Ничем не выдав своей осведомленности об искусственных конечностях принца, она протянула ему руку и торжественным шагом повела к балдахину.

В течение всего предыдущего часа непрерывным потоком прибывали нарядно одетые гости, сразу занимавшие отведенные им места. Вдоль стен зала стояли одетые в форму солдаты личной гвардии Атрейдесов с пурпурно-медными знаменами Икса. Огорчало то, что на церемонии отсутствовали Туфир Гават и Гурни Халлек, которые еще не вернулись из своей опасной экспедиции на Икс.

У алтаря стоял Лето в официальном зеленом мундире с герцогской цепью на шее. Глаза его были суровы, на лице были еще видны следы пережитой трагедии, но Лето просиял, когда увидел Ромбура. Дункан Айдахо, как мастер оружия, тоже был здесь, гордо сжимая в руке шпагу старого герцога, готовый отсечь голову любому, кто осмелится помешать свадьбе.

Заработала голографическая аппаратура и рядом с Ромбуром, вступившим в зал, появилось живое изображение его отца. Координатор что-то произнесла в микрофон, и губы Доминика Верниуса расплылись в широкой улыбке под густыми усами. В ярком свете победно сияла его лысина.

Ошеломленный этим видением Ромбур пошатнулся и зашептал, словно идущее рядом изображение могло его слышать:

– Я очень долго ждал, отец. Слишком долго, и мне стыдно за это. Моя жизнь была очень комфортна до катастрофы, сделавшей меня таким, каким я стал сейчас. И теперь я стал думать по-другому. По иронии судьбы после катастрофы я стал сильнее и решительнее, во многих отношениях я стал лучше, чем был. Я отвоюю нашу планету во имя тебя, во имя страдающего народа и во имя себя или умру, сражаясь.

Но голографическое изображение Доминика продолжало безмятежно улыбаться, словно во всей вселенной не было сейчас ничего более важного, чем бракосочетание его сына.

Глубоко вздохнув своими механическими легкими, Ромбур выступил вперед и встал на предназначенное для него место. Он был благодарен Тессии за воодушевляющую поддержку, за ее требовательность, за ее желание, чтобы он был сильным. Но он больше не нуждается в ее внушениях. Он поправился физически и, ежедневно вспоминая о трагедии, которая едва не лишила его жизни, становился все более решительным и упорным. Тлейлаксам не пройдет даром то, что они сделали с его семьей и с его народом.

Взглянув на Лето, стоявшего у алтаря, Ромбур понял, что у него самого слишком серьезный для свадьбы вид. Он тоже широко улыбнулся, правда, не так беззаботно, как голографическое изображение Доминика, шедшее рядом с ним. Улыбка Ромбура выражала счастье, смешанное с сознанием своего места в истории. Этот день бракосочетания, этот союз с неподражаемой женщиной Ордена Бене Гессерит, станет вехой жизни. Настанет день, когда он и Тессия займут Гран-Пале, вступив в него как граф и его леди.

Многие гости были одеты по-иксиански, чтобы походить на голопроекции знаменитостей, присутствовавших в зале. Живые напоминания, радостные и печальные одновременно. Бывший посол в Кайтэйне Каммар Пилру присутствовал во плоти, а его умершая жена С’тина – в виде голограммы. Их сыновья-близнецы Д’мурр и К’тэр выглядели такими, какими они были, живя на Иксе.

Ромбуру вспомнились запахи, звуки, выражения лиц, голоса. Во время репетиции свадьбы он коснулся руки отца, но не почувствовал ничего, кроме слабых разрядов электрического поля. *Если бы все это было реальностью...*

За спиной послышался шелест, гости затаили дыхание от восторга. Обернувшись, Ромбур увидел Тессию, плавной походкой шедшую к нему из-под свода боковой ниши. Невеста была одета, как подобает Сестре Бене Гессерит высокого ранга. Излучая счастье и улыбаясь, она была похожа на ангела в своем длинном шелковом, украшенном перламутром, платье, со склоненной головой и лицом, прикрытым белой кружевной вуалью. Обычно она была незаметна со своими глазами цвета сепии и неброскими каштановыми волосами, но сегодня Тессия открыла всем свой внутренний, необычайно красивый мир, и гости, казалось, должны видеть в ней то, что познал Ромбур и за что он так любил эту необычную женщину.

Рядом с невестой шествовала леди Шандо. Ромбур не видел мать с того момента, когда им пришлось расстаться во время дикого и кровавого нападения тлейлаксов, захвативших Икс. Она всегда много ждала от сына.

Все четверо сошлись в центре широкого прохода, голопроекции Доминика и Шандо по сторонам, и Ромбур с Тессией между ними. Сзади шел священник с переплетенной в толстую кожу Оранжевой Католической Библией. По толпе гостей прокатился шумок. Гвардейцы застыли по стойке «смирно», высоко подняв пурпурно-медные знамена. Дункан Айдахо улыбнулся, но погасил улыбку.

Запели трубы и грянул «Иксианский свадебный концерт». Невеста, жених и сопровождающие двинулись по устланному пурпурным ковром проходу. Ромбур выступал безупречным механическим шагом, выпятив грудь, как подобает гордому аристократу.

Зал не мог вместить всех желающих посмотреть брачную церемонию, поэтому сцену транслировали по всей планете, не упуская ни одного момента. Народ Каладана всегда любил зрелища.

Ромбур сосредоточенно переставлял ноги, идя по ковру, ведомый своей прекрасной Тессией.

В первом ряду сидела Джессика, время от времени поглядывая на Лето, стоявшего у алтаря. Сосредоточившись и прищурив глаза, она старалась понять, что он сейчас чувствует. Обладая умением Сестры Бене Гессерит наблюдать и делать выводы, она тем не менее часто не могла проникнуть в его мысли. Где и у кого он научился их скрывать? Несомненно, у отца. Хотя старый герцог лежал в могиле уже двадцать лет, его влияние на Лето по-прежнему было очень сильным.

Дойдя до алтаря, Ромбур и Тессия разошлись в стороны, дав священнику пройти между ними, а потом снова сошлись за его спиной, оставив голопроекции Доминика и Шандо возле Лето, исполнявшего роль шафера. Свадебная музыка смолкла. В бальном зале наступила тишина, все приготовились слушать ритуал.

С золотого стола священник взад два украшенных драгоценными камнями подсвечника и поднял их над головой. После этого священник нажал невидимый сенсор, и из подсвечников показались пары свечей, вспыхнувших разными цветами – одна пурпурным, другая – медным. Произнося ритуальные фразы, священник вручил одну свечу Ромбуру, а другую Тессии.

– Мы собрались здесь, чтобы освятить и отпраздновать союз принца Ромбура Иксианского и Сестры Ордена Бене Гессерит Тессии Яско.

Раскрыв Оранжевую Католическую Библию, лежавшую на столе, священник прочел оттуда несколько стихов, некоторые из которых были предложены Гурни Халлеком.

Повернувшись лицом друг к другу, Ромбур и Тессия вытянули вперед руки, и свечи соединились, их пламя слилось в один пурпурно-медный огонь. Принц откинул с лица невесты вуаль и открыл ее оживленное, умное лицо, исполненное сострадания и любви. Ее каштановые волосы сияли ярким светом, а широко посаженные глаза искрились счастьем. Увидев лицо невесты, Ромбур испытал почти физическую боль от любви к ней. Он не мог поверить, что эта женщина осталась с ним после всего, что с ним произошло. Ему показалось, что глаза жжет от подступивших слез, хотя на самом деле теперь Ромбур был лишен возможности плакать.

Вперед выступил Лето, держа перед собой хрустальный поднос с обручальными кольцами. Не отрывая друг от друга влюбленных взглядов, принц и его невеста обменялись кольцами.

– Это был долгий и тяжкий путь, – произнес Ромбур своим новым синтетическим голосом, – как для нас, так и для моего народа.

– Я всегда буду рядом с вами, мой принц.

Зазвучал триумфальный марш финала «Иксианского свадебного концерта», и супружеская пара рука об руку двинулась назад по проходу.

Придвинувшись к Ромбуру, она, улыбаясь, спросила:

– Это ведь было совсем не трудно, правда?

– Мое искусственное тело способно выдержать самые жестокие пытки.

Горловой смех Тессии вызвал оживление в зале, хотя никто не знал, что она прошептала в ответ своему мужу.

Иксианская супружеская чета и гости праздновали и танцевали до позднего вечера. В такой день Ромбур не мог не верить в новые возможности.

Однако от Гурни Халлека и Туфира Гавата по-прежнему не было никаких вестей.

* * *

На следующее утро после свадьбы Джессика получила послание в цилиндре, запечатанном красно-золотой императорской печатью Дома Коррино.

Любопытный Лето встал рядом, потирая покрасневшие от бессонной ночи глаза. Джессика не стала считать, сколько бокалов красного каладанского вина выпил герцог на праздничном ужине.

– Не так часто моя наложница получает письма из императорского дворца.

Джессика ногтем сорвала печать и извлекла из цилиндра свернутое послание. Оно было написано на пергаменте, которым пользовались в Доме Коррино, но составлено было шифром Бене Гессерит. Джессика постаралась скрыть удивление, переводя сообщение и передавая его содержание Лето.

– Мой герцог, это формальный вызов. Леди Анирул Коррино приглашает меня в императорский дворец Кайтэйна. Она пишет, что ей нужна новая камеристка и...

У нее перехватило дыхание, когда она прочла следующие строки.

– Моя старая учительница Мохиям назначена новой Вещающей Истину императора Шаддама. Она рекомендовала меня леди Анирул, и та приняла предложение Мохиям.

– Они даже не посчитали нужным спросить моего мнения. – Герцог начал закипать гневом. – Это очень странно и похоже на простой каприз.

– Я обязана подчиняться распоряжениям Общины Сестер, мой герцог. Ты всегда это знал.

Лето поморщился, с удивлением вспомнив, как он спорил с одетой в черную накидку женщиной, которая навязывала ему юную Джессику.

– И все равно мне это не нравится.

– Супруга императора предлагает, чтобы я планировала остаться на Кайтэйне весь срок моей беременности.

На овальном лице Джессики отразились удивление и недоумение.

Лето взял послание и взглянул на него, но не смог прочесть незнакомые символы.

– Ничего не понимаю. Ты вообще когда-нибудь видела эту Анирул? Почему и по какому праву она хочет, чтобы ты родила нашего ребенка на Кайтэйне? Шаддам хочет взять в заложники дитя Атрейдеса?

Джессика перечитала послание, словно хотела прочесть ответ между строк.

– Я и сама ничего не понимаю, мой герцог, и это истинная правда.

Лето был недоволен вызовом, и, кроме того, его раздражала ситуация, которую он не понимал и которой не мог управлять.

– Они что думают, что я могу бросить свои дела, забыть о долге и переехать с тобой на Кайтэйн? Я действительно очень занят.

– Я... полагаю, что приглашение касается меня одной, мой герцог.

Пораженный Лето взглянул на наложницу. Серые глаза его вспыхнули.

– Но ты не можешь просто так взять и оставить меня. И что будет с ребенком?

– Я не могу отклонить приглашение, мой герцог. Леди Анирул не только супруга императора, она, кроме того, могущественный член Ордена Бене Гессерит. Она – Сестра тайного ранга.

– Ваш Бене Гессерит всегда отыщет важную причину.

В прошлом Сестры выручили Лето из практически безвыходного положения, но он до сих пор не понимал, зачем они это сделали. Он еще раз посмотрел на лист пергамента, испещренный непонятными значками, который Джессика продолжала держать в изящной руке.

– Интересно, это приглашение Бене Гессерит или очередная интрига Шаддама? Не имеет ли этот вызов что-либо общего с событиями в Биккале?

Джессика взяла Лето за руку.

– Я не могу ответить на эти вопросы, мой герцог. Я знаю только, что буду ужасно тосковать без тебя.

Герцог ощутил ком в горле. Не в силах говорить, он притянул к себе Джессику и крепко прижал к груди.

Тот факт, что любое семейство империи может применить атомное оружие и уничтожить при этом планетарную основу пятидесяти, или более того, Великих Домов, не должен вызывать слишком большую озабоченность. Такую ситуацию мы можем легко контролировать. Если, конечно, будем достаточно сильны.
Император Фондиль III

Учитывая важность заявления, которое ему предстояло сегодня сделать, Шаддам приказал перенести Трон Золотого Льва в парадный аудиенц-зал императорского дворца. Одетый в карминтовую мантию, император сидел на массивном троне из резного горного хрусталя. Сегодня у Шаддама был действительно царский вид. Он и чувствовал себя настоящим повелителем, предвкушая реакцию Ландсраада.

После этого непокорные Дома поймут, как опасно игнорировать мою волю.

За закрытыми дверями, ведущими в зал, был слышен ропот и гул голосов, сгорающих от нетерпения представителей Великих и Малых Домов, вызванных на Кайтэйн по случаю императорского заявления. Шаддам и сам не мог дождаться того момента, когда посмотрит в их лица и увидит, как они отреагируют на то, что он сделал с Зановаром.

Напомаженные рыжие волосы Шаддама блестели в ярком свете ламп. Он сделал большой глоток меланжевого кофе, налитого в изящную фарфоровую чашку, и принялся изучать врученную нанесенный на ее стенки узор. Эта чашка будет разбита, как был разбит Зановар. Император придал своему напудренному лицу жестокое и одновременно сурово-отеческое выражение. Сегодня он не станет улыбаться, какое бы удовольствие ни доставило ему предстоящее действие.

В аудиенц-зал, воспользовавшись одним из потайных входов, вошла, высоко подняв голову, леди Анирул. Не обращая внимания на подавляющий декор зала, она направилась прямо к императорскому трону. Шаддам мысленно выругал себя за беспечность. Надо было приказать запереть все доступы в зал. Надо было обязательно обсудить этот вопрос с канцлером Ридондо.

– Мой супруг и император, – обратилась Анирул к Шаддаму от подножия постамента и взглянула вверх, на легендарный трон. – Прежде чем ты приступишь к исполнению своего долга, я хочу обсудить с тобой одно дело.

Темно-бронзовые волосы Анирул были тщательно уложены и скреплены золотой застежкой.

– Знаешь ли ты об особом значении текущего года?

Шаддам был в недоумении. Какие еще интриги плетет за его спиной Орден Бене Гессерит?

– Что за особое значение? Сейчас идет 10175 год. Если ты не умеешь читать имперский календарь, то один из моих придворных может взять на себя труд каждый день информировать тебя о датах. А теперь займись своими делами. Мне предстоит сделать важное заявление.

Анирул не смутил резкий ответ.

– В этом году исполняется сто лет со дня смерти любимой второй жены твоего отца, Иветты Хагаль-Коррино.

Брови императора взлетели вверх. Он не мог понять, зачем его жене понадобилось вспоминать об этом именно сегодня. *Будь она проклята! Какое все это имеет отношение к моему потрясающему успеху на Зановаре?*

– Если это так, то у нас впереди целый год, чтобы устроить празднество по этому поводу. Сегодня же мне надо сделать заявление для Ландсраада.

Но и это не смутило надоедливую женщину.

– Что ты знаешь об Иветте?

Почему женщины вечно лезут со своими мелочами в самые неподходящие моменты?

– Сегодня у меня нет времени на изыскания в области семейной истории.

Не в силах выдержать ее строгий, как у серны, взгляд, Шаддам задумался, машинально посмотрев на настенные иксианские часы. Представители все равно не ждут, что он примет их вовремя.

– Иветта умерла задолго до моего рождения. Поскольку она не была моей матерью, я не особенно интересовался ее биографией. В библиотеке есть фильм, так что, если у тебя есть желание и ты хочешь узнать...

– За время своего долгого правления твой отец был женат четыре раза, но только Иветте было позволено сидеть рядом с ним на ее собственном троне. Говорят, что она была единственной благородной дамой, которую он по-настоящему любил.

Любил? Какое отношение имеет любовь к браку императора?

– Очевидно, мой отец испытывал сильную сердечную склонность к одной из своих наложниц, но понял это только тогда, когда она решила выйти замуж за Доминика Верниуса. – Он недовольно поморщился. – Ты пытаешься делать сравнения? Ты хочешь, чтобы я дал доказательства своей любви к тебе? Что за вопросы ты мне задаешь?

– Это вопрос супруги. И одновременно вопрос супруга. – Анирул продолжала стоять у подножия трона и неотрывно смотрела на Шаддама. – Я хочу, чтобы здесь, рядом с твоим тронном, стоял мой и чтобы я сидела на нем одновременно с тобой. Именно так поступил твой отец в отношении своей любимой жены.

Император выпил половину чашки кофе, чтобы прийти в себя. Поставить здесь еще один трон? Да, он приставил специальных сардаукаров, приказав им следить за женой, но они не смогли обнаружить в ее поведении ничего предосудительного. И не смогут. Не так-то легко проникнуть в тайны Сестер Бене Гессерит.

Мысленно Шаддам взвесил все «за» и «против». В конце концов сидящая рядом с ним на троне женщина из Ордена Бене Гессерит может создать для него большие преимущества, особенно сейчас, когда он выступил против незаконного хранения запасов пряности.

– Я подумаю об этом.

Обернувшись к сводчатому потайному входу, Анирул щелкнула пальцами, и оттуда четверо сильных молодых пажей, сопровождаемые двумя сестрами, внесли трон в аудиенц-зал. Трон был, очевидно, очень тяжелым, но уступал в размерах Трону Золотого Льва, хотя и был сделан из того же прозрачного сине-зеленого хагальского кварца.

– Ты хочешь сделать это прямо сейчас? – Император вскочил на ноги и пролил кофе на свою карминовую мантию. – Анирул! Но я буквально с минуты на минуту должен буду заниматься очень важными делами.

– Да! Я хочу сегодня же получить желаемое. Поставить трон на место займет не больше минуты.

Она позвала еще двух пажей на помощь первым четверем.

Растерянный и подавленный Шаддам некоторое время тупо смотрел на темное пятно, выпитывающееся в мантию, а потом швырнул за спинку трона чашку, которая разбилась на мелкие осколки, разлетевшиеся по выложенному светлыми и темными плитами полу. Наверное, сейчас действительно самый лучший момент, особенно если учесть, что его заявление вызовет недовольство. Правда, Шаддаму было противно дать Анирул выиграть...

Тяжело дыша от натуги, пажи внесли трон и с тяжелым стуком поставили его на пол, а потом, немного передохнув, потащили вверх по ступеням постамента.

– Не ставьте его на верхнюю площадку, – приказал император тоном, не допускавшим возражений. – Трон моей жены должен стоять на один уровень ниже, по левую руку.

Анирул не получит всего, что хочет, не важно, как сильно желает она манипулировать своим супругом.

Анирул едва заметно улыбнулась императору, что заставило его почувствовать себя в какой-то степени униженным.

– Естественно, мой супруг. – Она отступила на несколько шагов, чтобы посмотреть, как поставлен трон, и удовлетворенно кивнула. – Иветта была из рода Хагаля, ее трон был сделан в стиле императорского, на котором восседал Эльруд.

– Семейной историей мы займемся позже. – Шаддам крикнул лакею, чтобы ему принесли новую мантию. Еще один слуга тихо убрал с пола осколки разбитой чашки.

Подобрав юбки, Анирул поднялась по ступеням и уселась на трон, как курица на насест.

– Думаю, что теперь мы можем принять вызванных представителей.

Она снова улыбнулась, но Шаддам сумел сохранить на лице суровое выражение, надевая новую, принесенную ему мантию, на этот раз синюю.

Шаддам кивнул Ридондо:

– Пусть входят.

Канцлер приказал открыть украшенные фризом золотые двери, висевшие на таких массивных петлях, что их можно было бы использовать для крепления люков лайнеров Гильдии. Шаддам изо всех сил старался не замечать сидевшую слева от него Анирул.

Люди в плащах, мантиях и строгих костюмах хлынули в аудиенц-зал. Эти приглашенные лица представляли большинство самых могущественных семейств империи, так же как и некоторые Малые Дома, о которых было известно, что они прячут в подземельях гигантские запасы незаконно приобретенной пряности. Занимая свои места у обитого пурпурным бархатом барьера, многие с удивлением смотрели на сидевшую рядом с императором супругу.

– Смотри и учись, – сказал Шаддам, не повернув головы.

Он поднял вверх унизанную перстнями руку, и в тот же миг потемнели стекла в расположенных по периметру потолка окнах. Свет ламп стал тусклым, и перед массивным тронном в воздухе возникло голографическое изображение. Даже Анирул еще не видела этих кадров.

– Это все, что осталось от городов Зановара, – произнес Шаддам зловещим тоном.

В зале возникла картина выжженной земли, снятой с воздуха автоматическими камерами с сардаукских станций слежения, которые курсировали над местами, по которым был нанесен удар. Охваченные ужасом люди, затаив дыхание, смотрели на расплавленные строения, кучки пепла, которые когда-то были деревьями, машинами или людьми, кратеры, некогда бывшие озерами. От руин поднимался горячий пар, кое-где из-под раскаленных углей вырывались языки пламени. Изуродованные скелеты домов поднимались к небу, как сломанные длинные ногти, указывающие на небо, натянутое взметенным в воздух пеплом.

Шаддам специально попросил Зума Гарона снять местность, где раньше находилось имение Тироса Реффы. Видя эти разрушения, Шаддам не испытывал ни малейших сомнений: его потенциальный соперник, тайный сын старого Эльруда, наверняка не мог уцелеть в этом аду.

– Действуя в согласии со старым имперским законом, мы конфисковали большой запас нелегально приобретенной пряности. Дом Талигари виновен в преступлении против империи, поэтому его ленное держание на Зановаре должно было заплатить полную виру.

Шаддам замолчал, давая аудитории возможность усвоить сказанное. Он буквально чувствовал страх и ужас, охватившие аристократов и послов.

Давний имперский эдикт относительно незаконного хранения пряности был издан несколько тысяч лет назад и сначала был предназначен только для ленных держателей Арракиса. Эдикт был призван пресекать попытки аристократов незаконно добывать пряность и уклоняться от уплаты налогов. Позже основания для применения эдикта были расширены, так как некоторые аристократы сколотили сказочные состояния, манипулируя запасами пряности, ведя войны или используя пряность для политических или экономических санкций против других Домов. После столетий непрерывных распрей и междоусобиц все Великие и Малые Дома были принуждены к сотрудничеству с ОСПЧТ или Космической Гильдией. Был разработан специальный имперский кодекс, в котором было оговорено, сколько пряности может быть во владении организаций и частных лиц.

Демонстрация ужасных сцен продолжалась, когда у подножия Трона Золотого Льва зажглись яркие лампы, и в их свете вперед выступил императорский глашатай. Шаддаму не пришлось самому произносить свою речь.

– Да будет известно всем, что падишах император Шаддам Коррино Четвертый не намерен долее терпеть незаконные операции с пряностью в полном соответствии с кодексами имперских законов. Каждый Дом, Великий или Малый, будет подвергнут аудиторской проверке чиновниками ОСПЧТ в сотрудничестве с Космической Гильдией. Все незаконные хранилища, которые не будут добровольно сданы властям, станут изыматься силой, а виновные понесут суровое наказание. Свидетельство тому – судьба Зановара. Пусть это будет предупреждением и предостережением для других.

Сидя в полутени, Шаддам все время сохранял на лице непроницаемое каменное выражение. Зато он прекрасно видел, какой ужас, какой панический страх отразились на лицах присутствующих. Через несколько часов они сообщат эту новость на родных планетах, опасаясь, что такая же кара обрушится и на их головы.

Пусть трепещут.

Калейдоскоп голографических ужасов продолжался, и Анирул принялась внимательно рассматривать своего мужа. Теперь она получила для этого прекрасную возможность: не надо было прятаться в тени и скрываться. В последние дни император был в непонятном напряжении, занятый удручающими его мыслями. Это не были мысли об обычных интригах или придворной политике. Шаддам резко изменился, и произошло это совсем недавно.

В течение многих лет, вооружившись терпением Сестры Бене Гессерит, Анирул по крупицам собирала нужную ей информацию. Очень давно она услышала о проекте «Амаль», но не поняла, что это означает. Это был просто фрагмент разговора ее мужа с графом Фенрингом. При ее появлении они смолкли, но загадочное выражение их лиц многое сказало Анирул. С тех пор она усилила внимание и стала прислушиваться к мелочам.

Наконец в зале зажглись все светильники, растворившие зрелище ужасов Зановара. Под занавес, для должного контраста, были продемонстрированы кадры цветущих ландшафтов – такой была эта планета до опустошения. Шаддам никогда не отличался тактом или сдержанностью.

Прежде чем представители смогли возмутиться, в зал вошли вооруженные до зубов сардаукары и встали по его периметру. Это было силовое подтверждение серьезности императорского ультиматума.

Шаддам бесстрастно смотрел на собравшихся, пытаясь определить по выражению лиц виновных и невиновных в нарушении древнего эдикта. Устав, он решил, что потом посмотрит

вместе с советниками заснятые во время аудиенции кадры. Вот тогда будет время оценить реакцию каждого из вызванных.

С этого момента Ландсраад будет бояться императора. Нет сомнения, что это приведет в расстройство все планы Анирул, в чем бы они ни заключались. Впрочем, планы жены сейчас не очень занимали императора. Они уже не имели никакого значения.

Даже без поддержки Бене Гессерит Шаддам скоро получит амаль. Тогда ему вообще не будет нужен никто.

Кровь гуще, чем вода, но политика еще гуще, чем кровь.
Эльруд IX.
«Мемуары об имперском правлении»

Сказочная Артизия, столица Дома Талигари, стала средоточием муки, гнева и недоумения. Любимый всеми доцент Глакс Отн, который всегда выступал от лица Талигари, разъясняя государственную политику, был убит во время вопиющего нападения на ленное владение Зановар. Тирос Реффа знал все – он видел эти ужасные кадры.

Дом Талигари пребывал в шоке. Правительственные чиновники спорили друг с другом, пытаясь сформулировать достойный ответ на неслыханное насилие. Пять крупнейших городов Зановара были стерты с лица земли, уничтожены были и их пригороды, включая несколько имений. Открытый Колизей, где заседал сенат, превратился в арену плача, неистовых криков и призывов к мщению.

Ничем не выделяющийся из общей массы, Реффа сидел на галерке сената, одетый в скромный костюм, который он носил в течение трех дней – с тех пор, как до него дошла страшная весть. Его старый учитель оказался прав в своих опасениях и подозрениях, хотя Реффа и не принимал их всерьез. Ему больше нечего искать на Зановаре. На главной планете Талигари у него были счета и некоторые вложения, но имение, сады и люди превратились в пар, как и сам старый доцент...

Встревоженные эмиссары прибывали в сенат со всех восьми уцелевших планет Талигари. Вокруг царила атмосфера почти полной паники, неуправляемые толпы граждан, чувствуя свою беспомощность после ужасной бойни, громко выражали свое отчаяние.

Все глаза устремились на председателя сената, который как раз в этот момент направился к подиуму для выступления в сопровождении двух суровых представителей других основных планет Талигари.

Зная о тайне своего происхождения, Тирос Реффа старательно избегал участия в политике. Однако он понимал, что сегодняшнее заседание сената кончится ничем. Политики будут принимать и отклонять решения. В конце концов будет подана формальная жалоба, которая не приведет к положительным последствиям. Шаддам Коррино просто отмахнется от нее, как от надоедливой мухи.

Высокий осанистый человек с властной статью, председатель сената, отличался круглым лунообразным лицом и выразительной артикуляцией.

– Зановар погиб, – начал он сухим, надтреснутым голосом. Его тенор, усиленный динамиками, разносился по окрестностям. Свои слова председатель сената подкреплял энергичными жестами. – Каждый из присутствующих здесь потерял там своих друзей или членов семьи, погибших во время отвратительного, предательского нападения.

У народа Талигари существовал древний обычай, согласно которому люди могли во время собраний в сенате задавать вопросы сенаторам и требовать немедленного ответа. Люди, перебивая друг друга, выкрикивали требования и вопросы.

Последует ли военный ответ? Можно ли надеяться на успех в сражении с сардаукарами, которые способны в мгновение ока разрушать целые миры? Угрожает ли опасность другим планетам Дома Талигари?

– Но почему это могло произойти? – вопрошал высокий председатель. – Как это могло случиться? Как мог наш император решиться на такое злодейство?

Реффа стоял оцепеневший и безмолвный. *Все произошло из-за меня. Они пришли, потому что существуют я. Император хотел убить меня, но прикрыл это чудовищным злодеянием.*

Сенатор поднял в воздух кубик с почтовым посланием.

– Император Шаддам Четвертый обвиняет нас в преступлении против империи и возлагает на нас ответственность – на самом же деле виру, и этой вирой стал Зановар. Он действовал как судья, присяжный и палач в одном лице. Он утверждает, что мы сами навлекли на себя наказание, потому что незаконно хранили пряность.

Послышались крики гнева и недоверия. Все Дома Ландсраада имеют запасы пряности, так же как почти все семейства империи располагают запрещенным атомным оружием. Но ведь запрещение касается только использования.

Вперед выступил другой сенатор:

– Мне кажется, Шаддам использовал нас для устрашения империи.

– Но почему для этого должны были погибнуть мои дети? – закричала какая-то высокая женщина. – Они не имеют никакого отношения к запасам пряности.

Твои дети погибли, потому что Шаддаму не нравится сам факт моего рождения, подумал Реффа. Я встал на его пути, и он не придумал ничего лучше, чем истребить миллионы людей, чтобы убить одного меня. Но и здесь он промахнулся.

Голос председателя сената дрогнул от избытка эмоций, потом от гнева снова обрел силу:

– Много столетий назад предок нынешнего императора Хайек Коррино Второго передал в ленное владение Дому Талигари девять планет. У нас есть записи, из которых следует, что император Эльруд Девятый когда-то посетил наш парк увеселений и даже пошутил, что возле муляжа червя сильно пахнет меланжей. Это не было тайной ни для кого!

Вопросы продолжали сыпаться со всех сторон, а сенаторы делали героические усилия ответить на них. Почему после стольких лет молчания это все же случилось? Почему нас не предупредили? Что делать с вопиющей несправедливостью?

На верхнем ярусе молчавший все это время Реффа продолжал слушать. Он приехал в Артизию с одной-единственной целью – посмотреть выступление труппы оперы на подмостках, покинув Зановар благодаря предвидению старого доцента. Теперь, слыша грошовой оправдания императора, Тирос не верил ни одному их слову.

Его досточтимый учитель не раз говорил:

– Если обоснования государственных мужей не согласуются с твоей совестью или с логикой, то ищи в их действиях более глубокие мотивы.

Реффа видел съемки, сделанные с воздуха камерами, установленными на беспилотных зондах. Видел выжженную землю, уничтоженные ландшафты и свое сгоревшее дотла имение. Успел ли верный Чаренс увидеть пламя, охватившее дом и сад? Желудок горел так, словно Тирос проглотил раскаленный уголь.

Никто не замечал его. Реффа был сейчас одним из всех, таким же, как все. Человеком толпы. Но он запомнил, что от его дома остался лишь обугленный шрам на поверхности земли. *Шаддам, вероятно, думает, что и здесь он добился успеха. Он думает, что я мертв.*

На красивом с точеными чертами лице Реффы появилось выражение ярости. Он пошевелился только один раз – чтобы смахнуть с щеки слезу. Не дождавшись окончания открытого заседания сената, он вышел в боковую дверь и, спустившись по мраморной лестнице, растворился в анонимности большого города.

У него осталась некоторая часть состояния, не очень маленькие деньги. У него есть свобода передвижения, которая дается лишь тому, кого вся империя считает мертвым. Ему теперь нечего терять.

Я – скорпион, притаившийся под камнем. Мой сводный брат потревожил меня, так пусть бережется, я постараюсь ужалить его.

Либо по замыслу, либо по какой-то случайной прихоти эволюции тлейлаксы не проявляют никаких замечательных качеств, достойных восхищения. Их внешность отталкивающе безобразна. Как правило, они лживы, и, вероятно, это есть часть их генетического импринтинга. Они издают неприятный запах, похожий на запах гниющих остатков пищи. Поскольку я часто имел с ними прямые контакты, то мои суждения могут оказаться необъективными. Но один факт не вызывает ни малейших сомнений: они чрезвычайно опасны.

Туфир Гават,

начальник службы безопасности Дома Атрейдесов

Сидя внутри белой транспортной капсулы, приближавшейся к исследовательскому павильону, Хайдар Фен Аджидика сунул в рот и разжевал еще одну пилюлю. Вкус ужасный, но принимать лекарство необходимо, оно сглаживает его врожденный страх пребывания под землей. Он сглотнул слюну, чтобы избавиться от неприятного привкуса, и затосковал по славному солнцу Талим, которое согревало священный город Бандалонг.

Но после бегства отсюда он не вернется в родные края, нет, Аджидика станет основателем новых миров, населенных убежденными последователями новой веры, которая зиждется на данных ему откровениях. Его раса отклонилась в сторону от священного пути, и именно ему суждено вернуть ее на путь истины. *Я – истинный посланник Бога.*

Продолжая движение, капсула подъехала к стене с окнами из армированного плаза. Сквозь прозрачные стекла были видны приспособления, установленные сардаукарами для слежения за безопасностью лабораторного комплекса. Электронные глаза прощупали Аджидику, узнали его и отвернулись в сторону. Путь был свободен.

Капсула остановилась. Добравшись до работы без всяких происшествий, Аджидика вошел в скрипучий лифт и направился на нижний уровень. После десятилетий вынужденных чисток стало исключительно трудно найти грамотного техника для обслуживания лифтов. Но мастер-исследователь всегда предпочитал простые системы, в них мало деталей, которые могут испортиться.

Он услышал, как за его спиной с мягким стуком закрылись двери лифта. В стенку шахты лифта был вделан светлокожий человек, лицо его было расплющено, тело изуродовано и кое-как собрано заново в виде какой-то шаржированной механической игрушки. Эти биооксиданцы были собственным изобретением Аджидики, творческим изыском гения, позволившим утилизировать трупы, образовавшиеся после пыток, казней и допросов. Ах, эта эффективность!

Ужасные марионетки служили для предостережения. Уцелевшее население надо было страхом удерживать от бунта. Чудовищные организмы выполняли также вполне обыденные задачи: чистили, убирали токсические отходы и химикаты. К сожалению, гибридные химеры не могли работать надежно, но Аджидика постоянно вносил в конструкции необходимые усовершенствования.

Адждика прошел сквозь биосканер, который идентифицировал его по структуре клеток, и вошел в помещение, громадное, как космический ангар. Здесь хранились новые аксолотлевые чаны.

Одетые в белые халаты лаборанты и ассистенты работали за уставленными оборудованием столами. Люди нервно взглянули на Адждику и удвоили старание. В воздухе пахло обработанным моющими средствами металлом и дезинфекцией, но все запахи перекрывал тяжелый коричневый аромат меланжи.

Амаль.

В контейнерах, размерами и формой напоминавших гробы, лежали тела фертильных женщин с отключенной высшей нервной деятельностью и уничтоженными высшими мозговыми функциями. Рефлексы и органы чувств также были разрушены. Аксолотлевые чаны. В них не оставалось ничего, кроме вздутых маток. Эти женщины были превращены в биологические фабрики, более эффективные, чем любые предприятия, созданные умом и руками человека.

Даже на своей родной планете, на Бене Тлейлаксе, они выращивали гхола и лицеделов в таких «чанах». Никто никогда не видел женщин тлейлаксов, не видел просто потому, что таковых просто не существовало. Любую зрелую женщину превращали в чан и использовали для воспроизведения избранной расы.

В течение многих лет тлейлаксы спокойно выбирали для этого женщин среди покоренных иксианцев. Многие из них умирали, и Адждика мог по своему усмотрению модифицировать их биохимические процессы, чтобы заставить реанимированные организмы производить меланжу. Используя едва уловимый язык генетического кода и направленные точечные мутации, эти чаны производили амаль, а теперь и адждамаль – секрет секретов мастера-исследователя.

Он сморщил нос от запаха тел, от отвратительного женского запаха. Трубки и провода связывали каждый мясистый, распухший «контейнер» со сложным диагностическим оборудованием. Адждика не считал аксолотлевые чаны людьми; даже в самом начале своей карьеры он рассматривал их как женщин.

В середине помещения двое сотрудников отошли в сторону, чтобы дать Адждике подойти к особому чану, искусственно гипертрофированному чреву пленной шпионки, Сестры Бене Гессерит Мираль Алехем. Когда ее взяли, она оказала сопротивление и отказалась, даже под жесточайшими пытками, дать какие-либо показания. Но мастер-исследователь знал, как извлечь информацию из женщины, прежде чем использовать ее в своих целях. К его восторгу, Мираль Алехем в качестве аксолотлевого чана превзошла все иксианские экземпляры.

После столь долгого срока использования кожа ведьмы приобрела оранжевый оттенок. Приемник, присоединенный к ее шее, постепенно наполнялся прозрачной жидкостью. Сейчас ее накопилось уже больше литра. Это и был вновь синтезированный продукт. Когда полученный в других чанах амаль прокачивали через кровеносную систему Мираль Алехем, получался продукт с иными свойствами – адждамаль.

– Мираль Алехем, перед нами стоит таинственная задача. Как сделать, чтобы другие чаны тоже продуцировали адждамаль?

Глаза, лишенные всяких эмоций, на мгновение вспыхнули, в них, как показалось Адждике, мелькнуло выражение ужаса и необузданной ярости. Но голосовые связки были уничтожены, разум ликвидирован, поэтому она никак не могла реагировать на слова мастера-исследователя. Благодаря тлейлаксийской технологии ее чрево могло быть принуждено жить в течение многих столетий. С ее разрушенной нервной системой она не сможет даже покончить с собой.

Скоро, совсем скоро, когда он и его лицедельи покинут Ксуттух, он возьмет с собой этот ценный чан и увезет его на дальнюю, безопасную планету. Возможно, ему удастся взять в плен

еще несколько ведъм из Бене Гессерит и посмотреть, что в их организме позволяет делать из них столь совершенные лабораторные чаны. Но сейчас в его распоряжении только один такой чан, который он с помощью специальных стимуляторов поддерживает на максимально возможном уровне производительности.

Адждика присоединил отсос к приемнику и отсосал литр синтетической пряности в контейнер, который принес с собой. В течение нескольких последних дней он принимал адждамал и не чувствовал проявлений никаких побочных эффектов. Все ощущения были на редкость приятными. Значит, он будет принимать больше, намного больше.

С сильно бьющимся сердцем он прошел в свой кабинет, опустил защитный экран и запер дверь, чтобы никто не мог войти и помешать ему. Опустившись в кресло-собаку, безмозглое сидячее животное, он подождал, пока мебель приняла очертания его тела, запрокинул голову и выпил теплую, слегка маслянистую жидкость, только что добытую из тела Мираль Алехем. По консистенции жидкость напоминала коровье молоко.

Внезапно все тело Адждики потряс приступ сильнейшего кашля, а желудок попытался извергнуть обжигающую кислоту. Вылив остаток содержимого контейнера на пол, он скатился с кресла и сложился пополам. Лицо его исказилось; все мышцы напряглись, тело вытянулось. Из рта полилась желтовато-зеленая жидкость, Адждика рыгнул зловонными остатками пищи. Но большая часть адждамала уже успела всосаться в кровь.

Наступила эйфория, Адждику начали бить страшные судороги, и потерю сознания он благословил, как долгожданное избавление. Неужели ведьма из Бене Гессерит пыталась его отравить? Адждику охватила яростная жажда мести. Он найдет поистине тлейлаксианский способ заставить даже бесчувственное тело аксолотлевого чана ощутить боль.

Прошли бесконечно долгие мгновения, прежде чем он ощутил и осознал окружающий его микрокосм, состоявший из муки, которой подверглись его душа и тело. Стресс уменьшился, а может быть, его нервы были уже убиты и перестали ощущать боль.

Выбравшись из тьмы жуткого кошмара, Адждика открыл глаза. Он лежал на полу посреди своего кабинета. Вокруг были разбросаны магнитные записи на проволоке, видеокассеты и чашки Петри. Все было измято и разбито, словно он в бреду метался по комнате, круша все, что попадалось под руку. Собака-кресло убралось в угол. Мех животного был разорван, из ран торчали сломанные кости. Вонь извергнутой из желудка желчи могла свести с ума. Рвотными массами пропиталась одежда, все тело тоже было измазано этой мерзостью. Адждика посмотрел на перевернутый хронометр и понял, что пролежал в кабинете весь рабочий день.

Сейчас я должен испытывать голод и жажду. Запах рвоты подавил в нем всякие желания подобного рода, но несколько не уменьшил его ярости, благодаря которой он только и остался жить. Длинными пальцами он поднял с пола осколок стеклянного подноса, выковырял из застывших рвотных масс изрядный кусок и положил его на стекло.

Когда Адждика вновь стремительно вошел в лабораторию, все поспешно посторонились – сардаукары охраны и ассистенты. Несмотря на его высокий ранг, все они невольно сморщили носы, когда мимо них промчался руководитель работ.

Адждика направился прямо к Мираль Алехем, намереваясь бросить ей в лицо желчь и подвергнуть ее самым немыслимым издевательствам, хотя она вряд ли поняла бы, что с ней делают. Неподвижные глаза аксолотлевого чана бесстрастно смотрели вперед, не фокусируя взор.

Внезапно с Адждикой начало происходить нечто непонятное. В его мозг потоком хлынули новые ощущения, омывшие его психику и снявшие блокаду разума, о которой он раньше даже не подозревал. В мозг полился бесконечный поток данных.

Это эффект передозировки адждамала? Он в совершенно новом свете увидел лежавшие вокруг аксолотлевые чаны. Он впервые вдруг понял, что каждый из них надо просто соединить с телом Мираль Алехем, чтобы все они начали производить бесценную субстанцию. Внутрен-

ним взором он уже ясно видел, как будет протекать процесс. Он видел все его подробности, понимал, какие усовершенствования и изменения придется вносить в системы.

Где-то сбоку он заметил лаборантов, которые, перешептываясь, наблюдали за начальником своими маленькими темными глазками. Некоторые хотели было ускользнуть, но он заметил это и крикнул:

– Вернитесь немедленно!

Люди заметили огонек сумасшествия в глазах Аджидики, но подчинились приказу и вернулись. Каждая новая мысль казалась Аджидике откровением. Вот этих двух ученых надо использовать на другом поприще. Как он не замечал этого раньше? Он вспомнил самые мелкие свои действия в прошлом, он воспринимал теперь мельчайшие раздражители, которые раньше ускользали от его внимания. Теперь каждая мелочь что-то значила. *Поразительно!*

Впервые в жизни глаза Аджидики были действительно открыты. Разум мог фиксировать и хронометрировать любое событие, которое он видел, он вспомнил каждое слово, которое каждый из этих людей когда-либо произносил в его присутствии. Вся информация в полном порядке выстроилась в его мозгу, как в процессоре компьютера пребултерианских времен.

Шлюзы открылись, в мозг продолжала поступать информация о каждом человеке, которого когда-либо встречал на своем пути Аджидика. Он помнил все! Но как такое могло произойти? Это аджидамаль!

Как молния, просветляя разум, сверкнул стих из буддистского кредо: *для того чтобы достигнуть с'тори, не нужно понимание. С'тори существует вне слов, вне имени.* Все произошло мгновенно, в секунду космического времени.

Аджидика перестал замечать запах желчи и ее вкус во рту; это был физический план бытия, а он переместился на более высокий уровень сознания. Большая доза искусственной пряности открыла перед ним новые области его собственного сознания.

В ослепительном новом видении он мог прозреть путь своего вечного спасения, милость Бога. Теперь он больше, чем когда-либо раньше, был убежден, что должен повести Бене Глей-лакс к святой славе – по крайней мере тех, кто достоин спасения. Все, кто думает иначе, должны умереть.

– Мастер Аджидика, – произнес дрожащий голос. – Вы хорошо себя чувствуете?

Открыв глаза, Аджидика увидел, что вокруг него сгруппировались ассистенты, в глазах которых было выражение озабоченности, смешанной со страхом. Только один человек нашел в себе мужество заговорить с ним. Пользуясь своими новыми возможностями, Аджидика посмотрел на этого человека. Он знал, что этому ассистенту можно доверять и что он будет верой и правдой служить новому режиму.

Аджидика поднялся на ноги, все еще держа в руке осколок подноса с куском засохшей желчи.

– Ты – Блин, третий ассистент-оператор у чана номер пятьдесят семь.

– Это так, мастер. Скажите, вам не нужна медицинская помощь?

– Мы должны делать божье дело, – парировал Аджидика.

Блин поклонился.

– Меня учили этому с раннего детства.

Парень выглядел растерянным, но по языку его тела Аджидика понял, что он искренне стремится угодить старшему. Обнажив в улыбке мелкие острые зубы, Аджидика сказал:

– С этого момента вы – заместитель начальника лаборатории. Докладывать будете только лично мне.

В темных глазах Блина мелькнуло удивление. Он расправил плечи.

– Я готов служить вам в любом качестве, сэр.

Услышав, как один из ученых тихо выразил свое недовольство таким решением, Аджидика резко обернулся и бросил в лицо недовольному кусок желчи.

– Ты, иди и вычисти мой кабинет и замени все, что там сломано и разбито. Даю тебе четыре часа. Если не справишься, то я поручу Блину проследить, чтобы из тебя сделали первый мужской аксолотлевый чан.

Охваченный ужасом ассистент пулей помчался в кабинет.

Адждика улыбнулся Мираль Алехем, неподвижной груди отвратительной обнаженной плоти, сложенной в похожий на гроб контейнер. Несмотря на свои возросшие способности, Адждика все же не мог до конца понять, действительно ли шпионка Бене Гессерит пыталась его отравить: ведь ее сознание и подсознание были практически уничтожены. Казалось, что она совершенно не реагирует на окружающее.

Теперь Адждика точно знал, что Бог призрел его, могучее Его присутствие поведет Адждику по пути Великой Веры – по единственной тропе Истины. Теперь он полностью уверился в своем высоком предназначении.

Несмотря на боль, которую ему пришлось испытать, передозировка оказалась воистину благословенной.

*Невозможно отделить политику от меланжи. Рука об руку идут
они по всей истории империи.
Шаддам Коррино IV.
«Предварительные мемуары»*

Взволнованный разведчик Сиетча Красной Стены вызвал Лиета Кинеса на наблюдательный пункт, скрытый в вершине скалистой гряды. Ежеминутно рискуя сорваться вниз, Лиет начал карабкаться по отвесной стене, цепляясь пальцами за едва заметные трещины. Вскоре он выбрался на смотровую площадку. Знойный воздух отдавал перегоревшим порохом.

– Я вижу человека, который приближается к сиетчу, несмотря на жару.

Разведчик оказался улыбчивым подростком со слабым детским подбородком и выражением готовности на лице.

– Он идет один, – добавил мальчик.

Заинтригованный Лиет начал всматриваться в точку, на которую указывал худощавый юноша. Прихотливо извивающиеся струи раскаленного воздуха сверкающим маревом поднимались к небу от черно-красной лавы утесов, вал которых, как крепостная стена, вырастал из дюн.

– Я вызвал еще Стилгара. – Разведчик был полон предвкушения.

– Это хорошо. У Стила очень острый глаз.

Лиет инстинктивно вставил в ноздри затычки. Недавно у него появился новый костюм, вместо старого, безнадежно испорченного слугами императора.

Он прикрыл ладонью глаза от нестерпимого сияния лимонно-желтого неба и пристально всмотрелся в волнующийся океан песка.

– Удивительно, что Шай-Хулуд до сих пор не поглотил его.

Кинес разглядел у горизонта маленькое пятнышко размером не больше мелкого насекомого.

– Одиночка в пустыне – все равно что мертвец, – глубокомысленно произнес он.

– Может быть, это просто глупец, Лиет, но он до сих пор жив.

Кинес обернулся на голос и увидел Стилгара, выбиравшегося из расщелины на площадку наблюдательного пункта. Этот похожий на хищного орла человек умел передвигаться по скалам с неподражаемой грацией, но совершенно бесшумно.

– Мы поможем ему или убьем? – В высоком голосе мальчика не было никаких эмоций. Разведчик явно хотел понравиться этим двум великим людям. – Мы можем взять для племени его воду.

Стилгар протянул жилистую руку, и мальчик передал ему старый бинокль, принадлежавший некогда планетологу Пардоту Кинесу. Лиет подозревал, что одинокий путник мог оказаться заблудившимся солдатом Харконнена, изгнанным деревенским жителем или просто идиотом – старателем-одиночкой.

Настроив оптику бинокля, Стилгар взглянул на приближавшееся пятно и издал удивленный возглас.

– Он идет как фримен. Походка неправильная, без ритма. – Он увеличил разрешение и снова приник к окулярам. – Это Тьюрок. Он или ранен, или до крайности истощен.

Лиет отреагировал мгновенно:

– Стилгар, вызывай спасателей. Спаси его, если сможешь. Его рассказ важнее для нас, чем его вода.

Тьюрока внесли в прохладные пещеры сиетча. Защитный костюм был разорван, на плече и правой руке зияли раны, но кровотечения не было, кровь, к счастью, давно свернулась. Тьюрок потерял правый сапог, и насосы защитного костюма перестали функционировать. Хотя ему дали воды, Тьюрок все равно находился на пределе человеческой выносливости. Сейчас он лежал на прохладном каменном ложе, но кожа его представляла собой засохшую пыльную корку, словно он истратил весь запас влаги, который всегда носят с собой фримены.

– Ты шел днем, Тьюрок, – сказал Лиет. – Зачем ты так неосмотрительно поступил?

– У меня не было выбора.

Тьюрок сделал еще один глоток воды, предложенной ему Стилгаром. Капля воды стекла на подбородок, но он поймал ее указательным пальцем и слизнул. Для фримена дорога каждая капля бесценной воды.

– Мой защитный костюм перестал работать. Я знал, что нахожусь неподалеку от Сиетча Красной Стены, и мне надо было во что бы то ни стало скрыться до наступления темноты, и я очень надеялся, что вы вышлете команду разведчиков.

– Ты будешь жить и сражаться с Харконненами, – сказал Стилгар.

– Я выжил не только для того, чтобы сражаться. – В голосе Тьюрока сквозила смертельная усталость. Губы его потрескались и кровоточили, но он отказался от дополнительной воды и принялся рассказывать, что произошло с комбайном для добычи пряности, как Харконнены подняли на борт транспорта груз и бросили экипаж и оборудование на милость песчаного червя.

– Пряность, которую вывезли, не попадет в отчет, – сказал Лиет, покачивая головой. – Шаддам настолько привержен глупым формальностям и так упоен атрибутами своей власти, что обмануть его очень легко. Я видел это собственными глазами.

– На наш захват каждого хранилища, как, например, в Хадите, барон отвечает закладкой нового. – Стилгар перевел взгляд с Тьюрока на Лиета, не желая углубляться в собственные выводы. – Что делать? Сообщить графу Фенрингу или послать письмо императору?

– Я бы не стал больше иметь дела с Кайтэйном, Стил.

Сам Лиет даже перестал составлять отчеты, отправляя в столицу сводки, которые писал его отец несколько десятилетий назад. Император все равно ничего не заметит.

– Это проблема фрименов, – продолжал Лиет, – и нам не стоит искать помощи у чужеземцев.

– Я ждал, что ты скажешь именно так, – сказал Стилгар, и глаза его просияли.

Тьюрок выпил еще воды. Пришла Фарула и принесла для измученного путника чашу с густой травной мазью, которой фримены лечили солнечные ожоги. Смочив пораженные

участки тела влажной материей, Фарула начала осторожно втирать мазь в обожженную кожу. Лиет с любовью следил за движениями жены. Фарула была лучшей целительницей сьетча.

Она тоже взглянула на мужа, в глазах ее таилось обещание поделиться неким важным секретом, который она раскроет позже. Лиету пришлось потратить много сил, чтобы завоевать сердце своей красавицы жены. По фрименской традиции муж и жена не должны показывать свою страсть посторонним, она не должна быть надежно спрятана за занавеской, и на людях Фарула и Лиет почти не общались между собой.

– Харконнены становятся все более и более агрессивными, и мы должны объединиться, чтобы оказать им достойное сопротивление. – Голос Лиета стал деловым и будничным. – Мы, фримены, великий народ, рассеянный ветром по пустыне. Вызови наездников в пещеру разговоров. Я пошлю их в другие сьетчи, чтобы собрать большую сходку, на которую должны прибыть наибы, старейшины и воины. Во имя моего отца, уммы Кинеса, это будет памятная встреча фрименов.

Он по-птичьи согнул пальцы и поднял вверх руку.

– Харконнен не может представить себе нашу соединенную силу. Как пустынные ястребы, мы поднимемся в воздух и вонзим наши когти в жирную задницу барона.

В спецзале ожидания карфагского космопорта барон Харконнен, нахмурившись, мерил шагами тесное пространство, пока слуги готовили его отъезд на Гьеди Первую. Барону осточертел сухой, пыльный климат Арракиса.

Остановившись передохнуть, барон взялся за перила ограждения, ноги Харконнена едва касались пола. Хотя подвески и бывали иногда норовистыми, как необъезженная лошадь, они все же давали тучному барону производить впечатление человека, способного выполнять любые свои желания.

Прожектора освещали посадочную площадку, залитую расплавленным песком. Яркими пятнами выделялись хранилище топлива, похожие на скелеты подъемные краны, подвесные буксиры и массивные ангары, сложенные из готовых блоков. Все это напоминало по архитектуре постройку и планировку Харко-сити.

В этот вечер барон пребывал в особенно плохом настроении. Поездка домой откладывалась много дней, так как барону надо было формулировать ответ на запросы ОСПЧТ и Космической Гильдии, которые жаждали проверить его операции с пряностью. Опять. Он уже имел дело с аудиторами, которые проверяли его всего пять месяцев назад, и следующих не приходилось ждать раньше, чем через девятнадцать месяцев. Адвокаты на Гьеди Первой составили подробное письмо, которое задержит проверку ОСПЧТ и Гильдии, но барону очень не нравилась эта возня сама по себе. Все это было связано с походом императора против владельцев незаконных хранилищ пряности. Положение вещей менялось, и отнюдь не в лучшую сторону.

Как держатель лена Арракиса, Дом Харконненов был единственным членом Ландсраада, которому было по закону разрешено создавать запасы пряности, но эти запасы не должны превышать краткосрочных потребностей заказчиков, присылавших требования на меланжу, и запасы эти должны быть зарегистрированы и занесены в отчеты, которые Харконнен был обязан периодически направлять императору. Все это неукоснительно исполнялось, и каждый груз лайнера, который отправлял барон, облагался налогом в пользу Коррино.

Заказчики, со своей стороны, имели право заказывать пряность в количествах, не превышавших потребность в пищевых добавках, меланжевых волокнах, медицинских препаратах и подобном. В течение веков эти требования не исполнялись с нужной жесткостью, и у глав Домов неизбежно скапливались неучтенные запасы. И все императоры, включая и Шадцама, смотрели на это сквозь пальцы. До сегодняшнего дня.

– Питер, долго еще мне ждать?!

Незаметный ментат следил за командой, грузившей на залитый ослепительным желтоватым светом фрегат ящики с вещами. Казалось, что де Фриз спит на ходу, но барон знал, что ни одна мелочь не ускользает от внимания ментата, который мысленно вычеркивал из списка багажа каждую погруженную на корабль вещь.

– Думаю, что еще один стандартный час, мой барон. Нам надо захватить с собой массу вещей, а эти рабочие едва шевелятся. Если хотите, я займусь одним из них, тогда другие начнут работать живее.

Барон подумал немного, но потом отрицательно покачал головой.

– У нас есть еще время до прибытия лайнера. Я буду ждать в каюте фрегата. Чувствую, что чем раньше я уберусь с этой проклятой планеты, тем лучше.

– Слушаюсь, мой барон. Если желаете, я распоряжусь приготовить закуску. Это поможет вам отдохнуть.

– Я не нуждаюсь в отдыхе, – ответил барон грубее, чем рассчитывал. Ему не нравились намеки на его телесную слабость.

Ведьмы Бене Гессерит наградили его отвратительной неизлечимой болезнью. Когда-то он гордился своим совершенным телом, которое эта Мохиа с ее лошадиной физиономией превратила в дряблый мешок жира, который, правда, сохранил сексуальное влечение и ясный ум, которым барон отличался и в юности.

Саму болезнь он хранил в глубочайшей тайне. Если Шаддам узнает, что Харконнен болен и не может справляться с управлением, то его немедленно лишат имперского лена на Арракисе и заменят Харконненов другим аристократическим семейством. Поэтому барон всячески внушал окружающим, что его тучность есть следствие обжорства и гедонизма, впрочем, такое впечатление было очень легко поддержать.

Он улыбнулся, вспомнив, что собирался устроить званый пир, вернувшись в Убежище Харконненов на Гьеди Первой. Для того чтобы создать видимость, он заставит гостей объесться, последовав его примеру.

Многочисленные лечащие врачи барона настояли на том, что сухой и жаркий климат Арракиса пойдет на пользу его здоровью. Но Владимир Харконнен ненавидел Арракис всеми фибрами своей души, несмотря на то что действительно чувствовал себя лучше, регулярно принимая меланжу. Он часто посещал Гьеди Первую хотя бы затем, чтобы исправлять ошибки, которые в его отсутствие творил его тупоголовый племянник, Бестия Раббан.

Рабочие продолжали носить вещи, и охрана, образовав живой коридор, выстроилась на пути следования к фрегату. Питер де Фриз проводил барона по теплой взлетной площадке до корабля и помог подняться на борт. Там ментат приготовил стаканчик сока сафо для себя и большой бокал киранского коньяка для своего хозяина. Барон уселся на мягкий диван, устроился поудобнее и затребовал у капитана последние данные разведки.

Просмотрев донесения, он тяжело вздохнул, и хмурое выражение его лица сменилось злобной гримасой. Барон до сих пор не слышал о дерзком нападении Атрейдеса на Биккал и о поддержке его действий Ландсраадам. Проклятые аристократы действительно симпатизировали Лето и даже открыто аплодировали его жестокой мести. А теперь еще император опустошил Зановар.

Кажется, обстановка накаляется.

– Наступили смутные времена, мой барон. В мире столько агрессии. Вспомните Грумман и Эказ.

– Этот герцог Атрейдес, – барон поднял вверх пакет с донесениями и смял своими униженными перстнями пальцами, – совершенно не уважает закон и порядок. Если бы я направил свою армию против какого бы то ни было аристократического Дома, Шаддам бы прислал сардаукаров и они перерезали бы мне глотку, а Лето все сошло с рук.

– Формально герцог не нарушил ни одного закона, мой барон. – Де Фриз замолчал, выполняя нужную ментатскую проекцию. – Члены Домов любят Лето, и он пользуется их молчаливой поддержкой и симпатией. Не следует недооценивать популярность Атрейдеса, которая год от года продолжает расти. Многие Дома смотрят на герцога, как на пример, и хотели бы подражать ему. Они видят в нем героя...

Барон отхлебнул коньяк и недоверчиво фыркнул.

– По совершенно непонятной мне причине.

Он со стоном откинулся на спинку дивана, с удовольствием прислушавшись к наконец зарокотавшим двигателям. Фрегат оторвался от взлетной площадки и поднялся в черноту ночного неба.

– Думайте, мой барон. – Де Фриз редко позволял себе разговаривать с бароном в таком тоне. – Смерть сына была нашей кратковременной победой, которая, как это ни прискорбно, превратилась со временем в победу Дома Атрейдесов. Эта трагедия пробудила дополнительные симпатии к герцогу со стороны благородных семейств. Ландсраад проявит снисходительность, и Лето простят то, что не простили бы никому. Биккал тому доказательство.

Раздраженный успехом врага, барон со свистом выпустил воздух сквозь толстые губы. За иллюминатором фрегата он увидел темно-синюю границу атмосферы Арракиса, освещаемую яркими звездами. Корабль вышел на орбиту. В отчаянии барон снова обратился к де Фризу:

– Но почему они так любят Лето, Питер? Почему его, а не меня? Что хорошего сделал им Атрейдес?

В ответ ментат нахмурил брови.

– Популярность может стать ценной монетой, если ее разумно потратить. Лето Атрейдес активно пытается умиловить Ландсраад. Вы же, мой барон, всегда пытаетесь подчинить соперника своей воле. Вы используете уксус вместо меда, обходясь с людьми совсем не так, как им бы этого хотелось и как вы могли бы.

– Мне всегда было трудно это делать. – Барон прищурил свои черные, как у паука, глаза и решительно выпятил грудь. – Но если это может делать Лето Атрейдес, то тем более, черт меня побери, могу и я.

Де Фриз усмехнулся.

– Позвольте сделать вам предложение, мой барон. Вам надо взять советников или нанять инструктора по этикету, чтобы вы смогли изменить стиль поведения.

– Мне не нужен человек, который станет учить меня, как правильно держать вилку за обедом.

Де Фриз перебил барона, пока раздражение господина не перешло во вспышку ярости.

– Есть много навыков, мой барон. Этикет, политика – это сложное переплетение множества нитей, и неподготовленному человеку трудно уследить сразу за всеми такими нитями. Вы глава Великого Дома. Следовательно, должны уметь делать это лучше самого умного простолюдина.

Барон Харконнен молчал все время, пока капитан вел фрегат к грузовому отсеку лайнера Гильдии. Харконнен допил коньяк. Как ни тяжело было это признать, но ментат был абсолютно прав.

– И где мы сможем найти такого... советника по этикету?

– Предлагаю поискать его на Чусуке. Люди там славятся своими куртуазными манерами. Они делают балисеты, сочиняют сонеты и вообще они очень культурны и образованны.

– Очень хорошо. – В глазах барона мелькнуло веселое выражение. – Мне бы хотелось, чтобы Раббан учился вместе со мной.

Де Фриз едва сдержал улыбку.

– Боюсь, что ваш племянник не сможет исправиться никогда.

– Возможно. Но я все же хочу попробовать.

– Все будет сделано, мой барон, как только мы прибудем на Гьеди Первую.
Ментат отхлебнул сок сафо, а его хозяин налил себе еще бокал коньяка и пригубил его.

*Ментаты аккумулируют вопросы так же, как другие
аккумулируют ответы.*

Учение ментатов

Когда стало известно, что Гурни и Туфир вернулись наконец с Икса и находятся на борту челнока, который готов стартовать с орбиты лайнера, Ромбур изъявил желание лично встретить их в космопорте. Он очень волновался и переживал, боясь, что услышит страшный рассказ о том, что произошло с его некогда прекрасной планетой.

– Будьте готовы ко всему, принц, – сказал Дункан Айдахо. Одетый в безупречно сидящий на нем черно-зеленый мундир Атрейдесов, молодой оружейный мастер сохранял на лице непреклонное и жесткое выражение. – Они расскажут нам правду.

Ромбур, не потеряв самообладания, повернулся к Дункану:

– Я не получал подробных известий с Икса много лет и горю желанием знать все. Никакая новость не может быть хуже того, что я себе представляю.

Принц передвигался с преувеличенной осторожностью, но хорошо сохранял равновесие и не нуждался в посторонней помощи. Его молодая жена Тессия предпочла обычным усадкам медового месяца тяжелую работу, непрерывно помогая мужу лучше овладеть своим новым телом киборга. Доктор Юэх, как заботливый папаша, поминутно проверял работу систем и скорость передачи нервных импульсов по искусственным волокнам. Дело кончилось тем, что Ромбур приказал врачу покинуть апартаменты.

Воодушевленный моральной поддержкой Тессии и преисполненный решимости, Ромбур не смущался, сталкиваясь с любопытством и жалостью окружающих. Он боролся с уклончивыми взглядами и инстинктивным неприятием своей уродливой внешности с помощью приветливой улыбки. От такого душевного здоровья люди испытывали стыд и принимали Ромбура таким, каким он был.

Стоя перед зданием муниципального космопорта Кала и поглядывая на небо, затянутое кучевыми облаками, Дункан и принц увидели прямой, как свеча, след челнока, сошедшего с орбиты в плотные слои атмосферы. Зарядил мелкий дождь, и оба, с удовольствием вдыхая насыщенный солью воздух, ощутили приятную влажность на коже и волосах.

Челнок Гильдии приземлился на нужном месте посадочной площадки и успокоился в объятиях Каладана. Встречающие бросились к кораблю приветствовать прибывших.

Одетые в потрепанные плащи вольных торговцев, Гурни Халлек и Туфир Гават, ничем не выделяясь из общей массы, шли в толпе прибывших пассажиров. Выглядели они как миллионы их простых сограждан, но именно они сумели проскользнуть на Икс под самым носом ничего не подозревавших тлейлаков. Узнав их, Ромбур рванулся вперед. Движения его от быстроты потеряли плавность и стали несколько судорожными, но принц едва ли обратил на это внимание.

– Есть у вас какая-нибудь информация, Гурни? – спросил Ромбур на тайном боевом языке Атрейдесов. – Туфир, что вы там обнаружили?

Гурни, переживший настоящий ужас в рабстве Харконненов, выглядел глубоко встревоженным. Туфир же шел так неуклюже, словно его суставы были такими же скованными, как у Ромбура. Жилистый и худощавый ментат глубоко вздохнул, тщательно выбирая слова, прежде чем начать рассказ:

– Милорд принц, мы видели многое. О, что видели эти глаза... И как ментат, я никогда не смогу это забыть.

Лето Атрейдес созвал военный совет в одной из башен замка. Это небольшое помещение, куда пригласили узкий круг лиц, служило некогда местом домашнего ареста для леди Елены перед ее изгнанием на Восточный Континент. С тех пор помещением не пользовались.

Слуги вычистили углы и подоконники и развели ревущий огонь в камине, сложенном из плоских речных камней. Ромбур, с его механическим телом, не нуждался в физическом отдыхе и остался стоять, как предмет мебели.

Вначале Лето сел в кресло матери, в котором она часто читала отрывки из Оранжевой Католической Библии, удобно свернувшись калачиком. Но потом герцог резко встал, отодвинул кресло и сел на высокий деревянный стул. Сейчас не время для комфорта.

Туфир Гават представил обобщающий доклад о том, что они с Гурни видели и делали. Пока ментат излагал жестокие факты, его товарищ вставлял эмоциональные замечания, тщетно стараясь сдерживать презрение и отвращение.

– Как это ни печально, мой герцог, – говорил между тем Гават, – но мы должны признать, что переоценили возможности и достижения К’тэра Пилру и его предполагаемых борцов за свободу. Иксианский народ сломлен, всю обстановку контролируют сардаукары – их на Иксе два легиона – и тлейлаксиянские соглядатаи.

– Они внедряют лицеделов, имитирующих иксианцев, в группы сопротивления, – добавил Гурни. – Таким способом тлейлаксы уже уничтожили несколько групп.

– Мы действительно видели недовольство, но не видели организации, – продолжил Гават. – Однако смею утверждать, что при добавлении нужного катализатора народ Икса может подняться и свергнуть тлейлаксов.

– Значит, мы должны предоставить им такой катализатор. – Ромбур тяжело шагнул вперед. – Меня.

Не желая расслабляться, Дункан приподнялся со стула.

– Я вижу некоторые тактические сложности. Конечно, захватчики прочно окопались на Иксе и не ждут никаких сюрпризов. Я имею в виду организованное военное вторжение. Но даже если мы нападём на них, используя всю военную мощь Атрейдесов, это будет самоубийством. Особенно на сардаукаров.

– Но почему Шаддам держит на Иксе сардаукаров? – заговорил Гурни. – Насколько я знаю, пребывание на Иксе имперских сил не санкционировано Ландсраадом.

Этот довод не убедил Лето.

– Император сам пишет для себя правила. Вспомните Зановар. – Лето нахмурил брови.

– У нас есть веские моральные основания, – сказал Ромбур, – такие же, как в случае с Биккалом.

Давно сдерживаемая жажда мести вырвалась наружу, и Ромбур пылал гневом. Отчасти благодаря усилиям Тессии, но главным образом из-за пережитого возрождения, принц рвался в бой. Ромбур принялся мерить комнату шагами, его механические ноги при этом издавали жужжание, как будто душевная энергия нашла выход в физическом движении.

– Самой судьбой мне, как и моему отцу, суждено стать графом Дома Верниусов.

Он поднял руку, сжал кулак и опустил руку. Сервомеханизмы и блочные искусственные мышцы неимоверно увеличили его физическую силу. Принц уже показывал Лето, что может раскалывать камни ударом ладони. Он повернул свое обезображенное шрамами лицо к Лето, который продолжал сидеть за столом в тяжком раздумье.

– Лето, я видел, с какой любовью, уважением и верностью относится к тебе твой народ. И Тессия помогла мне осознать, что все эти годы я пытался отвоевать Икс, руководствуясь ложными мотивами. Я не чувствовал этого сердцем, поскольку не понимал, насколько это важно.

Я негодовал по поводу утраты достоинства, которое считал своим по праву. Я испытывал гнев против тлейлаксов за преступления, совершенные против меня и моей семьи. Но как быть с народом Икса? Даже с бедными, оболваненными субоидами, которые последовали за обещанием лучшей жизни.

– Так точно, и эти обещания завели их в пропасть, – сказал Гурни. – Когда волк становится пастухом, стадо превращается в большой ходячий склад мяса.

Ромбур стоял вплотную к камину, но его механическое тело не чувствовало жара.

– Я хочу отвоевать мою планету не ради себя, но только потому, что в этом нуждается народ Икса. Я должен стать графом Верниусом, чтобы служить народу. Другого пути у меня нет.

Жесткое лицо Гавата смягчилось в улыбке.

– Вы сумели усвоить важный урок, принц.

– Да, но для того, чтобы воспользоваться им на практике, надо хорошо и с умом поработать, – сказал Дункан. – Если у нас не будет какого-то серьезного преимущества или секретного оружия, наши вооруженные силы подвергнутся большой опасности. Вспомните, какой враг будет нам противостоять.

Лето подумал об обязательствах принца, и вдруг до него дошло, что род Верниусов кончится на Ромбуре, независимо от того, завоюет он Икс или нет. У Лето потеплело на душе, когда он вспомнил о беременности Джессики. У него будет еще один ребенок, сын, как он надеялся, хотя возлюбленная ничего и не говорила ему. К теплу примешивалась боль от предстоявшего отъезда Джессики на Кайтэйн...

А ведь было время, когда герцог не мог себе представить, что будет так любить Джессику, ведь раньше ее присутствие только раздражало его. Орден Бене Гессерит принудил его принять девушку на Каладане. Разозленный такой откровенной манипуляцией, Лето тогда поклялся, что она никогда не станет его возлюбленной. Но она сумела сделать так, что планы Бене Гессерит стали явью. Они подкупили его информацией о боевых кораблях нового типа...

Лето подскочил на стуле, на его худощавом лице медленно проступила улыбка.

– Подождите!

Все замолчали, и пока Лето подбирал слова, в комнате был слышен только треск поленьев в камине.

– Туфир, ты присутствовал при тех переговорах, когда ведьмы Бене Гессерит уговаривали меня принять Джессику.

Озадаченный Гават попытался понять, куда клонит Лето. Потом ментат вскинул брови.

– Они передали вам информацию. Речь шла о невидимом корабле, судне, построенном по новой технологии, которое делало его оптической невидимкой даже для электронных сканеров.

Лето ударил кулаком по столу и подался вперед.

– Прототип этого корабля, принадлежавший Харконненам, разбился на Валлахе Девятом. Сестры завладели кораблем. Не было бы полезно постараться убедить их предоставить нам технологию его изготовления?..

Дункан вскочил на ноги.

– С таким невидимым кораблем мы сможем высадить войска незаметно для тлейлаксов и до того, как к ним на помощь придут сардаукары.

С лицом, исполненным решимости, Лето медленно поднялся.

– Сестры передо мной в долгу! Туфир, составь послание в Школу Матерей и убеди их сотрудничать с нами. Мы имеем больше прав на такую информацию, чем какой-либо другой Дом, поскольку эту технологию в свое время использовали против нас.

Он посмотрел на Ромбура, и хищная улыбка оживила суровое лицо герцога.

– И вот тогда, мой друг, мы не пожалеем усилий, чтобы отвоевать Икс.

Чем меньше знания, тем длиннее объяснения.
Бене Гессерит.
«Книга Азхара»

Располагая коллективной памятью, простиравшейся в темную глубину тысячелетий, престарелая Верховная Мать Харишка не нуждалась в советах других Сестер для принятия правильных решений. Правда, воспоминания далекого прошлого не всегда годятся для понимания будущего или для проникновения в хитросплетения современной имперской политики.

Харишка стояла в зале секретных совещаний – помещении с голыми оштукатуренными стенами. Ее самые доверенные советницы, хорошо разбиравшиеся в мелочах и их последствиях, расхаживали по комнате, шелестя, как вороновыми крыльями, полами накидок. Неожиданная просьба герцога Лето стала причиной столь поспешного и неприятного совещания.

Послушницы принесли в зал совещаний напитки: соки, чай, меланжевый кофе. Сестры пригубливали напитки, размышляли, но в кабинете стояла странная тишина, не было слышно даже случайных замечаний. Такие дела требуют серьезных раздумий.

Харишка подошла к грубой каменной скамье и села. Сиденье было жестким и холодным, не похожим на трон коронованного владыки, но Сестер Бене Гессерит трудно было смутить неудобством. У нее острый ум и живая память. Это все, что нужно Верховной Матери.

Вызванные на совещание Сестры расселись по местам, шурша одеждами. Когда сквозь призматические стекла в комнату проникли лучи приглушенно-серого солнца, все присутствующие обратили свои взоры на Харишку в ожидании, что скажет Верховная Мать.

– Мы позволили себе на долгие годы забыть об этом деле, а теперь стоим перед необходимостью сделать выбор.

Харишка упомянула о почтовом цилиндре, полученном недавно с Каладана.

– Нам с самого начала не следовало сообщать Лето Атрейдесу о корабле-невидимке, – произнесла суровая Преподобная Мать Ланали, смотрительница карт и географического архива.

– Это было необходимо, – возразила Харишка. – Он не принял бы Джессику, если бы мы не кинули ему сладкую кость. К его чести надо сказать, что Лето не злоупотребил полученной информацией.

– Зато он делает это теперь, – заговорила Преподобная Мать Тора, занимавшаяся огородами. Кроме того, она была специалистом по криптографии. Когда-то, в самом начале своей карьеры, она разработала способ имплантации сообщений в листья деревьев.

Харишка не согласилась с этим мнением.

– Герцог мог использовать эту информацию многими способами и давно, но он предпочел связаться с нами по секретному каналу, тем самым сохранив нашу тайну. Таким образом, он не обманул нашего доверия. Кроме того, считаю нелишним напомнить, что Джессика, как мы и надеялись, носит под сердцем его ребенка.

– Но почему она так долго тянула с беременностью? – спросила еще одна Сестра. – Это должно было произойти гораздо раньше.

Харишка не удостоила спорщицу взглядом.

– Какая разница? Впрочем, давайте вернемся к нашему делу и не будем отвлекаться.

– Я согласна, – заговорила молчавшая до сих пор Преподобная Мать Сиенна, женщина с лицом, похожим на сердце, невинная красота которого ввела в заблуждение многих мужчин. – Если и есть человек, которому можно преподнести в дар способность делать невидимые

корабли, то это именно он, герцог Атрейдес. Как его отец и дед, Лето заслуживает высочайшего доверия. Это человек чести.

Ланали недоверчиво фыркнула.

– Ты забыла, что он сделал с Биккалом? Стер с лица земли военный мемориал.

– Его собственный мемориал, – возразила Сиенна. – Кроме того, его спровоцировали.

– Хорошо, допустим, что сам герцог Лето достоин доверия, но что мы можем сказать о следующих поколениях Атрейдесов? – рассудительно спросила Ланали. – Возникает фактор неопределенности, а неопределенность опасна.

– Но ведь есть и весьма значимые известные факторы, – сказала Сиенна. – Ты слишком сильно тревожишься.

В разговор вмешалась самая молодая из присутствующих, изящная и хрупкая Сестра Кристэйн:

– Принятие решения не имеет никакого отношения к моральным качествам Атрейдеса. Такое оружие, если даже использовать его исключительно для обороны, изменит все представления о методах ведения войны в империи. Технология невидимок предоставляет невиданные тактические преимущества любому Дому, который будет ею владеть. Питаете ли вы слабость к нему или нет, Сиенна, но не забывайте, что он – всего лишь пешка в наших планах, такая же пешка, какой был барон Харконнен.

– Во-первых, именно Харконнены создали это чудовищное оружие, – сказала Тора, допила кофе и встала, чтобы снова наполнить чашку. – Слава Богу, что они утратили секрет и не могут воспроизвести изобретение.

Харишка давно стала замечать, что смотрительница огородов стала потреблять слишком много меланжи. Сестры Бене Гессерит могли контролировать биохимические процессы в своем организме, но им настоятельно не рекомендовалось продлевать жизнь свыше определенного предела. Бравирование долголетием могло настроить общественное мнение против Общины Сестер.

Харишка решила закончить эту часть дискуссии. Она услышала все, что ей было нужно.

– В этом деле у нас нет выбора. Мы должны отказать Лето в его просьбе. Мы пошлем наш ответ с Преподобной Матерью Мохиаи, когда она отправится на Каладан, чтобы сопровождать Джессику в Кайтэйн.

Тора испустила вздох, вспомнив, сколько труда потратили послушницы, чтобы разобрать разбитый корабль и понять, как он устроен.

– Я не могу сказать, что именно мы можем сообщить герцогу Лето. Мы могли бы отдать ему остатки корабля, но даже мы не в состоянии понять, как работает генератор невидимого поля.

Она оглядела собравшихся и сделала глоток кофе.

Снова заговорила темноволосая Сестра Кристэйн:

– Такое оружие, если оно будет применено, может поставить империю на грань катастрофы. Но настоящий ужас начнется, если даже мы не разберемся, как оно работает. Мы должны сделать это во что бы то ни стало и похоронить наше открытие в архивах Общины Сестер.

Кристэйн получила военную подготовку и занималась организацией и проведением силовых акций в случаях, когда бессильными оказывались дипломатические игры и тайные интриги. Кристэйн была молода и нетерпелива, но иногда Харишка находила полезной такую пылкость.

– Абсолютно верно. – Верховная Мать сменила позу, устав от сидения на жесткой каменной скамье. – Некоторые клейма на остатках судна указывают на то, что в его производстве участвовал некий Чобин. Мы давно установили, что какой-то изобретатель с этим именем

бежал от Ришезов на Гьеди Первую приблизительно в то время, когда была разработана технология производства корабля-невидимки.

Тора выпила третью чашку меланжевого кофе, не обратив внимания на неодобрительный взгляд Харишки.

– Должно быть, Харконнены слишком поспешно избавились от этого человека, в противном случае они могли бы без труда создать новый генератор невидимого поля.

Харишка сцепила на животе свои паучьи пальцы.

– Естественно, мы наведем справки в столице Ришезов.

Суеверие и суровая действительность пустыни пронизывают всю жизнь фрименов. В их жизни тесно переплелись религия и закон.

«Путь Арракиса».

Имперский видеофильм для детей

В день, когда должно было решаться будущее его народа, Лиет Кинес проснулся, размышляя о будущем. Он сел на краю ложа, которое много лет делил с Фарулой, – толстой циновки, уложенной на пол маленькой, но уютной комнаты в Сиетче Красной Стены.

Великое совещание фрименов начнется сегодня. Это будет встреча вождей всех сиетчей, на которой предстоит договориться о единых действиях против Харконненов. Перед лицом их жестокостей народ пустыни слишком часто оказывался разобщенным, неуправляемым и беспомощным. Процветали соперничество кланов, родовая вражда и распыление сил. Сегодня Лиету предстояло донести до сознания вождей пагубность такого положения.

Его отец мог бы достичь этой цели, невзначай обронив несколько обычных слов. Пардот Кинес, экологический пророк, сам не понимал меры своей власти. Он просто принимал ее как средство осуществления своей цели – создания рая на Дюне. Но его сын Лиет был молод и ничем еще не доказал своего права вести за собой людей.

Сидя на спальном ложе, Лиет прислушался к тихому жужжанию вентиляционных машин сиетча. Рядом тихо дышала Фарула. Она проснулась, но лежала молча, как всегда, с любовью глядя на мужа синими глазами.

– Мои заботы не дают тебе отдыха, любовь моя, – сказал Лиет Фаруле.

В ответ она ласково коснулась его плеча.

– Твои мысли – это мои мысли, мой дорогой. Я сердцем чувствую твои заботы и твою страсть.

Он поцеловал ее руку. Фарула провела пальцами по бороде, которую начал отращивать Лиет.

– Не тревожься. В тебе течет кровь уммы Кинеса, так же как и его мечты.

– Но увидят ли это фримены?

– Иногда наш народ бывает глуп, но он никогда не был слеп.

Лиет Кинес любил ее много лет. Фарула была истинно фрименской женщиной, дочерью старого Хейнара, одноглазого наиба сиетча, и хорошо знала свою роль. Она была лучшей целительницей племени, но самым большим ее достижением было врачевание душевных ран Кинеса. Она знала, чем тронуть мужа и как любить его.

Тревожась за успех своего выступления на совете, он склонился над женой и крепко ее обнял. Она поцеловала Лиета, развеяв его страхи, погладила по голове, утишив тревогу и вселив в него новые силы.

– Я буду с тобой, любовь моя, – сказала Фарула, хотя женщины не будут допущены на совет наибов, перед которыми Лиету предстояло держать речь. Выйдя из своей комнаты, Лиет

и Фарула снова станут чужими, как того требовал этикет фрименов, но Кинес понял, что хотела сказать его супруга. Она действительно будет с ним. И сердце его согревалось от этой мысли.

Дверной проем был закрыт сплетенной из меланжевых волокон занавеской, на которой женщины сиегча выткали изображение Гипсового Бассейна, где его отец устроил цветущую оранжерею – прообраз своего воплощенного проекта. На полотне были видны ручьи, порхающие колибри, плодовые деревья и яркие цветы. Закрыв глаза, Лиет явственно представил себе аромат растений и даже ощутил прикосновение летающей пыльцы и влажность на щеках.

– Надеюсь, сегодня я сделаю все, чтобы ты мог мною гордиться, отец, – как молитву, прошептал Лиет.

По трагической случайности, потолок оранжереи, пропитавшись влагой, обрушился, похоронив под своими обломками Пардота и нескольких его помощников. С того страшного дня прошло чуть меньше года, но Лиету казалось, что с тех пор протекло гораздо больше времени. Теперь он, Лиет Кинес, должен был нести ответственность отца, уммы Кинеса.

Старое всегда должно уступать место новому.

Старый Хейнар скоро откажется от руководства Сиегчем Красной Стены, и многие фримены думали, что его место займет Лиет. Фрименское слово, обозначавшее наиб, можно было перевести с древнего языка чакобса как «слуга сиегча». У Лиета не было никаких личных амбиций: он просто хотел служить людям, сражаться с Харконненами и продолжить поход на пустыню, превращая ее в цветущий сад Дюны.

Лиет был фрименом лишь наполовину, но с первого вдоха, с первого удара сердца вне утробы матери душа его была фрименской. Как новый имперский планетолог, преемник великого мечтателя Пардота Кинеса, Лиет не мог ограничить свою деятельность рамками одного племени.

До того, как на совет придут последние представители племен и совещание начнется, Лиету надо было закончить свои профессиональные дела. Хотя он ни в грош не ставил Шад-дама ни как человека, ни как императора, научная работа по-прежнему составляла существенную и самую ценную часть бытия Лиета. Каждый миг жизни был неповторим и бесценен, как чистая вода, и Лиет не имел права тратить ее попусту.

Окончательно проснувшись, он быстро оделся. Оранжевый рассвет не успел разлиться по пустынному ландшафту, а Лиет уже приступил к работе, надев свой новый защитный костюм. Даже в этот ранний час камни и песок пустыни были теплыми, а демон жары уже пустился в свой неистовый пляс над горами и дюнами. Кинес отошел от скалистой гряды всего лишь на несколько сотен метров.

Здесь, в неприметной расщелине, находилась небольшая биологическая станция – маленький набор сенсоров и датчиков, вмонтированных в камни. Пардот Кинес когда-то починил старое, давно брошенное оборудование, и члены сиегча поддерживали теперь в рабочем состоянии измерительную и контрольную аппаратуру. Приборы измеряли скорость ветра, температуру воздуха и агрессивность окружающей среды. Один прибор улавливал самую ничтожную влажность и фиксировал ее в своей памяти.

Услышав писк и неистовое хлопанье крыльев, Лиет резко обернулся и увидел, как ястреб схватил забившуюся в тарелку блестящего сканера солнечной активности пустынную мышь, которую фримены на своем языке называли муад’диб.

Маленькое животное пыталось выбраться из тарелки, карабкаясь вверх по ее гладким стенкам, но ястреб ударял ее когтями, пытаясь схватить, и сталкивал на дно. Мышь была обречена.

Лиет не стал вмешиваться в схватку.

Жизнь природы должна идти своим чередом.

Удивленный Кинес увидел, что тарелка накренилась от судорожных попыток зверька освободиться. Ястреб, сидевший на краю, переместился, и солнце нестерпимо ярким светом

ударило его по глазам. Птица на мгновение ослепла, промахнулась, упустив из виду добычу, мышь выпрыгнула из ловушки и скрылась в расщелине между камнями.

Лиет в радостном волнении наблюдал эту сцену. На память ему пришел древний фрименский гимн, которому научила его Фарула.

Я направил стопы свои в пустыню,
Где миражи трепещут в воздухе, как призраки.
Стремясь познать славу и жадный до опасностей,
Пошел я к пределу аль-Куляба,
Видя, как время сглаживает горы,
Желая пожрать и меня,
И увидел я ястребов, летящих
Навстречу мне, как прожорливые волки.
Они расположились на ветвях моей юности,
И слышал я, как в ветвях моих их стая
Точит когти и клювы, чтоб вонзить их в меня!

Что говорил в агонии его друг Варрик, приняв воду жизни? Ястреб и мышь – одно. Было ли это истинное видение или просто обычный бред?

Глядя, как растерянный ястреб поднимается на теплых воздушных потоках высоко в небо, чтобы оттуда высмотреть новую добычу, Лиет Кинес думал: случайно ли ускользнул муад'диб или умело воспользовался преимуществами своего положения?

Фримены везде и во всем видели признаки и знамения. Существовало поверье, что встреча с муад'дибом перед важным делом не сулит ничего хорошего, а важнейший совет должен был начаться с минуты на минуту.

Как планетолога, Лиета Кинеса волновала еще одна вещь. Солнечный сканер, созданный руками человека, вмешался в естественное течение дикой жизни пустыни, разорвал цепочку «хищник – жертва». Конечно, это всего лишь один эпизод, но Лиет рассматривал его в более широком контексте, как всегда поступал его отец. Даже мельчайшее вмешательство человека в природу со временем накапливается и подчас приводит к катастрофическим последствиям.

Вожди фрименских племен, суровые мужчины с обветренными лицами, прибыли из тайных селений, разбросанных по всей пустыне. Сьетч Красной Стены был идеальным местом сбора. Располагая разветвленной сетью пещер и переходов, сиетч мог вместить всех прибывших, которые привезли с собой воду, пищу и постели.

Прибывшие будут жить в сиетче несколько дней, а может быть, и недель, словом, столько, сколько потребуется для принятия согласованного решения. Лиет будет держать их здесь, даже если для достижения согласия их придется сталкивать лбами, чтобы заставить сотрудничать. Люди пустыни должны скоординировать свою борьбу, решив вопрос о тактических задачах и стратегических целях. Поправившийся, но все еще слабый Тьюрок расскажет гостям о том, как барон жертвует добытками пряности ради того, чтобы украсть лишнюю тонну. Потом Стилгар опишет, что он и его воины обнаружили в священных пещерах Сиетч-Хадита.

Делегаты прибыли сюда кто верхом на червях, кто пешком, проделав большие расстояния. Были и такие, кто прилетел на похищенных у Харконненов орнитоптерах, которые по прибытии были замаскированы или спрятаны в пещерах. Одетый в официальную джуббу, Лиет лично приветствовал каждого гостя, когда тот проходил через запечатанный вход в собственно сиетч.

Рядом с Лиетом стояла темноволосая жена Лиета с грудной дочкой и ползунком сыном – Лиет-чихом. В шелковистых локонах Фарулы были видны водные кольца, показатель благо-

состояния и значения ее супруга. Она стояла рядом с Лиетом, приблизившись к нему ровно настолько, насколько позволяли правила фрименского этикета.

Солнце, принимая оранжевый оттенок, стало клониться к закату. Над дюнами наступал ранний вечер. В зале собраний сietet женщины, по традиции, приготовили вождям сietet общий ужин, который должен был предшествовать открытию совета. Лиет сел за низкий стол рядом с наибом Хейнаром. В окружении наибов Лиет провозгласил тост в честь сурового старика. В ответ тот покачал седой головой, отказавшись произносить речь.

– Нет, Лиет. Настало твое время. Мое же осталось в прошлом.

Он крепко сжал ладонь зятя своей рукой, на которой не хватало двух пальцев, память о былой дуэли на ножах.

После ужина, пока суровые вожди занимали свои места в зале совета, Лиет успел подумать о многих вещах. Он хорошо подготовился к собранию – но захотят ли люди сотрудничать и сопротивляться Харконненам, мобилизовав объединенные силы Дюны? Или они еще глубже зароятся в песок, продолжая бороться с Харконненами поодиночке? Самое худшее случится, если фримены, как это не раз бывало в прошлом, перегрызутся между собой, вместо того чтобы вместе драться с общим врагом.

На этот случай у Лиета был план. Он поднялся на балкон, возвышавшийся над залом. Рядом с ним встала Рамалло, старая сайаддина в черной накидке. Темные глаза старухи блестели из глубоких впадин глазниц.

В зале собрались сотни людей, закаленные бойцы, ценой крови и тяжелого труда возвысившиеся в своих сietet. Все они уверовали в зеленое будущее Дюны, все почитали память уммы Кинеса. Не имевшие права голоса собрались на карнизах и балконах, выступавших из высоких стен. Воздух наполнился кислым запахом немых тел и острым ароматом пряности.

Сайаддина Рамалло протянула вперед покрытые старческими пятнами руки и благословила собравшихся. Толпа притихла, головы склонились. На соседний балкон вышел одетый в белое фрименский мальчик и высоким сопрано запел скорбную песнь на древнем языке чакобса. В песне говорилось о тяжелых странствиях предков фрименов Дзенсунни, которые в незапамятные времена бежали на Дюну с Поритрина.

Когда мальчик закончил песнь, сайаддина незаметно отошла в тень, оставив Лиета одного. Все глаза устремились на Кинеса. Настал его час.

Под сводами зала с великолепной акустикой загремел голос Лиета:

– Братья, для нас наступило время великих испытаний. На далеком Кайтэйне я рассказал императору Коррино о злодеяниях, которые творят Харконнены здесь, на Дюне. Я рассказал ему о разрушении пустыни, об эскадрах Харконненов, которые ради забавы охотятся на Шаи-Хулуда.

По толпе прошел ропот, но это было лишь напоминанием о том, что и так было хорошо известно собравшимся.

– Выступая в роли имперского планетолога, я просил императора прислать сюда ботаников, химиков и экологов. Я молил его о поставках жизненно необходимого оборудования. Я требовал, чтобы он заставил Харконненов прекратить преступления и бессмысленное разрушение.

Он помолчал, усилив напряжение среди присутствующих.

– Но меня попросту выгнали из зала, прервав аудиенцию. Император Шадцам Четвертый не пожелал меня слушать!

От негодующих криков пол балкона под ногами Лиета содрогнулся. Независимые и гордые фримены никогда не считали себя подданными императора. Они рассматривали Харконненов как негодяев, вмешавшихся в чужие дела, как временных оккупантов, которых в один прекрасный день сменят, чтобы посадить на шею фрименам правителей из другого Дома. Но

неизбежно настанет день, когда фримены будут сами править своей планетой. Это было предсказано в многочисленных легендах.

– На нашем великом собрании мы, как свободные люди, должны обсудить наши действия. Мы сами должны будем защитить наши обычаи, наш образ жизни, не оглядываясь на императора и его глупую политику.

Произнося пламенные слова, ища основу для взаимопонимания, чувствуя, как загорается его сердце, Лиет все время ощущал воодушевляющее присутствие Фарулы, которая, внимая каждому его слову, придавала мужу новые силы.

*Грязные берега истории усеяны обломками упрямых попыток
человека овладеть вселенной.*

Роспись театра в Ичане, столице Жонглера

Яркий, безвкусно и чрезмерно украшенный пассажирский салон транзитного корабля для массовых перевозок компании «Вэйку» напомнил ему сценическую постановку сюрреалистической пьесы с пышными дешевыми декорациями и слишком яркой подсветкой. Анонимный пассажир салона второго класса, Тирос Реффа, сидел в отсеке один, зная, что его жизнь никогда больше не станет прежней. Ободранные кресла, кричащие плакаты и резкие прохладительные напитки, как это ни странно, действовали на него успокаивающе, это был смазывающий неприятные видения отвлекающий ветер, заглушающий боль белый шум.

Он улетал с Зановара, из мира Талигари, желая бежать от своего прошлого.

Никто не обратил внимания на имя Реффы, никому не было дела до цели его поездки. Судя по тому, как безошибочно и полно было уничтожено имение, по тому, как внимательно и упорно преследовали его императорские шпионы, можно было догадаться, что даже кровавый император Коррино не сомневается в том, что его незаконный сводный брат сгорел вместе со своим домом.

Почему он не мог просто оставить меня в покое?

Реффа попытался отделаться от вездесущих торговцев, назойливых, иногда насмешливых людей в темных очках, которые продавали все на свете – от меланжевых конфет до приправленного карри жаркого из слиней. Реффа даже слышал рубленую атональную музыку, которая громко играла в наушниках торговцев. Он демонстративно не обращал на них внимания, и после нескольких часов бесплодных попыток что-нибудь продать Тиросу продавцы наконец оставили его в покое.

Кисти рук Реффы были красны и покрыты царапинами. Он множество раз протирал их самыми грубыми щетками, пробовал самое едкое мыло, но все было тщетно, он не смог избавиться от запаха смерти и дыма, которым пропиталась его кожа.

Ему не надо было летать на руины дома...

Плача, с красными от рыданий глазами, он пролетел на своем частном гидросамолете над блестящим на солнце спекшимся пятном расплавленной земли, которое осталось на месте его имения. Реффе стоило больших усилий прорваться сквозь кордоны и запретные зоны, подкупая чиновников и убегая от утомленной охраны.

От его красивого, ухоженного дома и сада не осталось ничего. Абсолютно ничего.

Несколько торчащих обломков колонн, перевернутая взрывом чаша фонтана, но никаких следов величественного дома или папоротников аллеи. Верный Чаренс был сожжен дотла, в мелкую золу, оставив лишь карикатурное выжженное пятно на месте своей тени – все, что осталось от исполненного собственного достоинства человеческого существа.

Реффа приземлился, ступил на пахнущую пеплом землю, и его оглушила невероятная, полная нечеловеческая тишина. Под обутыми в тяжелые сапоги ногами хрустели обугленные камни и почерневшие стекла. Он наклонился и взял щепотку золы, словно надеялся найти в пепле скрытое там тайное послание. Он копнул глубже, но не нашел ни живой травинки, ни уцелевшего жучка. Мир вокруг него был до боли тих, лишен дыхания и пения птиц.

Тирос Реффа за всю свою жизнь не причинил никому ни малейшего беспокойства, был доволен своим положением и радовался жизни. И вот его сводный брат попытался убить его, опасаясь со стороны Реффы возможных притязаний на трон. Убить четырнадцать миллионов человек в неумелой попытке уничтожить одного. Это казалось невозможным даже для такого монстра, но Реффа знал, что это так. Трон Золотого Льва был запятнан несправедливо пролитой кровью, напоминая Реффе о потрясающем спектакле одного актера, который он разыграл когда-то на Жонглере. Под сводами императорского дворца эхом отдаются крики невинных жертв Зановара.

Стоя под пеленой неосевшей сажки на своей выжженной земле, Реффа во всю силу легких проклял императора, но его крик рассеялся, как звук отдаленного грома...

После этого он купил билет на лайнер Гильдии, следовавший с Талигари на Жонглер, где в юности он провел свои самые счастливые годы. Он стремился вернуться в общество молодых студентов-актеров, творческих художников сцены, в компании которых душа его наслаждалась миром и покоем.

Ничем не выделяясь из толпы, пользуясь фальшивыми документами, которые доцент на всякий случай заготовил много лет назад, Реффа молча взобрался на борт корабля и за все время полета не проронил ни слова. Размышляя обо всем, чего он лишился, Тирос слышал, как в разных концах салона вспыхивали и гасли обрывки разговоров. Ювелир и его жена спорили о том, как разные камни преломляют свет, четверо бойких молодых людей громко обменивались мнениями по поводу лодочных гонок, которые они посетили на Перрине XIV, какой-то бизнесмен со смехом рассказывал своему конкуренту о том, какому унижению подверг Биккал какой-то герцог Лето Атрейдес.

Реффа желал только одного – чтобы все они замолчали и дали ему возможность обдумать, как жить дальше. Он никогда раньше не был ни мстительным, ни агрессивным, но вид обугленных руин Зановара изменил Реффу. Как не хватало ему сейчас опыта жажды справедливости. Он не только обвинял во всем и проклинал Шаддама, в его душе поднималось и немалое чувство ненависти к себе. *Я тоже Коррино. Это и моя кровь.* Подавив вздох, он глубже уселся в кресло, но потом не выдержал, встал и снова пошел мыть руки...

Еще до варварской атаки Реффа внимательно читал историю своего семейства, дойдя в своих изысканиях до глубины веков, когда род Коррино являл собой образцы высокой нравственности, когда империей управлял просвещенный кронпринц Рафаэль Коррино, портрет которого был выведен в гениальной пьесе «Тень моего отца». Глакс Отн воспитал из Реффы именно такого человека. И вот теперь у него нет ни выбора, ни прошлого, ни настоящего имени.

«Закон – вот конечное знание». Великая концепция правосудия, высказанная впервые много тысячелетий назад, горьким эхом отдавалась в мозгу Тироса. Говорили, что это изречение выбито над дверями кабинета императора в Кайтэйне. Интересно, прочитал ли Шаддам эту надпись хотя бы один раз?

В руках нынешнего обладателя императорского трона закон стал изменчив, как сыпучий песок. Реффа знал о таинственных смертях членов своего семейства. Старший брат императора Фафнир, сам Эльруд IX, родная мать Тироса Шандо, за которой охотились, как за диким животным, и убили на Бела Тегез. Он никогда не забудет ни Чаренса, ни доцента, ни невинных жертв Зановара.

По прибытии на Жонглер Реффа собирался снова примкнуть к своей старой актерской труппе, которой руководил блистательный Холден Вонг. Но если император узнает, что Реффа

остался жив, то весь Жонглер окажется под ударом? Он не имеет права открывать свою тайну и подвергать всю планету страшному риску.

Тональность рокота двигателей Хольцмана изменилась. Реффа понял, что лайнер вышел из свернутого пространства. Уже давно нежный голос стюардессы компании «Вэйку» объявил о прибытии и напомнил пассажирам, что они могут приобрести памятные сувениры.

Из багажного отсека над рядом сидений Реффа извлек все свои вещи. Все до единой. Пришлось много платить за лишние места, но он не мог доверить грузовому лайнеру некоторые предметы, которые купил перед отлетом с Талигари.

Погрузив вещи на транспортную подвеску, Реффа направился к выходу. Снова показались торговцы, которые пытались всучить, впрочем, без особого успеха, всякие безделушки пассажирам, ожидающим подхода челнока.

Когда Реффа вышел в здание космпорта планеты Жонглер, его настроение немного улучшилось. Здание было переполнено веселыми, улыбающимися людьми. Эта атмосфера оживила и ободрила его.

Оставалось только молиться, что он не подвергнет риску еще один цветущий мир.

Глядя на людей, встречавших родных и друзей, Тирос не увидел мастера Холдена Вонга, который обещал его встретить. Правда, Реффа знал, что на сегодняшний вечер назначен спектакль, а старый режиссер всегда лично руководил постановкой. Мастер жил в своем актерском мире и мало интересовался текущими событиями; вероятно, он не знает даже о трагедии Зановара. Наверное, он просто за делами забыл о приезде старого друга и не пришел на пристань.

Ничего страшного, Реффа прекрасно помнил дорогу. Возле порта была пристань, на которой можно было взять водное такси – сампан, которое перевозило пассажиров в город, раскинувшийся на противоположном берегу реки, покрытой ковром голубоватых водорослей. Лодка медленно выплыла на середину реки, преодолевая течение, и Реффа всей грудью вдохнул освежающий влажный воздух. Как разительно отличается это от пепелища Зановара.

За полупрозрачной пеленой тумана стал виден город Ичан – причудливая смесь старых строений и новых небоскребов, заполненный рикшами и пешеходами. Из нижней каюты доносились смех и игра струнного квартета: балисет, ребек, скрипка и ребаб.

Такси замедлило ход и подошло к пристани. Вслед за другими пассажирами Реффа вышел на старый городской пирс, неоструганный деревянный настил которого был усеян рыбьей чешуей, раздавленными раковинами моллюсков и похожими на солому оторванными ногами крабов. Среди лотков с морепродуктами и хлебных лавочек сновали рассказчики веселых историй, музыканты и жонглеры, зазывавшие публику на вечерние представления.

Реффа увидел мима, представлявшего бородатого языческого бога, выходившего из морской пены. Увидев его, мим подошел ближе, на его раскрашенном лице появилось странное выражение. Нарисованная кармином улыбка стала еще шире.

– Привет, Тирос. Видишь, я все-таки тебя встретил.

Реффа с трудом оправился от изумления.

– Холден Вонг, когда мим говорит, то это свидетельствует о его мудрости или открывает его безумие?

– Хорошо сказано, старый друг.

Вонг недавно получил ранг верховного актера, самый высокий титул артиста на Жонглере. Выдающиеся скулы, узкие, как щелочки, глаза, реденькая клочковатая бородка. Вонгу стукнуло восемьдесят лет, но выглядел он значительно моложе. Он не имел ни малейшего понятия ни о происхождении Реффы, ни о громадной награде, которую назначил Шаддам за его голову.

Старый режиссер обнял Реффу за плечи, оставив на его одежде след грима.

– Ты придешь сегодня на наше представление? Посмотришь на то, по чему ты, как я догадываюсь, очень соскучился?

- Да, но дело не только в этом. Я надеюсь снова найти место в вашей труппе, мастер. Темно-коричневые брови Вонга удивленно и радостно взлетели вверх.
- Ага, я снова получу талантливого актера. Что ты предпочитаешь? Комедию, лирику?
- Я предпочитаю трагедию или драму. Моя душа слишком истерзана для комедии или лирики.
- Ага. Ну что ж, Тирос, я надеюсь, что мы найдем для тебя что-нибудь подходящее. Вонг потрепал Реффу по затылку, на этот раз шутливо испачкав белилами его выкрашенные в черный цвет волосы.
- Я очень рад, что ты опять здесь, на Жонглере. Лицо Реффы сделалось серьезным.
- Я слышал, что вы планируете новую постановку «Тени моего отца».
- Именно так! Я как раз собираюсь приступить к репетициям этого важного во всех отношениях представления. Мы еще не закончили набор исполнителей, хотя через несколько недель нам предстоит поездка на Кайтэйн. Мы будем выступать перед самым императором! Мим был просто в восторге от такой удачи.
- В глазах Реффы появилось напряженное злое выражение.
- Я бы отдал жизнь за возможность сыграть в этом спектакле роль Рафаэля Коррино. Старый мастер-жонглер посмотрел на молодого человека и разглядел пылавший в его душе огонь.
- На эту роль мы выбрали другого актера, но ему не хватает искры, которой требует образ Коррино. Да, наверное, ты больше подходишь для этой роли.
- Я чувствую, что... родился только для того, чтобы сыграть ее.
- Реффа глубоко вздохнул, но, вспомнив актерские навыки, сумел скрыть полыхавший в его душе гнев.
- Шаддам Четвертый сумел внушить мне высочайшее вдохновение.

Что я могу сказать о Джессике? Если ей представится возможность, она, не задумываясь, поднимет Голос на Бога.
Преподобная Мать Гайус Элен Мохиаи

Было что-то неподобающее в том, что уважаемый герцог и его наложница занимаются любовью в продуктовой кладовке, но времени до отъезда оставалось совсем мало, и Лето понимал, что будет отчаянно тосковать по Джессике. Лайнер, на котором она должна была лететь на Кайтэйн, уже кружил по орбите. Вылет был назначен на завтрашнее утро.

В нескольких шагах от кладовки, на кухне, повара занимались своим делом: гремели кастрюлями, раскалывали раковины, резали салаты. Каждый из поваров мог в любую минуту войти в кладовую за какой-нибудь приправой или солью. Лето принял меры предосторожности: когда они с Джессикой, держа в руках бокалы с сухим кларетом, взятым во время недавнего подобного налета на винный погреб, незаметно проскользнули в заставленную кладовку, герцог заблокировал дверь несколькими жестяными ящиками импортной ягоды. Лето ухитрился принести еще бутылку вина, которую поставил на коробку в углу.

Это сексуальное безумие началось две недели назад, после свадьбы Ромбура, и подогревалось мыслью о скором и неминуемом отъезде Джессики на Кайтэйн. Лето желал свою наложницу везде, во всех уголках замка, не считая шкафов. Хотя Джессика была беременна, она охотно откликалась на домогательства Лето, выказывая удовольствие и восторг.

Величаявая молодая женщина поставила бокал на полку, и ее зеленые глаза сверкнули.

– У тебя есть в замке подходящие девки, Лето?

– У меня уже не хватает сил на тебя. Зачем мне еще больше истощать себя? – С этими словами он извлек из рядом стоявшей коробки три пыльные банки консервированных лимонов. – Мне понадобится несколько месяцев, чтобы просто прийти в себя и восстановить силы.

– Надеюсь, что это так, но ничего, сегодня мы делаем это в последний раз. – Тон Джессики был мягким, почти укоризненным. – Я еще не собрала вещи.

– Разве супруга императора не способна обеспечить одеждой свою камеристку?

Она поцеловала Лето в щеку и сняла с него черный китель. Аккуратно свернув его, Джессика положила китель так, чтобы был виден ястреб Атрейдесов. Потом она медленным движением начала снимать с Лето рубашку, не спеша стягивая ее с плеч и открывая грудь.

– Позвольте мне приготовить достойное ложе, леди.

Лето достал из коробки полотно пузырчатого плаза, который использовали для упаковки хрупких предметов. Герцог постелил это полотно прямо на пол.

– Ты обеспечил мне потрясающий комфорт.

На всякий случай отставив бокал с вином подальше, она показала Лето, на что способна даже в кладовке на подстеленном упаковочном материале...

Придя в себя после бурных ласк, Лето заговорил:

– Все было бы по-другому, если бы я не родился герцогом. Иногда мне хочется, чтобы мы с тобой просто могли... – Он не закончил фразу.

Глядя в его серые глаза, Джессика видела в них невысказанную любовь, трещину в броне этого гордого, а подчас и высокомерного человека. Она протянула Лето бокал и пригубила из своего.

– Я ничего от тебя не требую.

Она вспомнила, какие страсти раздирали его первую наложницу Кайлею, которая никогда не ценила то, что делал для нее герцог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.